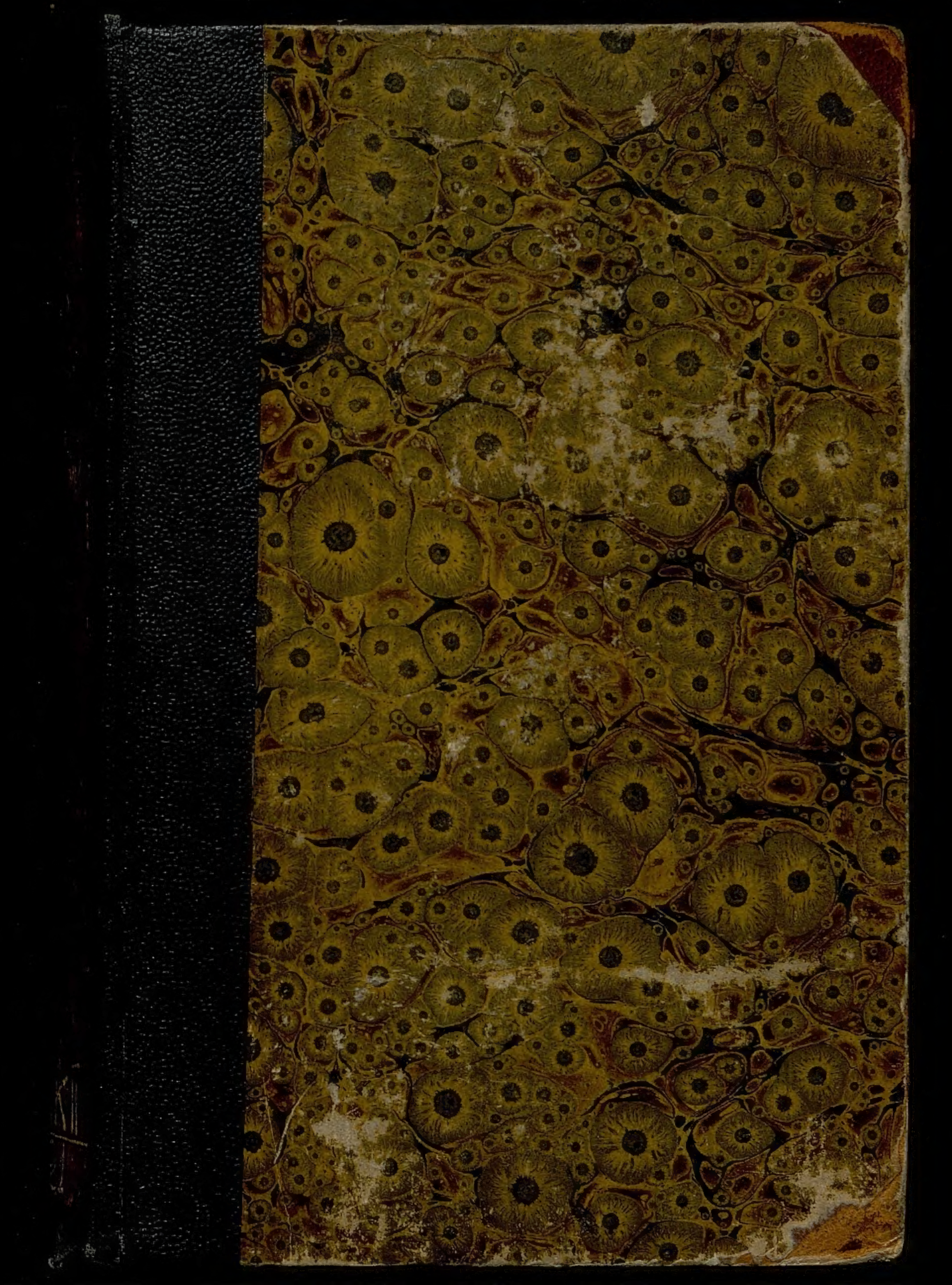
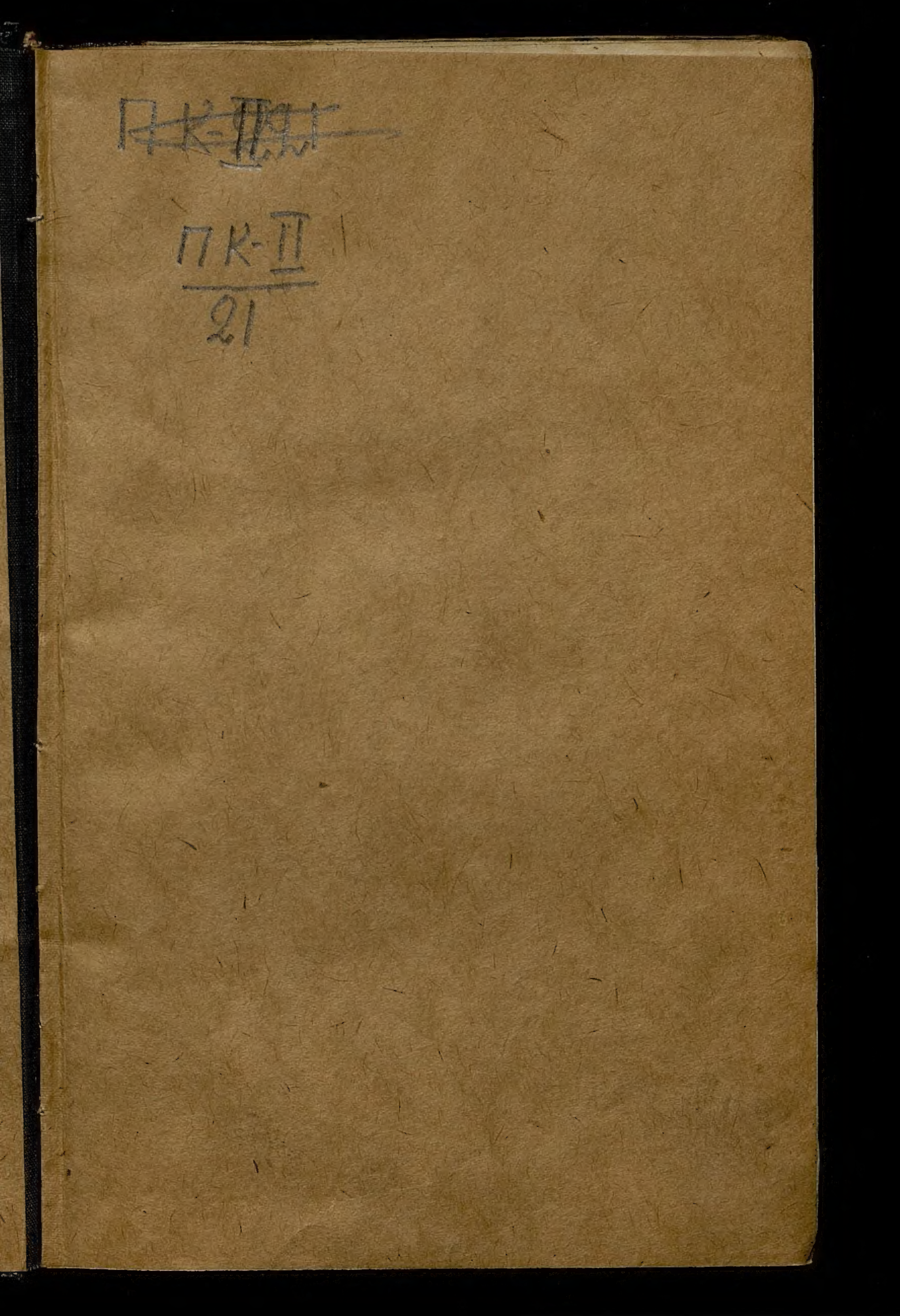

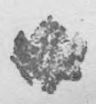

ПК-II
21

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

СИБИРИ И ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

совершенное, въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг., экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Февраля 10 дня, 1840 года.

Ценсоръ *С. Куторга.*

ГЛАВА I.

Второе путешествіе по льду.— Приготовленія.— Планъ.— Отъѣздъ.— Медвѣжья охота.— Ночлегъ на морскомъ льду.— Глазная болѣзнь.— Четыре-Столбовой островъ.— Разсолъ.— Ломка льдовъ.— Цѣпь торосовъ.— Торосы стараго образованія.— Средство сохранять курсъ среди торосовъ.— Складъ провіанта во льду.— Ледяной хребетъ.— Праздникъ Пасхи.— Бѣлые медвѣди.— *Медвѣжій островъ* и *Крестовый островъ*.— Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ.

Приготовленія къ нашей второй поѣздкѣ ничѣмъ почти не отличались отъ приготовленій къ первой, но только производились въ большемъ объемѣ. Узнавъ собственнымъ опытомъ затрудненія и препятствія, какія наиболѣе встрѣчаются въ подобномъ путешествіи, мы принимали для отклоненія ихъ всѣ зависѣвшія отъ насъ мѣры. Прокладывать дорогу черезъ высокія, плотныя купы торосовъ, которыя по мѣрѣ нашего удаленія въ море должны были попадаться намъ чаще, взяли мы нѣсколько пешней, а для переправъ чрезъ полыньи легкую кожаную лодку.

Испытавъ, какъ вредна для санныхъ полозьевъ ѣзда по морскому разсолу, или по снѣгу, смерзшемуся остроконечными кристаллами, и предвидя, что по причинѣ поздняго времени намъ часто придется ѣхать такою дорогою, мы запаслись китовыми ребрами, чтобы въ случаѣ надобности подвязывать ихъ подъ нарты. Изъ инструментовъ, кромѣ прежнихъ, я взялъ еще съ собою *инклинаторъ* и *лотъ съ линемъ*.

Провіантомъ для насъ и кормомъ для собакъ запаслись мы на 30-ть дней, надѣясь, при удачной медвѣжьей охотѣ, и долѣе держаться въ морѣ.

Назначенныя собственно для путешествія, шесть самыхъ прочныхъ и длинныхъ нартъ, съ надежными упряжками, находились уже съ 16-го Марта въ Сухарномъ, гдѣ собаки отдыхомъ и хорошимъ кормомъ приготовлялись къ продолжительному путешествію. Марта 22-го отправился въ Сухарное г. Матюшкинъ, съ остальными 14-ю транспортными нартами, чтобы присутствовать при нагрузкѣ провіанта и другихъ вещей для экспедиціи; 25-го числа прибылъ я самъ въ Сухарное и нашелъ все готовымъ и въ наилучшемъ порядкѣ. Нарты, каждая съ грузомъ въ 30-ть пудовъ, были плотно обвернуты и обвязаны; полозья, облитыя нѣсколько разъ водою, снабжены были толстыми ледяными тормозами; собаки, отдохнувшія и хорошо откормленныя, видимо поправились.

Въ путешествіи моемъ сопровождали меня г.

Матюшкинъ *, отставной унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ и матросъ Нехорошковъ. Кромѣ того, Колымскій купецъ Бережной добровольно вызвался ѣхать съ нами, на двухъ собственныхъ своихъ нартахъ и съ своимъ кормомъ. Шестью путевыми нартами правили три казака, одинъ Русскій крестьянинъ и два Юкагира съ Большаго Анюя; транспортныя нарты были поручены отчасти казакамъ, отчасти Колымскимъ жителямъ и Юкагирамъ.

Марта 26-го, при легкомъ ZO вѣтрѣ, безоблачномъ небѣ и 5° холода, мы отправились въ путь. Къ вечеру достигли мы Малаго Баранова Камня и остановились въ той же поварнѣ, гдѣ ночевали въ прошломъ году. На берегу лежало много наноснаго лѣса, и мы нагрузили имъ, по возможности, наши нарты, такъ, что запаслись дровами дней на двадцать пять.

Согласно съ данною мнѣ инструкціею надлежало начать опись и изслѣдованіе прямо отъ Шелагскаго мыса къ сѣверу, но мнѣ казалось необходимымъ осмотрѣть предварительно море къ сѣверу отъ Барановыхъ Камней. Къ тому побудило меня, во первыхъ, опасеніе заложить на Шелагскомъ мысу складку провіанта, необходимаго для продолженія путешествія, ибо по сосѣдству съ Чукчами легко могъ онъ сдѣлаться

* Штурманъ Козьминъ остался въ Нижне-Колымскѣ, для постройки гребнаго судна, на которомъ будущимъ лѣтомъ предполагалъ я отправиться для описи устья Колымы и сосѣднихъ морскихъ береговъ.

*

нхъ добычею; во вторыхъ то, что въ ~~прошло-годней~~ первой поѣздкѣ имѣли уже мы случай замѣтить, какія непреодолимыя препятствія и непроходимыя стѣны торосовъ ожидаютъ путешественника на сѣверъ отъ Шелагскаго мыса; въ третьихъ, наконецъ, самая дорога до мыса требовала столько времени и такъ могла изнурить собакъ, обезсиленныхъ зимними работами, что мы уже не могли бы проникнуть далеко на сѣверъ. По симъ соображеніямъ рѣшился я оставить твердую землю и прямо отъ Баранова Камня взять направленіе къ сѣверу. Марта 27-го въ 11-ть часовъ утра, когда густой туманъ нѣсколько разсѣялся, мы поѣхали далѣе. Термометръ показывалъ по утру 10°, а къ вечеру $8\frac{1}{2}$° холода. Наклоненіе магнитной стрѣлки равнялось 77° $37\frac{1}{2}$'. Двадцать двѣ нарты нашего каравана, слѣдуя одна за другой, составляли линію на полверсты длиною.

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ берега тянулась длинная цѣпь высокихъ торосовъ, верстъ на семь шириною. Высота льдинъ и огромныя груды рыхлаго снѣга въ промежуткахъ весьма затрудняли путь и утомляли собакъ. Почти въ срединѣ цѣпи находилась довольно широкая щель, черезъ которую морская вода выступала на ледъ. Мы нашли возможность объѣхать ее, и послѣ трехъ часовъ утомительной ѣзды выбрались изъ лабиринта льдовъ. Передъ нами открылась необозримая, гладкая ледяная равнина. Какъ острова среди океана, подымались на ней изрѣдка отдѣльныя, блестящей бѣлизны льдины. На-

дежда на быстрое и безостановочное путешествіе изгладила у насъ изъ памяти всякое воспоминаніе о перенесенныхъ трудахъ. Съ начала, мы смотрѣли на ровную, неподвижную поверхность съ пріятнымъ чувствомъ, какое испытываетъ мореходецъ, выбравшись въ открытый океанъ изъ опасныхъ прибрежныхъ отмѣлей. Вскорѣ однакожь увѣрились мы въ безконечномъ различіи между оживленнымъ, безпрерывно движущимся океаномъ и убійственною однообразностью окружавшей насъ ледяной пустыни, видъ которой утомлялъ взоръ и наводилъ невольное уныніе на человѣка.

Въ первыхъ порывахъ радости о преодолѣнныхъ препятствіяхъ и трудахъ, которую, казалось, раздѣляли съ нами самыя собаки наши, бѣжавшія безъ всякаго понужденія весьма скоро, проѣхали мы 11-ть верстъ въ прямомъ направленіи къ сѣверу. Здѣсь велѣлъ я остановиться, желая дать роздыхъ собакамъ и подождать транспортныхъ партъ, отставшихъ въ торосахъ. Едва расположились мы на снѣгу, вдругъ изъ-за высокой льдины выскочилъ огромный бѣлый медвѣдь и хотѣлъ броситься на насъ. Ужасный лай и вой сотни собакъ устрашили звѣря и онъ побѣжалъ отъ насъ. Мгновенно всѣ вскочили, и вооруженные ружьями, копьями и стрѣлами, погнались за непріятелемъ. Травля продолжалась три часа. Раненый тремя стрѣлами и двумя пулями, медвѣдь все еще болѣе и болѣе свирѣпѣлъ, и наконецъ остановясь и поднявшись на заднія

лапы, съ воемъ бросился на охотниковъ. Къ счастью, медвѣдь напалъ на казака Котельникова, который неустрашимо подпустилъ его къ себѣ на пять шаговъ, всадилъ ему пулю въ грудь, и съ удивительною силою и отвагою свалилъ яростнаго звѣря копьемъ на ледъ. Подоспѣвшіе охотники довершили побѣду. Убитый медвѣдь былъ огромнаго роста; длина его отъ морды до корня хвоста равнялась 4-мъ аршинамъ; къ тому же онъ былъ очень жиренъ, и такъ тяжелъ, что 12-ть здоровыхъ собакъ насилу могли стащить его съ мѣста; судя по тому, въ немъ было до 35-ти пудовъ вѣсу.

Во время охоты прибыли нѣкоторыя изъ транспортныхъ нартъ и привезли извѣстіе, что двѣ нарты сильно повредились въ торосахъ и остались тамъ безъ всякой помощи. На выручку къ нимъ тотчасъ отправилъ я три разгруженныя нарты. Черезъ два часа всѣ наши спутники собрались, хотя промокшіе и облѣпленные клочьями снѣга и льду, но безъ большаго вреда.

Всѣ сіи происшествія заняли много времени; между тѣмъ становилось уже поздно; люди и собаки до того утомились, что рѣшено было оставаться здѣсь ночевать. Лагерь нашъ располагался слѣдующимъ образомъ: въ срединѣ помѣщался нашъ большой *уросъ*, составляя, какъ будто главную квартиру; около него растягивались четыре небольшія четыреугольныя палатки, въ родѣ *пологовъ*, принадлежавшія купцу Бережному и нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ проводниковъ.

Кругомъ ставились нарты, и къ нимъ привязывались собаки; онѣ могли такимъ образомъ охранять весь лагерь отъ ночныхъ нападеній бѣлыхъ медвѣдей. Чутье здѣшнихъ собакъ стоитъ удивленія; даже во время сна, спрятавъ морду въ шерсть, онѣ чувствуютъ приближеніе непріятеля, и всегда общимъ лаемъ и воемъ пугаютъ его, увѣдомляя хозяина о приближеніи опасности.

Погода была прекрасная. Передъ сномъ, пользуясь сумерками, занимались мы стрѣляньемъ и метаньемъ въ цѣль. Небольшая льдина представляла медвѣдя; на ней обозначены были глаза, морда и сердце, и кто попадалъ въ одно изъ сихъ мѣстъ, получалъ право участвовать въ будущей медвѣжьей травлѣ. Вообще промаховъ было дано мало. Другая часть общества чинила между тѣмъ нарты, варила ужинъ, потрошила и раздѣляла медвѣдя, * и т. д. Особенное вниманіе наше было обращено на сбереженіе дровъ, ибо мы взяли ихъ съ собою весьма незначительное количество и въ случаѣ недостатка не могли ничѣмъ замѣнить. Для надзора за расходомъ сего необходимаго для насъ запаса приставленъ былъ особый, надежный казакъ, и ему было поручено собирать при рубкѣ дровъ всѣ щепки и кусочки, такъ, чтобы ничего не пропадало. Въ обязанность ему поставлено было также наблюдать, чтобы огни, тотчасъ по свареніи похлѣбки, или чая,

* Замѣчательно, что соб[illegible]ки ѣдятъ съ жадностью мерзлое медвѣжье мясо, а до теплаго даже при сильномъ голодѣ, не дотрогиваются.

тушили, а головешки и уголья сохраняли до другаго дня. Вообще должно замѣтить, что въ нашемъ небольшомъ хозяйствѣ ввели мы всевозможный порядокъ и бережливость. Провіантъ раздавался также однимъ, собственно для того назначеннымъ казакомъ. Каждый кусокъ рыбы и остатки каши и мяса добросовѣстно возвращались отъ всѣхъ въ общую кучу запасовъ, для употребленія на слѣдующій день.

Марта 28-го, по утру, термометръ показывалъ 12°, а къ вечеру 10° холода. При большомъ количествѣ нашихъ собакъ, мы издержали на ихъ кормъ столько рыбы, что отсюда одну нарту отослали въ Нижне-Колымскъ. Въ 9-ть часовъ утра, весь отрядъ нашъ двинулся въ дальнѣйшій походъ на NW 15°, направляясь на замѣтныя, въ отдаленіи лежащія льдины, для сохраненія прямой линіи. Попутный юго-восточный вѣтеръ и гладкая поверхность льда благопріятствовали нашему путешествію. Въ полдень остановились мы для наблюденій *, по которымъ вывели 69° 58′ широты. Большой Барановъ Камень лежалъ отсюда, по компасу, на NO $73\frac{1}{2}$°. На пути часто встрѣчали мы слѣды песцовъ, лежавшіе по одному съ нами направленію. Такое обстоятельство имѣло выгодныя для насъ послѣдствія: собаки,

* Кажется, будетъ излишне упоминать, что при нашихъ поѣздкахъ наблюдали мы высоты разныхъ свѣтилъ посредствомъ ртутнаго горизонта, потому что истинный горизонтъ на Ледовитомъ морѣ ограничивается, по большей части, неровностями и не ясною чертою.

желая догнать звѣря, добровольно бѣжали весьма скоро. Проѣхавъ 48-мь верстъ, выбрали мы для ночлега мѣсто, нѣсколько покрытое снѣгомъ. Лагерь нашъ былъ опять устроенъ вышеописаннымъ порядкомъ. Обсервованная здѣсь широта равнялась 70° 12½′. Большой Барановъ Камень видѣнъ былъ на SO 56°, въ разстояніи 39-ти Итальянскихъ миль. Наклоненіе магнитной стрѣлки равнялось 78° 15′.

На второй день путешествія уже почувствовали мы вредное вліяніе яркаго отраженія лучей свѣта отъ блестящаго льда. Всѣ мы, болѣе или менѣе, страдали воспаленіемъ и сильною болью въ глазахъ. Предвидѣвъ сіе неудобство, запасся я чернымъ крепомъ; нѣкоторые изъ насъ обтянули имъ свои очки, другіе просто завѣсили глаза, и тѣмъ избавлялись отъ ослѣпительнаго свѣта, хотя предосторожность нимало не препятствовала зрѣнію. Для облегченія боли и уменьшенія воспаленія употребляли мы съ пользою моченіе глазъ виномъ. Нѣкоторые изъ нашихъ проводниковъ лечились иначе: они насыпали по вечерамъ въ глаза нѣсколько нюхальнаго табаку, и послѣ мучительной ночи, чувствовали на утро значительное облегченіе.

Марта 29-го, при облачномъ небѣ и слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ по утру 8°, а вечеромъ 16° холода. Мы держались вчерашняго курса на NW 15°, и въ полдень, по наблюденію, находились подъ 70° 19′

25″ широты. Отъѣхавъ отсюда версты двѣ, увидѣли мы въ туманѣ на NW 39° землю. Въ надеждѣ сдѣлать новое открытіе, тотчасъ направили мы туда нашъ путь. Географическое положеніе Медвѣжьихъ островов было опредѣлено, въ 1769-мъ году, экспедиціею трехъ прапорщиковъ Геодезіи, Лисьева, Пушкарева и Леонтьева. По ихъ наблюденіямъ, самый восточный изъ острововъ лежитъ подъ 71° 58′ с. широты. Основываясь на томъ, мы полагали, что видимая нами земля не могла принадлежать къ купѣ Медвѣжьихъ острововъ. Между тѣмъ она безпрестанно перемѣняла свое положеніе, внѣшній видъ и величину, и то казалась возвышенною, то низменною, то совершенно исчезала, такъ, что породила наконецъ разныя сомнѣнія и предположенія, относительно важности нашего открытія. Приблизившись верстъ на 16-ть къ предмету нашихъ надеждъ, мы увидѣли, что то былъ маленькій, довольно возвышенный островъ, на которомъ подымались три отдѣльные столбовидные утеса, различной вышины. Одинъ изъ нихъ, превышавшій другіе, казался похожимъ на человѣческую фигуру исполинскаго размѣра. Въ 2-хъ верстахъ отъ острова надобно было переправляться через крутую изрытую гряду торосовъ. Наконецъ, мы достигли небольшаго мыса и глубокой бухты, на отлогомъ берегу которой лежало нѣсколько наноснаго лѣса. Такая находка, надежда согрѣться около большаго костра и утомленіе собакъ, пробѣжавшихъ уже 46-ть верстъ, побудили насъ

выбрать здѣсь мѣсто ночлега. Два часа спустя прибыли наши послѣднія транспортныя парты.

Пока проводники занимались устройствомъ лагеря и приготовленіемъ пищи, мы воспользовались исчезающимъ дневнымъ свѣтомъ, спѣша взобраться на самый возвышенный пунктъ острова, отлогій холмъ, гдѣ стояли замѣченные нами столбы. Все пространство отъ берега до вершины холма, около половины морской мили, было завалено большими и малыми отломками гранита и порфира, становившимися крупнѣе по мѣрѣ приближенія къ столбамъ, около которыхъ лежали уже огромныя груды камней. Столбы состояли изъ горизонтальныхъ, около 5-ти дюймовъ толщины слоевъ тѣхъ же породъ. На двухъ столбахъ замѣчены нами значительныя щели и трещины, разрѣзывающія ихъ съ верху до низу и имѣющія повидимому параллельное направленіе на NO 60°. Изъ сего можно заключить, что три нынѣ раздѣленные камня составляли нѣкогда одинъ большой утесъ; постепенно разщеливаясь и разрушаясь отъ силы мороза, или другихъ физическихъ причинъ, онъ утратилъ наконецъ свой первобытный видъ. Самый большой изъ столбовъ простирался по моимъ измѣреніямъ на 48 футовъ высоты и 91 футъ въ окружности, близъ основанія. Къ вершинѣ онъ суживался и представлялъ, какъ выше замѣчено, видъ человѣческаго тѣла, безъ рукъ и ногъ, въ чалмѣ, или шапкѣ, надѣтой на голову. Отсюда, на восточной оконечности острова, усмотрѣли мы четвер-

тый небольшой столбъ такого же образованія, а потому и островъ получилъ отъ насъ названіе *Четырехъ-Столбоваго*. Вблизи отъ нашего лагеря нашли мы два старые деревянные полоза и нѣсколько оленьихъ рогъ; находка наша была доказательствомъ, что островъ зимою и лѣтомъ посѣщается оленями.

Горизонтъ покрывался пасмурностью; на NNW, казалось, по открытому морю носятся плавающія льдины, а по захожденіи солнца поднялись въ той сторонѣ густые пары темнаго цвѣта. Такое явленіе приписывалъ я испареніямъ снѣга, напитаннаго морскою водою, или по Сибирскому названію *рассоломъ*, а первое было, вѣроятно, слѣдствіе преломленія лучей свѣта, отъ котораго туманъ кажется волнующимся моремъ и неподвижные торосы плавающими льдинами. Возвращаясь, обошли мы западную сторону бухты, и пройдя 5 верстъ, спустились съ крутаго берега на морской ледъ. Въ низменностяхъ показывалась красноватая, болотистая земля, поросшая низкою и рѣдкою травою, какая покрываетъ сѣверныя тундры Сибирскаго материка. Рытвины и овраги были завалены твердо замерзшимъ снѣгомъ; по всей дорогѣ попадались берлоги медвѣдей, а также мы видѣли слѣды песцовъ и мышей, но самыхъ сихъ звѣрей не видали.

Съ пріятнымъ чувствомъ глядѣли мы наконецъ на ярко пылающіе костры, разложенные въ нашемъ лагерѣ. Около нихъ, съ суетливою дѣятельностью, толпились наши спутники, наслаж-

даясь благодѣтельною теплотою, столь рѣдкимъ удовольствіемъ въ полярныхъ странахъ.

Марта 30-го, по утру, при слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ, термометръ показывалъ 14°, а къ вечеру, не смотря на свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ, поднялся до 11° холода. Въ полдень вокругъ солнца замѣтили мы кольцо радужнаго цвѣта.

Я рѣшился здѣсь продневать, чтобы отправить двѣ разгруженныя нарты въ Нижне-Колымскъ и наколоть, для дальнѣйшей поѣздки, какъ можно болѣе дровъ. Пока г. Матюшкинъ на легкой нартѣ объѣзжалъ кругомъ и описывалъ островъ, я взялъ полуденную высоту солнца, по которой опредѣлилъ широту нашего ночлега въ 70° 37′ 06″, а долготу въ 0° 41′ на востокъ отъ Сухарнаго. По соотвѣтствующимъ азимутамъ склоненіе компаса оказалось 14° 6′ восточное, а наклоненіе, съ перемѣною полюсовъ, 79° 3′.

Къ вечеру возвратился г. Матюшкинъ и по его описи приготовили мы карту острова. По наблюденіямъ и осмотру береговъ оказалось, что всѣ мысы и выдавшіяся въ море части острова, состоятъ, подобно описаннымъ выше столбамъ, изъ слоевъ гранита и порфира и спускаются отрубомъ къ поверхности воды. Въ бухтахъ и углубленіяхъ берегъ земляной, отлогій и покрытый вездѣ разными обломками вышеозначенныхъ каменныхъ породъ. Самая западная оконечность острова можетъ почесться отдѣльнымъ утесомъ, сложеннымъ изъ слоевъ чернаго шифера и

бѣловатаго кварца, въ которомъ попадается колчеданъ. Сей утесъ облѣпленъ безчисленными птичьими гнѣздами и соединяется съ островомъ только низменнымъ, узкимъ перешейкомъ, который, вѣроятно, часто покрывается водою. Вообще восточная часть острова возвышеннѣе и скалистѣе западной. На сѣверномъ берегу, въ небольшомъ заливѣ, г. Матюшкинъ замѣтилъ много наноснаго лѣса. Съ западнаго берега показывались на западѣ два небольшихъ острова, но разстоянія ихъ, за густымъ туманомъ, опредѣлить было невозможно.

Главное направленіе острова, его величина, фигура, столбы на немъ, и наконецъ два другіе острова, видимые на W и NW отсюда, вели къ заключенію, что нашъ *Четырехъ-столбовый* островъ былъ ни что иное, какъ самый восточный изъ Медвѣжьихъ, по описанію Геодезіи прапорщика Леонтьева представляющій почти ту же величину и фигуру, и также обставленный нѣсколькими столбами. По наблюденіямъ Леонтьева, самый восточный изъ Медвѣжьихъ острововъ долженъ находиться на 1° 21′ сѣвернѣе нашего опредѣленія, но разница нисколько не опровергаетъ нашего заключенія, потому, что такую невѣрность въ счисленіи широтъ находимъ по всему берегу материка къ западу отъ Колымы. Отсюда, какъ на связанные съ симъ берегомъ при наблюденіяхъ, и на Медвѣжьи острова, весьма естественно, перешла та же невѣрность.

Марта 31-го, при облачномъ небѣ и свѣжемъ

сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, отправились мы далѣе. Термометръ показывалъ поутру 11°, а вечеромъ, при рѣзкомъ ONO вѣтрѣ, только 8° холода. Отъ восточной оконечности острова направили мы нашъ путь, по компасу, на NO 5°. Въ полдень, проѣхавъ 11-ть верстъ въ семъ направленіи, мы находились, по наблюденію, подъ 70° 41′ 45″ широты и 0° 48′ долготы на востокъ отъ Сухарнаго.

Вся дорога, кромѣ первой груды торосовъ, не представляла намъ большихъ препятствій и затрудненій, но здѣсь морской ледъ былъ покрытъ крупными, твердыми и остроконечными соляными кристаллами, отдиравшими *войду*, т. е. ледяную кору съ санныхъ полозьевъ, такъ, что нарты тащились, какъ будто по песку. Собаки наши измучились, и мы были принуждены, для ихъ облегченія, идти почти цѣлый день пѣшкомъ. Дорога становилась хуже и труднѣе съ каждою верстою; снѣгъ дѣлался рыхлѣе и сырѣе, а соляной слой толще. Сильный ONO вѣтеръ нагналъ наконецъ столь густой и сырой туманъ, что наши мѣховыя платья казались обрызганными водою. Всѣ сіи явленія заставляли предполагать, что недалеко отъ насъ находится открытое море. Положеніе наше становилось часъ отъ часу опаснѣе, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ скрѣпчалъ и нагналъ густой туманъ, совершенно покрывшій всю окрестность. При такихъ обстоятельствахъ могли мы подвигаться впередъ только ощупью, при еже-

минутной опасности заѣхать въ полынью, а остановиться здѣсь не было возможности, потому, что мѣсто было ровное, не представлявшее ни какихъ возвышеній, гдѣ можно было укрыться, да и снѣгъ и ледъ, напитанные морскою солью, не доставили бы здѣсь для нашей пищи прѣсной воды. Наконецъ, туманъ по направленію NO 35° началъ рѣдѣть и избавилъ насъ отъ мучительной неизвѣстности. Въ разстояніи одной версты отсюда открыли мы довольно высокую кучу торосовъ, обѣщавшую намъ удобное мѣсто ночлега. Подъ защитою ледяной гряды, сажень въ пять ширины и вышины, рѣшились мы пережидать непогоду. Поверхность морскаго льда и подошвы торосовъ были покрыты слоемъ разсола, около фута толщиною. Онъ заставилъ меня предполагать, что море недавно еще покрылось здѣсь льдомъ, который не можетъ быть достаточно толстъ и надеженъ въ случаѣ сильной бури. Желая удостовѣриться въ томъ, велѣлъ я прорубить ледъ, но сдѣлавъ углубленіе въ $1^1/_2$ аршина, мы не только не достигли воды, но не замѣтили даже никакой перемѣны въ образованіи и качествѣ льда. Для прѣсной воды надобно было собирать снѣгъ съ вершинъ торосовъ; онъ былъ совершенно чистъ, но снѣгъ внизу лежавшій, а также и ледъ, имѣли самый отвратительный, солоноватый вкусъ. Ночью вѣтеръ сильно скрѣпчалъ, и дулъ съ такими порывами, что опрокинулъ нашу палатку, и, вѣроятно унесъ бы ее, еслибы она не была прикрѣплена къ то-

росамъ. По счисленію, мы ночевали подъ 70° 53½′ широты и 1° 2′ долготы отъ Сухарнаго.

По утру, 1-го Апрѣля, при слабомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и легкомъ туманѣ, термометръ показывалъ 4° мороза. Къ вечеру небо прояснилось; сѣверо-восточный вѣтеръ сильно скрѣпчалъ и ртуть опустилась на 11° холода. Въ 11-ть часовъ буря утихла; туманъ началъ разсѣяваться, и мы отправились въ дальнѣйшій путь на NO 10°. Въ полдень найдена, по наблюденію, широта 70° 54′; счислимая долгота равнялась 1° 8′, къ В. отъ Сухарнаго. Проѣхавъ отсюда еще 24 версты, замѣтили мы на снѣгу песцовые слѣды, по направленію на NW, гдѣ небо обложено было густымъ синимъ туманомъ, который, по увѣренію нашихъ проводниковъ, обыкновенно подымается изъ полыней. Среди гладкой ледяной равнины попадались намъ высокіе торосы, иногда покрытые пескомъ и иломъ.

На послѣднемъ ночлегѣ, подъ деревянныя полозья нашихъ нартъ подвязали мы китовыя ребра, потому что на нихъ съ большею легкостью скользятъ нарты по морскому снѣгу и разсолу. Хотя тѣмъ доставлено было нѣкоторое облегченіе собакамъ, но мы принуждены были идти подлѣ нартъ и подвигались очень медленно, такъ, что въ семь часовъ сдѣлали только 33 версты, и не смотря на то нарты съ провіантомъ отъ насъ отстали и потерялись изъ вида. Для соединенія съ отставшими и отдыха утомленныхъ собакъ, рѣшился я остановиться на ночлегѣ. Мы нахо-

дились подъ 71° $11\frac{1}{2}'$ счислимой широты и 1° $3\frac{1}{2}'$ долготы, на В. отъ Сухарнаго. Ночь провели мы спокойнѣе вчерашней и промежутокъ времени между сумерками и разсвѣтомъ былъ почти непримѣтенъ.

На другой день (2-го Апрѣля) свѣжій сѣверозападный вѣтеръ нанесъ снѣгъ; термометръ показывалъ 6° холода. Нашъ путь лежалъ на NW 10°; переѣздъ чрезъ торосы былъ чрезвычайно труденъ. Мы сами перетаскивали нарты черезъ большія пространства, покрытыя крупными кристаллами морской соли. Въ 14-ти верстахъ отъ ночлега замѣтили мы трехъ тюленей, спокойно спавшихъ на льду; собаки бросились на нихъ, но звѣри скрылись. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежали тюлени, замѣтили мы во льду круглое отверстіе, фута полтора въ діаметрѣ; ледъ былъ толщиною въ полъ-аршина, весьма хрупокъ и совершенно проникнутъ морскою солью. Глубина моря равнялась 12-ти саженямъ (въ 6 футовъ); дно его состояло изъ мягкой зеленой глины. Полоса торосовъ, черезъ которую мы пробрались, тянулась съ востока на западъ. Въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ тюленьихъ продушинъ, въ томъ же направленіи, тянулось еще нѣсколько рядовъ высокихъ торосовъ, образовывавшихъ между собою долины, версты по 3 и 4 шириною, покрытыя чистымъ, глубокимъ снѣгомъ. Проѣхавъ 34 версты въ прямомъ направленіи къ сѣверу, мы остановились на ночлегъ у подошвы высокаго торо-

са; по счисленію лежалъ онъ подъ 71° 31′ широты и 7° 37½′ долготы отъ Сухарнаго.

Трудность ѣзды по сырому снѣгу, проникнутому и покрытому кристаллами соли, также умѣренность температуры и ослѣпительный свѣтъ солнца, побудили меня отдыхать днемъ, а ѣхать по ночамъ, которыя были почти совершенно свѣтлы.

Апрѣля 3-го отправилъ я три порожнія нарты въ Нижне-Колымскъ, отпустивъ съ ними, для большей безопасности, компасъ. Полуденное наблюденіе дало намъ 71° 32′ 26″ широты. Погода была пасмурна; при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 7° холода; ночью выпалъ мокрый снѣгъ.

Послѣ захожденія солнца отправились мы далѣе на NW 13°. На пути замѣтили много песцовыхъ слѣдовъ; они шли отъ WSW на ONO. Сначала собаки бѣжали довольно скоро по гладкому снѣгу, хотя и былъ онъ покрытъ иногда соляными кристаллами, но проѣхавъ 15-ть верстъ очутились мы, такъ сказать, въ разсольномъ болотѣ, и уже никакъ не могли подвигаться впередъ. Изслѣдовавъ лежащій подъ солянымъ слоемъ ледъ, я нашелъ, что онъ былъ нетолще 5 дюймовъ, и такъ мягокъ, что можно было рѣзать его ножемъ. Мы поспѣшили удалиться съ такого опаснаго мѣста, и проѣхавъ на SO четыре версты, встрѣтили довольно гладкую, твердымъ снѣ-

*

гомъ покрытую долину *. Въ двухъ верстахъ отсюда снова изслѣдовали мы ледъ и нашли его толщиною въ полъ-аршина. Глубина моря была 12 саженъ; дно его состояло изъ илистой зеленоватой глины. Проѣхавъ еще $1^{1}/_{2}$ версты, остановились мы отдыхать у небольшихъ торосовъ. Толщина льда и глубина моря были прежнія. Черезъ отверзтія, сдѣланныя во льду для изслѣдованія, вода выступила на ледъ и разлилась на большое пространство во всѣ стороны. Она была отвратительнаго солоноватаго вкуса, который тотчасъ сообщился подмоченному ею снѣгу. Когда водяныя частицы испаряются отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, на снѣгу остается толстый слой морской соли, и отчасти кристаллизуется, а отчасти проникаетъ въ ледъ и способствуетъ его разрушенію.

Сѣверный вѣтеръ скрѣпчалъ, и, вѣроятно, сильно взволновалъ открытыя мѣста моря, потому, что вода изъ сдѣланнаго нами отверзтія болѣе и болѣе выступала, а ледъ, на которомъ мы находились, пришелъ въ волнообразное движеніе. Вдали раздавались плески волнъ и трескъ льдовъ. Положеніе наше сдѣлалось довольно затруднительно; даже сопровождавшіе насъ туземцы весьма безпокоились, и только собаки, не чувствуя опасности, имъ угрожавшей при разломкѣ льда, спокойно спали.

* Если послѣ оттепели дуетъ рѣзкій холодный вѣтеръ, то снѣгъ дѣлается гладкимъ, твердымъ и весьма удобнымъ для ѣзды; такая дорога называется *убоемъ*.

Сегодняшній привалъ (4-го Апрѣля) нашъ былъ подъ 71° 37½′ широты и 1° 45′ долготы, отъ Сухарнаго. По утру, при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ и пасмурномъ небѣ, шелъ мокрый снѣгъ и термометръ показывалъ 7° холода. Къ вечеру вѣтеръ перешелъ на сѣверо-востокъ; небо прояснилось; ртуть въ термометрѣ спустилась на 10°.

Когда вѣтеръ стихъ и атмосфера нѣсколько очистилась, велѣлъ я опростать двѣ самыя надежныя парты, взялъ съ собою провіанта на однѣ сутки, лодку, веслы, шесты и нѣсколько досокъ, и поѣхалъ прямо на сѣверъ, желая освидѣтельствовать качество льда. Г. Матюшкину было приказано при первой опасности удалиться, сколько понадобится, со всѣмъ обществомъ къ югу, и тамъ ожидать моего возврата. На протяженіи семи верстъ ѣхалъ я очень медленно, по толстому слою разсола, а потомъ встрѣтилось множество щелей и трещинъ, и черезъ нихъ надобно было переправляться по доскамъ. Иногда попадались небольшіе кочки нагроможденнаго льда, но онѣ даже отъ слабаго прикосновенія разсыпался и мѣсто его занимали полыньи. Ледъ былъ не толще фута и очень хрупокъ и дыроватъ. Глубина моря, на зеленомъ глинистомъ днѣ, равнялась 12⅓ саженямъ. Безчисленныя, по всѣмъ направленіямъ разбѣгавшіяся во льду щели, выступившая изъ нихъ мутная вода, мокрый снѣгъ, смѣшанный съ земляными и песчаными частицами, описанныя выше льдяныя кочки и текущіе съ нихъ ручейки, все уподобляло разрушен-

ную поверхность моря необозримому болоту. Не смотря на то, мы подвинулись еще на двѣ версты къ сѣверу, перескакивая, или переправляясь на доскахъ черезъ небольшія щели и обходя полыньи, но вскорѣ однакожь полыньи такъ умножились и увеличились, что трудно было опредѣлить, чѣмъ покрыто море: сплошнымъ ли разстрескавшимся льдомъ, или плавающими льдинами? Во всякомъ случаѣ, каждый нѣсколько сильный шквалъ могъ совершенно раздробить, или разогнать поддерживавшія насъ глыбы и превратить мѣсто, гдѣ мы стояли, въ открытое море. Лежавшій на поверхности свѣжій снѣгъ явно доказывалъ, что ледъ былъ разломанъ только въ предшествовавшую ночь сѣвернымъ вѣтромъ. Судьба наша зависѣла отъ дуновенія вѣтра. Оставивъ дальнѣйшее, безполезное изслѣдованіе, поспѣшилъ я назадъ къ моимъ спутникамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними отыскать другую, болѣе безопасную дорогу. Наша самая сѣверная широта была 71° 43′, 215 верстъ отъ твердой земли, прямо отъ Малаго Баранова Камня.

Во время отсутствія моего г. Матюшкинъ дѣлалъ наблюденія надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки, которое равнялось 79° 51′. Тотчасъ послѣ моего возвращенія весь караванъ поднялся, и мы поѣхали на SSO.

Не продолжая еще разсказа, я долженъ упомянуть объ удивительномъ искуствѣ проводниковъ сохранять и помнить данный курсъ, не смотря ни на извилистыя полосы торосовъ, ни

на необозримыя, однообразныя ледяныя поля. Особенно отличался между всѣми мой партовщикъ, казацкій сотникъ Татариновъ. Среди самыхъ спутанныхъ грядъ торосовъ, объѣзжая огромныя горы, сворачивая, то направо, то налѣво, онъ всегда такъ располагалъ дорогой, что изгибы взаимно уничтожались, и какимъ-то инстинктомъ находилъ онъ всегда нашъ настоящій курсъ. Съ моей стороны, я слѣдовалъ по компасу за извилинами дороги, и не помню случая, когда мнѣ нужно было поправлять моего партовщика. Разстоянія одного мѣста отъ другаго считали мы прямыми линіями и повѣряли обсерваціонными широтами. На открытомъ мѣстѣ гораздо легче было удерживать курсы. Для ѣзды по прямой линіи выбирали мы вдали какую нибудь одну, отличительную отъ другихъ льдину, и правили на нее, но если такой не было, то слѣдовали *застругою*. Подъ симъ именемъ разумѣютъ здѣсь слои снѣга, образующіеся отъ постоянно дующихъ въ одну сторону вѣтровъ. Жители Сибирскихъ тундръ и снѣжныхъ степей совершаютъ большія путешествія, на нѣсколько сотъ верстъ, по безлюднымъ, однообразнымъ пространствамъ, руководствуясь для направленія своего пути единственно застругами. Они знаютъ уже по опыту, подъ какимъ угломъ должно пересѣкать большіе и малые слои снѣга, достигая цѣли поѣздки, и никогда не ошибаются. Часто случается, что кратковременная перемѣна вѣтра, заноситъ прежнюю застругу, или стелетъ на нее

новую, но опытный глазъ Сибиряка тотчасъ открываетъ различіе; осторожно сгребаетъ онъ свѣжій снѣгъ, и по углу, образованному новымъ и старымъ слоями, повѣряетъ свою дорогу. Заструги же были нашими путеводителями въ необозримыхъ равнинахъ Ледовитаго моря, потому, что частое употребленіе компаса неудобно и требуетъ много времени. Тамъ, гдѣ не было застругъ, направляли мы путь по азимутамъ звѣздъ, но во всякомъ случаѣ ежечасно, а иногда и чаще, останавливались и повѣряли нашъ курсъ по компасу.

Въ 20-ти верстахъ отъ лагеря торосы увеличились и умножились. Съ начала поверхность моря была только неравна и усѣяна небольшими ледяными кочками, но постепенно увеличиваясь, онѣ образовали наконецъ цѣлые ряды торосовъ, вышиною нерѣдко въ 80-тъ футовъ. Сіи огромныя глыбы были зеленовато-голубаго цвѣта и имѣли сильно соленый вкусъ. Переправа черезъ огромныя льдины затруднялась еще болѣе грудами рыхлаго снѣга, наполнявшаго промежутки, и безчисленнымъ множествомъ остроконечныхъ льдяныхъ осколковъ, на коихъ скользили и падали нарты и люди. Такая, совершенно отличная отъ предыдущихъ гряда состояла изъ такъ называемыхъ *зимнихъ торосовъ*, хотя они образуются не только зимою, но и весною и осенью, когда сильныя бури разламываютъ морской ледъ, а внезапная стужа скрѣпляетъ нагроможденныя одна на другую льдины.

Выбравшись изъ сей спутанной полосы зимнихъ торосовъ, очутились мы у подошвы другой купы ихъ, еще болѣе страннаго и необыкновеннаго, образованія. Ряды, отчасти коническихъ отчасти куполо-вершинныхъ льдинъ, разной величины * и формы, заключали между собою нѣсколько круглыхъ и продолговатыхъ долинъ. Не видя нигдѣ льдинъ отдѣльныхъ, мы полагали, что открыли гористый островъ, но ближайшее изслѣдованіе льда на вершинѣ и скатахъ льдинъ, увѣрили насъ, что мнимый островъ былъ ничто иное, какъ особаго рода торосы, изъ снѣга и льда состоящіе. Въ долинахъ ледъ былъ сѣро-черноватаго цвѣта, и имѣлъ совершенно прѣсный вкусъ, но притомъ былъ мутенъ и непрозраченъ. Склоны холмовъ были покрыты *убоемъ*, и нарты скользили по немъ скоро и легко. На вершинахъ ледъ былъ такого же образованія, какъ и въ долинахъ. Проѣхавъ довольно быстро двѣ версты, мы достигли круглой котловины, сажень пять въ поперечникѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ высокими конусо-вершинными холмами. Здѣсь сдѣлали мы привалъ. Съ вершины одного изъ холмовъ, возвышавшагося на 70 футовъ надъ поверхностью долины, гдѣ былъ расположенъ нашъ станъ, осмотрѣли мы окрестность. На NO показывались синіе зимніе торосы, а на югъ зубцы бѣлыхъ льдинъ ограничивали горизонтъ.

Образованіе сихъ островершинныхъ круглыхъ

* Высочайшій торосъ, изъ всѣхъ, которые мы здѣсь вымѣряли, возвышался на 90 футовъ надъ поверхностью моря.

торосовъ, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ нами видѣнныхъ, наши проводники объясняли намъ слѣдующимъ образомъ: вмѣстѣ съ сотворенiемъ мiра, говорили они, произошелъ и этотъ ледъ; отъ чрезмѣрной тяжести опустился онъ на морское дно и образовалъ твердое основанiе неподвижнымъ ледянымъ глыбамъ; отъ безпрестанныхъ морозовъ, постепенно увеличиваясь, онѣ достигли наконецъ поверхности моря. Холмы произошли отъ выброшенныхъ сюда льдинъ; онѣ были покрыты снѣгомъ, и постепенно, въ теченiе многихъ вѣковъ, то растаивая, то снова замерзая, получили наконецъ круглую и коническую форму. Ледъ, изъ коего составляется сей родъ торосовъ, называется здѣсь *древнимъ*, или *адамовщиной*, и по мнѣнiю туземцовъ, онъ такъ твердъ и старъ, что даже и на огнѣ не таетъ. Въ послѣднемъ однакожь наши проводники имѣли случай разувѣриться. Въ другомъ мѣстѣ изъясню я мое мнѣнiе о происхожденiи сего рода торосовъ.

Апрѣля 5-го, при ясномъ небѣ и сильномъ SSO вѣтрѣ, по утру было 10°, а вечеромъ 11° холода. По полуденному наблюденiю, широта мѣста равнялась 70° 30′ 30″, а долгота 1° 55′, отъ Сухарнаго. Послѣ захожденiя солнца продолжали мы путь на востокъ. Въ трехъ верстахъ отъ нашего стана, ряды неправильныхъ, весьма высокихъ зимнихъ торосовъ загородили намъ путь. Вѣроятно, что сiя гряда, какъ и предшествовавшая ей, обязаны были своимъ существованiемъ близости древняго льда, на который они опираю-

ся. Въ нѣкоторомъ разстояніи замѣтили мы особенно высокую, черноватую льдину, столь похожую на скалу, что несмотря на возрастающія препятствія, рѣшились достигнуть до нея и ближе ее изслѣдовать. Послѣ трехъ часовъ утомительной работы, пробивъ пѣшнями дорогу на протяженіи 300 саженъ, мы достигли, со всѣми партами, до замѣченной нами горы. Она вся состояла изъ описаннаго выше древняго льда. Съ вершины ея открылась намъ большая часть моря. На сѣверъ и на востокъ развѣтвлялись и тянулись непроходимыя цѣпи торосовъ, изрѣзанныя щелями и полыньями. На юго-востокъ ледъ казался гладкимъ, и щели и трещины встрѣчались здѣсь рѣже.

Отъ затруднительной ѣзды между торосами, наши провіантскія нарты безпрестанно повреждались и сдѣлались почти негодными, а также и собаки обезсилѣли и изнурились. Предвидя частыя остановки, я рѣшился отпустить транспортныя нарты въ Нижне-Колымскъ, и здѣсь учредить складку провіанта. Мы прорубили во льду отверзтіе, въ $2^1/_3$ аршина глубины и сажени три въ окружности, положили туда наши съѣстные припасы, и для защиты ихъ отъ посѣщенія бѣлыхъ медвѣдей прикрыли остававшимися у насъ дровами и снѣгомъ. На шести путевыхъ нартахъ оставили мы провіанта только на четырнадцать дней, и кончивъ нашу работу отправили 6-ть разгруженныхъ нартъ обратно въ Нижне-Колымскъ. Самому понятливому изъ нартовщиковъ

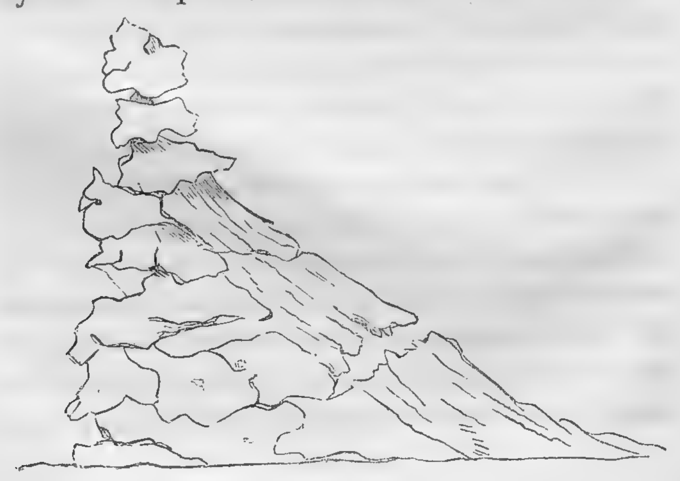
далъ я на дорогу компасъ, съ употребленіемъ котораго нѣсколько ознакомился онъ во время нашего путешествія. Возвращавшіеся проводники, уже неоднократно отчаявавшіеся когда либо увидѣть еще разъ родину свою, были чрезвычайно обрадованы, когда я имъ сообщилъ мое приказаніе, и съ такою ревностною поспѣшностью сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія, что до восхода солнца могли уже отправиться въ путь. Все наше общество состояло теперь только изъ 10 человѣкъ, на шести нартахъ. Вмѣсто унтеръ-офицера Рѣшетникова, предводительствовавшаго возвращавшимися нартами, остался у насъ купецъ Бережной.

Апрѣля 6-го поутру, при свѣжемъ юго-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ только 6°, а вечеромъ, при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, 15° холода. Во всю ночь слышались трескъ ломающихся льдовъ и глухой шумъ, подобный отдаленнымъ перекатамъ грома.

Цѣпь высокихъ зимнихъ торосовъ, по направленію на SO, составляла южный предѣлъ вновь образовавшихся полыней и открытаго моря, занимавшихъ весь горизонтъ отъ сѣвера къ востоку. Отъ сей цѣпи на югъ тянулись другія гряды частыхъ торосовъ, но ледъ казался непрорѣзаннымъ трещинами и полыней не было видно. Осмотрѣвъ окрестности, рѣшились мы слѣдовать по узкой, гладкой полосѣ льда, изгибавшейся около южнаго ската сей цѣпи торосовъ, надѣясь найдти здѣсь возможность проникнуть далѣе на

сѣверъ. Покрытою хорошимъ убоемъ дорогою наши собаки бѣжали довольно скоро. Влѣво тянулся безпрерывный рядъ торосовъ, футовъ въ сто вышиною, а направо лежала огромная равнина, усѣянная большими и малыми кочками льда. Льдины сіи рѣдко превышали величиною кубическую сажень, и все пространство между ними было покрыто глубокимъ рыхлымъ снѣгомъ, изъ чего можно было заключить, что окружавшіе насъ торосы образовались въ прошлую осень и съ тѣхъ поръ не подвергались ломкѣ, ибо въ противномъ случаѣ, лежавшій на нихъ снѣгъ не могъ бы существовать. Впредь такого рода торосы буду я называть въ описаніи моемъ *осенними*. Ледяной хребетъ, влѣво отъ насъ стоявшій, образовался, по видимому, очень недавно, и потому принадлежалъ къ весеннимъ торосамъ. Тщательно осмотрѣвъ ломку льдинъ и сравнивъ ихъ съ направленіемъ, величиною и видомъ трещинъ и полыней, простиравшихся къ сѣверу отъ сей цѣпи торосовъ, я объяснялъ себѣ слѣдующимъ образомъ ея происхожденіе: вся поверхность моря, къ сѣверу отъ осеннихъ торосовъ лежащая, покрылась зимою гладкимъ льдомъ и твердымъ снѣгомъ. Но весною, отъ вѣтровъ и волненія, ледъ разломался на многія отдѣльныя, малыя льдины, и онѣ были брошены и надвинуты на осенніе торосы, еще не ослабленные трещинами. Многія большія плавающія льдины попали притомъ подъ торосы, а другія были выкинуты на нихъ, и отъ того вся юго-западная сторона хреб-

та сдѣлалась покатою, но осталась гладка и покрыта глубокимъ снѣгомъ, а сѣверо-восточная напротивъ, спускалась перпендикулярно съ высоты слишкомъ въ 100 футовъ, состоя изъ множества весьма разнообразныхъ, одна на другую нагроможденныхъ льдинъ. На верху хребта лежали различныя, большія и малыя, ледяныя глыбы, почти вися тамъ и держась непонятнымъ образомъ. Между прочимъ замѣтили мы огромную льдину, величиною, по крайней мѣрѣ, въ 1000 кубическихъ футовъ; прикрѣплялась къ кочкѣ, не болѣе 8 кубич. футовъ въ объемѣ, но должно полагать, что держалась очень крѣпко, ибо недавнія сильныя бури не могли ея опрокинуть. Прилагаемый здѣсь рисунокъ дастъ нѣкоторое понятіе о странномъ образованіи сего замѣчательнаго хребта. ~~Лѣвая~~ Правая сторона изображенія представляетъ гладкую юго-западную сторону льдовъ, а ~~правая~~ лѣвая сѣверную, состоявшую изъ нагроможденныхъ льдинъ.

На покатой юго-западной сторонѣ замѣтилъ я горизонтальную трещину, около полу-аршина шириною. Сіе отверстіе дало мнѣ возможность ближе освидѣтельствовать внутреннее образованіе льдинъ. Верхній слой ихъ былъ до 11 футовъ толщиною, и состоялъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ пластинъ, каждая около $^3/_4$ аршина въ толщину.

Въ тринадцати верстахъ отъ нашей складки провіанта принуждены мы были объѣзжать нѣсколько полыней. Море было здѣсь 12-ть саженъ въ глубину, а дно его, какъ прежде, состояло изъ зеленоватаго глинистаго ила. Мы слѣдовали на SO 60°, вдоль по скату хребта, около 29-ти верстъ, и не найдя выхода на сѣверъ, остановились на привалъ въ 300 саженяхъ отъ недавно взломаннаго льда. При довольно рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, ледъ подъ нами безпрестанно колебался, а на сѣверо-востокѣ слышали мы трескъ сшибавшихся ледяныхъ громадъ. Полуденное наблюденіе дало намъ 71° 15′ 9″ широты; счислимая долгота равнялась 2° 20′, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 7-го, поутру, при ясномъ небѣ и холодномъ восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 12° холода, а вечеромъ 17°. Мы слѣдовали по прежнему юго-восточному направленію, вдоль вновь взломаннаго льда. Ледяной хребетъ постепенно уменьшался и дѣлался болѣе и болѣе неправильнымъ; трещины и полыньи становились чаще; глубина, въ 30 верстахъ отъ послѣдняго привала, была 11-ть саженъ 5 футовъ. Образо-

ваніе дна не перемѣнялось. Проѣхавъ въ сію ночь всего 49-ть верстъ, къ утру остановились мы отдыхать подъ 70° 55′ 42″ широты и 3° 5′ счислимой долготы.

Утро 8-го Апрѣля было ясное; при слабомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 6° холода. Къ вечеру небо съ южной стороны покрылось густыми черными тучами и холодъ усилился до 14°. Въ прежнемъ направленіи проѣхали мы безпрепятственно еще 10-ть верстъ, но здѣсь огромная щель пересѣкла намъ путь. Она тянулась отъ NO къ SW 30°, правою оконечностью терялась въ осеннихъ торосахъ, а лѣвою сливалась съ полыньями и трещинами вновь разломаннаго льда. Ширина ея равнялась 8 футамъ, и мы не нашли бы никакихъ средствъ переправиться черезъ нея, еслибы, къ счастью нашему, вблизи не носилось нѣсколько небольшихъ льдинъ. Мы устроили себѣ изъ нихъ сообщеніе и благополучно перебрались на другую сторону. Здѣсь, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, море имѣло теченіе на OSO, при быстротѣ въ половину узла; глубина его равнялась 12½ саженямъ. Въ 22-хъ верстахъ отсюда увидѣли мы, къ SO 2°, на горизонтѣ Большой Барановъ Камень. По нашему счисленію, онъ долженъ былъ лежать на SW 3°, въ 114 верстахъ. Остановясь, чтобы объяснить другъ другу причины такого различія, мы примѣтили, по направленію къ западу, свѣжій медвѣжій слѣдъ. Двѣ нарты были тотчасъ опорожнены, и я съ г. Матюшкинымъ отправился по

слѣду за медвѣдемъ. Проѣхавъ 10-ть верстъ, услышали мы отдаленный, быстро приближавшійся трескъ. Вскорѣ удары сдѣлались столь сильны и оглушительны, какъ будто близкіе перекаты грома; ледъ подъ нами колебался и расщеливался во всѣ стороны; во многихъ мѣстахъ вода выступала на поверхность. Преслѣдованіе медвѣдя надобно было отложить. Мы поспѣшили удалиться отъ опаснаго мѣста и соединиться съ нашими товарищами. На возвратномъ пути сдва не лишились одной изъ лучшихъ собакъ; она была отпряжена для охоты, и пользуясь свободою, бѣжала въ нѣкоторомъ отъ нартъ отдаленіи. По одному изъ безпрестанно встрѣчаемыхъ здѣсь оптическихъ обмановъ, происходящихъ отъ преломленія солнечныхъ лучей, наши казаки приняли собаку за преслѣдуемаго медвѣдя и схватились за ружья; къ счастію, одинъ изъ нихъ во время еще примѣтилъ общую ошибку.

Наши оставшіеся спутники спокойно ожидали нашего возвращенія. Ломка льда не доходила до сихъ мѣстъ, и потому рѣшился я сдѣлать здѣсь привалъ для отдыха утомленныхъ собакъ. Мы находились подъ 70° 46½′ широты и 3° 22½′ долготы, отъ Сухарнаго.

На слѣдующій день (9-го Апрѣля), при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и 12° холода, отправились мы далѣе, по направленію на SO 75°. Проѣхавъ пять верстъ замѣтили на краю горизонта, къ NO 40°, густую синеву; издали она весьма походила на гористый берегъ, но при

точнѣйшемъ изслѣдованіи въ трубу сходство исчезло, а черезъ полчаса мнимая земля поднялась къ верху и горизонтъ прояснился.

Чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ чаще и больше становились торосы, щели и полыньи. Наконецъ непроходимые ледяные утесы окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ усилія преодолѣть такое новое препятствіе являлись напрасными, и мы принуждены были ѣхать обратно по прежней дорогѣ, на измученныхъ собакахъ и поврежденныхъ саняхъ. Станъ нашъ разбили мы недалеко отъ вчерашняго.

Апрѣля 10-го, по случаю праздника Святыя Пасхи, оставались мы на мѣстѣ. Лишенные всего, что для такого праздника необходимо, мы хотѣли, по крайней мѣрѣ, въ молитвѣ соединиться съ нашими отдаленными собратіями. Сколько возможно правильно обтесанная льдина заступила мѣсто алтаря; на нее поставили мы образъ чудотворца Николая, и передъ нимъ, на воткнутомъ въ ледъ оштолѣ, засвѣтили единственную нашу восковую свѣчу. Въ надлежащее время, купецъ Бережной, по небытности съ нами священника, прочелъ предписанныя для сего дня молитвы, а казаки и нартовщики пропѣли положенныя духовныя пѣсни. При всей простотѣ нашего богослуженія, молитва и благоговѣніе всего нашего небольшаго общества были искренны. Слѣдовавшее за тѣмъ угощеніе отличалось только нѣсколькими, нарочно для Пасхи сбереженными, олеными языками и двойною порціею

водки. Въ знакъ торжества поддерживали мы еще цѣлый день небольшой костеръ, распространявшій радость во всемъ обществѣ. Расположась около огня, провели мы весь остатокъ дня въ бездѣйствіи, въ разговорахъ о перенесенныхъ нами трудахъ и надеждѣ на скорое возвращеніе. Вѣроятно, не было прежде примѣра, чтобы при такомъ совершенномъ недостаткѣ всего, что почитается наслажденіемъ, удовольствіемъ, потребностью жизни, общество людей провело цѣлый день такъ весело и довольно, какъ провели его мы. Къ тому побуждалъ насъ, хотя небольшой, но ярко пылавшій огонекъ, а главнѣйше цѣлый день роздыха, въ чемъ, какъ мы, такъ и собаки, наши весьма нуждались.

На другой день партовщикъ мой почувствовалъ сильную боль въ крестцѣ, такъ, что мы принуждены были еще цѣлый день простоять на мѣстѣ. По неволѣ проведенное праздно время употребили мы на поправку нашихъ, сильно поврежденныхъ нартъ. Сегодня, при умѣренномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ отъ 6° до 9° холода. Вдали слышался трескъ ломающихся льдовъ. Апрѣля 12-го небо было пасмурно и облачно, но, при слабомъ восточномъ вѣтрѣ, холодъ къ вечеру усилился до 14°.

Качество и ломка окружавшаго насъ льда, частыя и постепенно увеличивающіяся полыньи, обходъ коихъ, по огромнымъ торосамъ, становился болѣе и болѣе затруднительнымъ и часто былъ даже невозможнымъ, и наконецъ, крайнее утом-

леніе собакъ, увѣрили меня въ невозможности проникнуть далѣе въ настоящемъ направленіи. Потому рѣшился я возвратиться къ нашей складкѣ провіанта, о цѣлости котораго нартовщики наши уже отчаявались. Выбираясь изъ окружавшихъ насъ торосовъ, направились мы прямо на западъ, и вскорѣ достигли гладкаго льда, покрытаго хорошимъ убоемъ, по которому счастливо проѣхали 64 версты, остановившись на ночлегъ у подошвы уединенно стоявшей льдины, сажень въ 6-ть вышиною. Четырехъ-Столбовой островъ, по счисленію лежавшій отъ насъ въ 38-ми верстахъ, едва показывался на горизонтѣ къ SW 62°. По полуденному наблюденію находились мы подъ 70° 38′ 45″ широты и 1° 45′ долготы, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 13-го, при ясномъ небѣ и сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ по утру 13°, а вечеромъ 15° холода. Отсюда взяли мы курсъ на сѣверъ, и проѣхавъ 5-ть верстъ, встрѣтили слѣды нашихъ транспортныхъ нартъ, сосланныхъ въ Нижне-Колымскъ отъ послѣдней складки провіанта. Слѣдуя по уѣзженной дорогѣ, мы перебрались черезъ высокую цѣпь зимнихъ торосовъ, лежавшую отъ NW къ SO. Проѣхавъ всего 50 верстъ, остановились мы на привалъ подъ 71° 3′ 45″ широты и 8° 00′ долготы, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 14-го термометръ показывалъ отъ 9° до 14° холода. Мы продолжали путь, встрѣчая на каждомъ шагу, то старые, то свѣжіе слѣды

бѣлыхъ медвѣдей и песцовъ; всѣ они шли по направленію къ нашей складкѣ провіанта. Такое обстоятельство заставило всѣхъ насъ опасаться, чтобы не смотря на принятыя нами предосторожности, медвѣди не успѣли наконецъ проникнуть въ нашъ погребъ и расхитить наши запасы. Желая поскорѣе удостовѣриться въ дѣлѣ, я поѣхалъ на трехъ лучшихъ нартахъ впередъ къ сѣверо-востоку, по свѣжимъ медвѣжьимъ слѣдамъ. На пути встрѣтили мы нѣсколько берлогъ, вырытыхъ въ снѣгу, въ сажень глубиною; два довольно узкихъ отверстія служатъ входомъ въ такую пещеру, гдѣ съ трудомъ могутъ помѣститься два медвѣдя. У тюленьихъ продушинъ во льду замѣчалъ я довольно большія кучки снѣга съ отверстіемъ внизу. За такими снѣжными брустверами стерегутъ обыкновенно медвѣди тюленей, просунувъ въ отверстіе свою лапу. Едва тюлень вылѣзетъ на ледъ, медвѣдь ударомъ лапы бросаетъ его далѣе отъ продушины, и потомъ безъ труда овладѣваетъ беззащитнымъ животнымъ. Замѣчательно, что песцы, забывая всякій страхъ борьбы съ столь огромнымъ звѣремъ, надѣясь на быстроту и увертливость свою, всегда найдутъ средство похитить при семъ случаѣ часть добычи изъ-подъ лапъ медвѣдя. Песцы, въ полномъ смыслѣ сего слова, настольники медвѣдей, а потому и слѣды обоихъ животныхъ всегда попадаются вмѣстѣ.

Послѣ немалыхъ разъѣздовъ попали мы наконецъ на нашу прежнюю дорогу, около того мѣ-

ста, гдѣ ночевали 6-го Апрѣля. Медвѣжьи слѣды терялись въ непроходимыхъ торосахъ; ледъ былъ тутъ изрѣзанъ широкими безчисленными щелями, и потому рѣшился я слѣдовать по нашей прежней дорогѣ, пославши одну нарту къ отставшимъ товарищамъ, съ тѣмъ, чтобы они соединились со мною у нашей складки провіанта. Путь представлялъ намъ гораздо болѣе затрудненій, нежели мы предполагали. Ледяная поверхность была взломана; замѣченныя нами за нѣсколько дней прежде горы исчезли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и наша прежняя дорога. На каждомъ шагу огромныя полыньи и щели пересѣкали намъ путь. При переправѣ черезъ одну изъ трещинъ восемь собакъ изъ моей упряжки упали въ воду, и только необыкновенная длина нарты спасла меня и собакъ отъ погибели.

Послѣ 11-ти часовой, крайне затруднительной и опасной ѣзды, мы достигли нашей складки провіанта, который, къ общей радости нашей, былъ невредимъ. Въ окрестности видны были многочисленные слѣды медвѣдей. Вскорѣ все общество наше соединилось здѣсь, и мы поспѣшили вырыть изъ льда наши сокровища.

Утомленіе собакъ принудило насъ продневать 15-го Апрѣля на мѣстѣ. Поврежденныя нарты были здѣсь, сколько возможно, починены, а китовыя ребра, снятыя на время ѣзды по торосамъ, снова подвязаны. По утру, при сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 11°, а вечеромъ, при западномъ вѣтрѣ, только 6° холода. По полуден-

ному наблюденію находились мы подъ 71° 27′ 35″ широты.

Апрѣля 16-го, при легкомъ западномъ вѣтрѣ и 8° холода, мы отправились далѣе. Сильный внезапный лай собакъ разбудилъ насъ ночью и увѣдомилъ о приближеніи медвѣдей. Тотчасъ схватили мы оружіе и спѣшили на встрѣчу непріятелю. Недалеко отъ стана, мы увидѣли двухъ медвѣдей необыкновенной величины, и казалось, они были въ нерѣшимости: нападать ли на насъ? Всѣ мы бросились жадно на добычу, но, къ несчастію, охота наша была неудачна. Въ торосяхъ, мы худо цѣлили и всѣ дали промахи; собаки были также несчастливы въ своихъ нападеніяхъ, а медвѣди, испуганные выстрѣлами, побѣжали въ разныя стороны. Казакъ съ Юкагиромъ погнались за однимъ; другіе, безъ всякаго порядка и плана, преслѣдовали другаго медвѣдя. Напрасно старался я собрать товарищей, чтобы общими силами гнаться за однимъ медвѣдемъ. Раздосадованные неудачею, охотники мои не внимали моему зову и вскорѣ потерялъ я ихъ изъ вида. Надѣясь отыскать ихъ, вскарабкался я съ большимъ трудомъ на высокую льдину, но и отсюда увидѣлъ только купца Бережнаго и моего нартовщика Татаринова, перваго съ ружьемъ, а другаго съ копьемъ, ~~лукомъ и стрѣлами~~; они отдыхали отъ безполезной бѣготни, недалеко отъ тороса, на которомъ я находился. Внезапно изъза льдинъ вышелъ третій медвѣдь, и увидя меня, намѣревался напасть. Въ рукахъ у меня было заря-

женное ружье, и я спокойно ожидалъ того мгновенія, когда звѣрь полѣзетъ на льдину, но замѣтивъ Бережнаго и Татаринова, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и бросился на нихъ. Отъ одного выстрѣла зависѣла судьба охотниковъ; подпустивъ къ себѣ медвѣдя шаговъ на пятнадцать, они выстрѣлили; раненый звѣрь съ ревомъ побѣжалъ назадъ въ торосы, оставляя за собою кровавые слѣды. Около утра все наше общество снова собралось въ лагерь, но Юкагиръ и казакъ не возвращались, такъ, что мы уже начали безпокоиться объ ихъ судьбѣ. Но черезъ нѣсколько часовъ пришли и они въ станъ, едва передвигая ноги отъ усталости. Еслибы въ такомъ видѣ встрѣтились они съ медвѣдемъ, то, вѣроятно, сдѣлались бы добычею ужаснаго непріятеля. Такъ, къ общей досадѣ и сожалѣнію, кончилась наша неудачная охота. Мы и собаки до того утомились, что принуждены были оставаться цѣлый день на мѣстѣ.

Апрѣля 17-го, по утру было пасмурно и термометръ показывалъ 5° холода, а къ вечеру легкій восточный вѣтеръ нанесъ мѣлкій снѣгъ; морозъ усилился до 7°. Около солнца образовались три круга. Мы поспѣшили нагрузить нарты и отправились въ путь на западъ. Въ 9-ти верстахъ отсюда пересѣкли мы нашу прежнюю дорогу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились на ней 1-го Апрѣля. Выбравшись изъ торосовъ, выѣхали мы на ледяную равнину, покрытую хорошимъ сырымъ снѣгомъ, по которому нарты наши, съ помощью

китовыхъ ребръ, скользили легко и весьма быстро. Проѣхавъ такимъ образомъ 41 версту, остановились мы на ночлегъ, подъ 71° 25′ 53″ широты и 0° 43′ долготы, отъ Сухарнаго. На слѣдующій день морозъ усилился. По утру, при свѣжемъ восточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ, термометръ показывалъ 16°, а вечеромъ 18° холода.

Сія часть Ледовитаго моря осмотрѣна была въ 1810 году г. Геденштромомъ, а потому дальнѣйшее путешествіе здѣсь казалось мнѣ безполезнымъ. Находясь по счисленію въ меридіанѣ Четырехъ-Столбоваго острова, я рѣшился отыскать тѣ острова, которые мы съ него видѣли, и взялъ курсъ на югъ. Апрѣля 18-го проѣхали мы 42 версты, не смотря на сильный вѣтеръ, затруднявшій бѣгъ собакъ и даже неоднократно ихъ опрокидывавшій. Къ тому присоединилась густая мятель, затемнявшая воздухъ, до того, что въ нѣсколькихъ шагахъ не было возможности различать предметы. Опасаясь разлучиться съ товарищами, мы связали нарты наши попарно и вожатыхъ собакъ заднихъ нартъ привязали къ переднимъ. Такимъ образомъ ѣхали мы цѣлый день, сами не зная куда и направляясь единственно по компасу. Не найдя вблизи ни торосовъ, ни отдѣльныхъ льдинъ, принуждены мы были остановиться ночевать на открытой снѣжной степи, ни чѣмъ не защищенной отъ вѣтра. Разбить палатку, или развести огонь, было невозможно, и эта ночь, безъ сомнѣнія, была самая непріятная и труд-

ная изъ всего нашего путешествія. При 11° холода, мы были совершенно предоставлены ярости бури и выоги, не имѣли огня согрѣться или приготовить себѣ чаю, и утоляли жажду снѣгомъ, а голодъ сухими сухарями и затхлою рыбою. Такъ провели мы шесть безконечныхъ часовъ на нашихъ узкихъ нартахъ, нетерпѣливо ожидая минуты, когда можно будетъ отправиться въ путь. Но прежде того предстояла еще намъ трудная и скучная работа выгребать изъ-подъ снѣга собакъ и нарты. Наконецъ, мы поѣхали, направляясь далѣе на югъ, и надобно признаться нѣсколько опасаясь, что не найдемъ Четырехъ-Столбоваго острова при пасмурной погодѣ и продолжавшейся мятели. Къ общей нашей радости получили мы здѣсь новое доказательство вѣрности нашего счисленія, ибо, не болѣе, какъ въ пяти верстахъ, увидѣли мы Четырехъ-Столбовой островъ, и взятый нами за два дня курсъ привелъ насъ прямо къ бухтѣ на сѣверномъ берегу его, гдѣ мы и остановились, проѣхавъ въ сей день всего 52 версты. Послѣ перенесенныхъ въ прошедшую ночь трудовъ и лишеній, наше положеніе казалось намъ самымъ роскошнымъ. Подъ защитою высокихъ, крутыхъ береговъ, палатка наша стояла спокойно и безопасно, а лежавшій вблизи, въ довольномъ количествѣ наносный лѣсъ позволилъ разложить два большіе костра и просушить нѣсколько наши промерзшія шубы и платья. Жадно наслаждались мы пріятнымъ ощущеніемъ теплоты, и скоро, за горячимъ супомъ, забыли всѣ перенесенные труды

и голодъ. Только мысль о безуспѣшности нашихъ усилій и недостиженіи цѣли путешествія помрачала общее удовольствіе.

На другой день, при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и 10° холода, поѣхали мы на NW 65°, къ замѣченному въ семъ направленіи острову, гдѣ въ небольшой бухтѣ нашли также значительный запасъ наноснаго лѣса. Здѣсь неожиданно услышали мы веселое щебетанье первыхъ предвѣстниковъ весны. Трудно изобразить, какое неописанно пріятное впечатлѣніе произвели ихъ немногіе веселые звуки на насъ, сроднившихся, такъ сказать, съ могильною тишиною снѣжныхъ пустынь.

Для скорѣйшаго окончанія описи сей купы острововъ раздѣлилъ я нашу экспедицію на двѣ части: г. Матюшкинъ поѣхалъ къ югу, а самъ я къ сѣверу. Описавъ три острова, по направленію меридіана лежащіе, къ ночи соединились мы на сѣверной оконечности средняго изъ нихъ. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, при 11° холода, поднялъ густую мятель и удержалъ насъ цѣлый день, 22-го Апрѣля, на мѣстѣ. На другое утро погода не перемѣнялась, и я рѣшился, не теряя времени, продолжать путь. Описавъ крайній на западъ островъ, ночь провели мы на его сѣверо-западной оконечности.

Образованіе береговъ сей купы ясно можетъ быть усмотрѣно на составленной нами картѣ *Медвѣжьихъ острововъ*, почему ограничиваюсь я здѣсь только краткими замѣчаніями.

Первый изъ Медвѣжьихъ острововъ, называемый *Крестовымъ* *, самый большой и высокій изъ всей купы. Онъ замѣтенъ по двумъ горамъ, изъ которыхъ южная занимаетъ средину острова и отличается закругленною вершиною. Восточные и сѣверные берега его, по большей части, круты, а мѣстами скалисты. По южной, болѣе покатой сторонѣ острова течетъ въ море маленькій ручей; западный берегъ, совершенно отлогій, состоитъ изъ крупнаго песка. Только въ небольшой бухтѣ на сѣверо-западной оконечности острова нашли мы наносный лѣсъ, состоявшій, по большей части, изъ лиственницы и тополей, и только изрѣдка въ немъ попадались сосновыя бревна. Множество берлогъ и норъ доказываетъ, что островъ часто посѣщается медвѣдями, волками и песцами, но коренными обитателями острова, по крайней мѣрѣ, по числу, казались намъ полевыя мыши. На южномъ берегу видѣли мы нѣсколько оленей. Мѣсто нашего ночлега на островѣ, означенное на картѣ якоремъ, находится по наблюденію, подъ 70° 52′ 14″ широты, а тригонометрически выведенная долгота равняется 1° 21′ къ западу, отъ Сухарнаго.

Второй островъ имѣетъ видъ кургана, сложеннаго изъ множества гранитныхъ громадъ и осколковъ разной величины. Онъ до двухъ сотъ саженъ въ длину и полтораста въ ширину. На немъ лежало нѣсколько полуистлѣвшихъ листве-

* Далѣе будутъ изложены причины сего названія.

ничныхъ бревенъ. Сія громада камней, непоказанная на картѣ Леонтьева, вѣроятно, была тогда заставлена высокими торосами, которые и нынѣ со всѣхъ сторонъ окружали ее.

Третій островъ возвышенъ, но горъ на немъ нѣтъ. На южномъ берегу его нѣсколько незначительныхъ утесовъ; постепенно возвышаясь на западъ и востокъ, они вдаются довольно далеко въ море. Въ бухтахъ берега отлоги. На сѣверной сторонѣ восточнаго мыса находится вырытый въ землѣ погребъ, внутреннія стороны котораго обставлены обтесанными бревнами. Глубокій снѣгъ, наполнявшій весь погребъ и краткость времени не позволили намъ сдѣлать здѣсь какія либо разысканія, а недалеко оттуда, на берегу, нашли мы весьма старое весло, похожее на употребляемыя Юкагирами на вѣткахъ. Тутъ лежало также нѣсколько оленьихъ роговъ и человѣческихъ костей, но череповъ мы не могли однакожь найдти.

На сѣверо-восточной сторонѣ четвертаго острова возвышаются двѣ продолговатыя, въ направленіи на NW, параллельныя между собою горы. Онѣ соединяются возвышенною перемычкою; отъ восточнаго берега весьма удобно пріѣхали мы черезъ нее къ бухтѣ на сѣверо-западной сторонѣ острова. Въ мѣстахъ, обнаженныхъ вѣтрами отъ снѣга, грунтъ земли состоитъ изъ тонкаго слоя земли и крупнаго песка. Впрочемъ весь островъ заваленъ обломками каменной породы, изъ ко-

торой сложены описанные выше столбы шестаго острова. Такого же образованія и скалы, отвѣсно спускающіяся въ море на сѣверномъ берегу, а южный берегъ состоитъ изъ крутыхъ земляныхъ холмовъ, наполненныхъ мамонтовыми костями. Въ бухтахъ лежало много наноснаго лѣса. По нашимъ наблюденіямъ сѣверная оконечность сего острова подъ 70° 46′ 35″ широты; магнитная стрѣлка склонялась здѣсь на 14° къ востоку.

Пятый островъ довольно возвышенъ. Крутыя, утесистыя берега его одного образованія съ западными скалами шестаго острова. Здѣсь замѣтилъ я нѣкоторые признаки колчедана (Schwafelkiess).

Шестой, или *Четырехъ-Столбовой* островъ, описанъ выше.

На ночлегѣ 23-го Апрѣля, одинъ изъ нартовщиковъ увѣрялъ насъ, будто, «за нѣсколько лѣтъ «прежде, находился онъ на первомъ изъ Медвѣжьихъ острововъ, лежащемъ въ 30-ти верстахъ отъ устья рѣчки *Крестовой*, и потому «получившемъ названіе: *Крестовый островъ.*» Далѣе утверждалъ разскащикъ, что островъ сей невеликъ, совершенно круглый и нимало не похожъ на тотъ островъ, гдѣ мы ночевали. Въ противность убѣжденій нартовщика, слѣдуя картѣ Леонтьева, именно находились мы на Крестовомъ островѣ. Трудно было предполагать, чтобы къ западу отъ него лежалъ еще островъ, доселѣ не-

замѣченный. Туманъ и безпрерывная мятель препятствовали намъ теперь видѣть отдаленные предметы. На слѣдующее лѣто, штурманъ Козьминъ, описывая берега Ледовитаго моря между устьями Колымы и Индигирки, имѣлъ случай убѣдиться въ неосновательности разсказовъ нартовщика: съ Мало-Чукочьяго мыса и возвышенныхъ береговъ близь устья *Крестоваго ручья*, видѣлъ онъ островъ, который проводники туземцы называли *Крестовымъ*. Островъ сей, дѣйствительно, имѣлъ видъ кругловершинной горы, и по взятымъ тогга пеленгамъ оказалось, что сія гора находится не на островѣ, впереди Крестоваго лежащемъ, а за нимъ, именно на томъ, который мы такъ назвали и описали. Впрочемъ, для окончательнаго разысканія сего обстоятельства отправлялъ я въ послѣдствіи, зимою 1823 года, г. Козьмина осмотрѣть часть моря, лежащую между нашимъ путемъ и курсомъ г. Геденштрома въ 1810 году. Выѣхавъ изъ Нижне-Колымска 23-го Января, на двухъ нартахъ, съ провіантомъ на четырнадцать дней, 5-го Февраля, при 28° холода, г. Козьминъ вступилъ изъ устья рѣки Агаѳоновки на морской ледъ, и къ ночи достигъ острова, того самаго, который г. Геденштромъ видѣлъ лѣтомъ и мы нынѣ описали. Здѣсь г. Козьминъ переночевалъ. На слѣдующій день поѣхалъ онъ на сѣверъ, и 9-го Февраля, безъ большихъ препятствій, достигъ 71° 58′ широты. Во время всей поѣздки путешественники много терпѣли отъ холода; термометръ постоянно показывалъ 30°, а въ послѣдніе дни,

на возвратномъ пути ихъ, морозъ усилился до 32°, такъ, что собаки изранили себѣ ноги на твердо замерзшемъ снѣгѣ. Осмотрѣвъ съ острова горизонтъ и не открывши ничего примѣчательнаго, кромѣ легкой синевы на сѣверѣ, г. Козьминъ возвратился на средній изъ Медвѣжьихъ острововъ, и оттуда прямымъ путемъ поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, куда и прибылъ 17-го Февраля.

Сія поѣздка ясно обнаруживаетъ неосновательность вышеприведеннаго разсказа нартовщиковъ, и служитъ новымъ доказательствомъ вѣрности нашихъ наблюденій, какъ относительно *Медвѣжьихъ* острововъ вообще, такъ и *Крестоваго* особенно. Потому возвращая ближайшему къ материку, *первому* Медвѣжьему острову, прежнее его названіе *Крестоваго*, наименовалъ я остальные острова купы, примѣняясь къ ихъ разстояніямъ отъ береговъ твердой земли, вторымъ, третьимъ, и т. д., такъ, что *Четырехъ-Столбовой* получилъ имя *шестаго* острова.

Послѣ отступленія отъ хронологическаго порядка, необходимаго для окончательнаго описанія купы *Медвѣжьихъ острововъ*, обращаюсь къ нашему путешествію.

Хотя я былъ увѣренъ въ несправедливости показаній нартовщика, однакожъ, желая употребить всѣ средства для узнанія истины, рѣшился ѣхать къ Крестовому мысу, который, по картѣ Леонтьева, лежитъ на SSW½W отъ острова того

же имени. По мѣрѣ нашего удаленія отъ мѣста ночлега, попутный намъ ONO вѣтеръ крѣпчалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ поднялась густая мятель. Но, не смотря на то, по гладкой дорогѣ въ короткое время проѣхали мы 44 версты. Здѣсь внезапно замѣтили мы, что ѣдемъ уже не по льду, а по твердой землѣ, и сначала полагали, что открыли искомый островъ. Радостный крикъ одного изъ нартовщиковъ, нашедшаго свою собственную ловушку *, увѣрилъ насъ, что мы находились уже на твердой землѣ. Мятель продолжалась и препятствовала различать даже ближайшіе предметы, но нартовщикъ, здѣшній уроженецъ, узнавалъ каждый холмъ, каждую кочку, и объявилъ намъ, что мы находимся недалеко отъ рѣки Агаѳоновки, подлѣ устья которой построенъ балаганъ. Не смотря на непогоду нартовщикъ привелъ насъ къ балагану, гдѣ, послѣ долгаго времени, мы провели первую спокойную ночь подъ защитою четырехъ стѣнъ.

Совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и приближеніе весны дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее изслѣдованіе льда. Я рѣшился кратчайшею дорогою ѣхать въ Нижне-Колымскъ. На возвратномъ пути пытались мы описать сію часть берега, но непогода и продолжавшаяся вьюга дѣлали нашу работу безуспѣшною. Сѣверо-восточный вѣтеръ безпрестанно крѣпчалъ и густой снѣгъ затемнялъ атмосферу. Впрочемъ,

* Каждый изъ здѣшнихъ охотниковъ ставитъ на своихъ ловушкахъ особенный значекъ, которымъ онѣ отличаются отъ другихъ.

такая погода нисколько не затрудняла нашихъ проводниковъ. По необозримой, однообразной пустынѣ ѣхали они съ непонятною для насъ увѣренностію и счастливо достигли балагана, построеннаго на мысѣ при устьѣ р. Большой Чукочьей, въ 43-хъ верстахъ отъ нашего послѣдняго почлега. Здѣсь мы переночевали.

На другой день (26-го Апрѣля) переѣхали мы чрезъ Чукотскую гору къ Якутской вискѣ, * около 24-хъ верстъ. Въ 6-ти верстахъ отсюда, на Якутскомъ озерѣ, былъ у одного изъ нашихъ проводниковъ зарытъ во льду запасъ рыбы; она сохранялась въ углубленіи, покрытомъ съ верху льдинами, засыпанными снѣгомъ и залитыми водою, но съ такимъ искуствомъ, что поверхность озера оставалась совершенно гладкою. Пока хозяинъ угощалъ все общество, мимо насъ пробѣжало стадо оленей; не смотря на изнуреніе, собаки съ лаемъ и визгомъ бросились за ними, и съ большимъ трудомъ удалось намъ собрать и привести въ порядокъ наши упряжки, безъ которыхъ мы были бы принуждены окончить путешествіе пѣшкомъ, таща на себѣ нарты и поклажу.

Отъ озера проѣхали мы 15-ть верстъ, по тундрѣ, до поварни, на *Коньковой вискѣ* построенной, въ 13-ти верстахъ отъ ея устья. Отсюда проѣхали еще 15 верстъ и переночевали въ трехъ балаганахъ на *Убіенной вискѣ.*

* *Виской* называется здѣсь каждая рѣка, вытекающая изъ озера

Апрѣля 27-го погода перемѣнилась; снѣгъ перестал. Но вмѣсто того поднялся рѣзкій юго-западный вѣтеръ и холодъ усилился до 15°. Отъ Убіенной шла хорошо уѣзженная дорога, через Чукотское озеро къ Ненаселенной деревнѣ, на р. Малой Чукочьей; все мѣстечко сіе состоитъ изъ пятнадцати хижинъ и полуразвалившейся казармы. Зимою всѣ строенія стоятъ пустыя и заносятся снѣгомъ, а лѣтомъ собирается сюда нѣсколько семействъ на рыбную ловлю. Проѣхавъ всего 72½ версты, къ ночи достигли мы Походска. Несмотря на бѣдность и незначительность селенія, видъ его произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Мѣстами снѣгъ уже сталъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, и земля, покрытая прошлогоднею травою, показывалась изъ-подъ него; трубы домовъ дымились; за ледяными стеклами тускло мерцали огни—мы снова были среди людей. Вскорѣ лай собакъ возвѣстилъ о нашемъ прибытіи и изъ всѣхъ дверей раздались радостныя привѣтствія. Послѣ долгаго странствованія по ледянымъ пустынямъ, среди безпрестанныхъ трудовъ и лишеній, мы вступили наконецъ въ жилую, теплую хижину, могли сбросить съ себя тяжелыя, промерзшія шубы, отдохнуть и согрѣться подлѣ пылающаго очага. Гостепріимные хозяева угощали насъ всѣмъ, что только было у нихъ лучшаго, и между прочимъ, недавно застрѣленными куропатками. День сей былъ для насъ истиннымъ праздникомъ; мы наслаждались имъ, какъ счастливымъ днемъ жизни,

и часть ночи провели въ разговорахъ съ хозяевами.

На другой день поѣхали мы далѣе и 28-го Апрѣля благополучно достигли Нижне-Колымска, послѣ 36-ти дневнаго отсутствія. Во все время, не перемѣняя собакъ, проѣхали мы около 1,210 верстъ по лабиринту торосовъ и опасныхъ полыней.

═

ГЛАВА II.

—

Весна. Недостаток съѣстныхъ припасовъ. Рыбная ловля для экспедиціи. Устройство судна. Распредѣленіе лѣтнихъ работъ экспедиціи. Жары. Комары. Перелетныя птицы. Отплытіе на новопостроенномъ катерѣ. Рыбныя ловли при деревнѣ Походской. Оленья охота на тундрѣ. Пріѣздъ въ Чукотское. Экспедиція для описи морскаго берега до рѣки Индигирки. Затрудненіе при описи устьевъ Колымы. Возвращеніе изъ Чукотскаго. Пожаръ. Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. Поѣздка къ Средне-Колымскимъ Якутамъ, ихъ лѣтнія жилища и образъ жизни. Разсказъ старика. Вытечныя озера. Ранняя зима. Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ. Пріѣздъ гг. Матюшкина, Кибера и Козьмина.

—

Наступила весна, и съ нею появились обыкновенные въ концѣ каждой зимы недостатки съѣстныхъ припасовъ и болѣзни. Ежегодные, горькіе опыты не могутъ истребить между жителями здѣшнихъ странъ вкоренившейся въ нихъ безпечности. Они раздѣляютъ свои припасы такъ, чтобы ихъ было достаточно отъ конца настоящаго лѣта до начала будущаго, а потому позднее наступленіе лѣтняго времени года всегда влечетъ здѣсь за собою голодъ и недостатки. Такъ случилось и нынѣ. Когда Колыма освободилась отъ

льда, всѣ жители мѣстечка поспѣшили на лѣтовья къ берегамъ рѣкъ, болѣе другихъ изобильныя рыбою и посѣщаемыя перелетными птицами.

Въ прошломъ году увѣрился я, что здѣшніе жители не въ состояніи удовлетворять всѣмъ потребностямъ экспедиціи, и потому рѣшился собственными средствами заготовить нужное количество съѣстныхъ припасовъ, для насъ и для корма нашихъ собакъ. По послѣднему зимнему пути, на всѣ изобильныя рыбою рѣки послалъ я работниковъ съ сѣтьми и неводами. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ и центромъ нашего рыбнаго лова назначена рѣка Малая Чукочья, всего менѣе посѣщаемая здѣшними промышленниками. Туда отправилось большое число работниковъ, подъ надзоромъ сотника Татаринова.

Кромѣ того нынѣшнимъ лѣтомъ предположено было исполнить слѣдующія работы: 1-е, одному отдѣленію, на лошадяхъ, описать берега Ледовитаго моря между устьями рѣкъ Малой Чукочьей и Индигирки; 2-е, другому, на лодкѣ, описать устье Колымы; 3-е, у Большой Баранихи построить жилую избу и чуланъ для зимней экспедиціи, и наконецъ 4-е, докторъ Киберъ, оправившись отъ болѣзни, хотѣлъ посѣтить берега рѣкъ Большаго и Малаго Анюевъ.

Страннымъ покажется, что мы рѣшились опись береговъ Ледовитаго моря производить на лошадяхъ, но олени, хотя самыя обыкновенныя домашнія животныя Тунгусовъ, такъ слабы, что

лѣтомъ не могутъ выдерживать большихъ переѣздовъ, а потому и неспособны для подобнаго путешествія. Съ другой стороны, мѣли, на многія версты окружающія берегъ, препятствуютъ описывать его на лодкѣ, не говоря уже о томъ, что малое судно безпрестанно подвергается опасности разбиться, или быть раздавленнымъ огромными льдинами, цѣлый годъ въ сихъ краяхъ носящимися. Такимъ образомъ, ближайшее соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ заставило насъ предпринять путешествіе на лошадяхъ, которыхъ, а равно и проводниковъ, подрядились намъ доставить Средне-Колымскіе Якуты.

Опись морскаго берега предоставилъ я г. Матюшкину, а самъ хотѣлъ на лодкѣ осмотрѣть устье Колымы. Съ знакомцомъ нашимъ, купцомъ Бережнымъ, отправлявшимся на лошадяхъ въ восточныя тундры на промыселъ мамонтовыхъ костей *, послалъ я унтеръ-офицера Рѣшетникова и двухъ плотниковъ, поручивъ имъ выстроить при устьѣ Большой Баранихи хорошую поварню, съ чуланомъ и сѣнями.

Между тѣмъ лодка, которую началъ строить г.

* По всей Сибири, особенно въ сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ частяхъ ея, въ глинистыхъ холмахъ, тундрахъ и на берегахъ рѣкъ находятъ множество мамонтовыхъ клыковъ, или роговъ и костей. Лучшее время добывать сіи остатки допотопныхъ животныхъ начало лѣта, когда выступившія изъ береговъ рѣки размываютъ прибрежные холмы. Тогда жители отправляются къ изобилующимъ мамонтовыми костями мѣстамъ, и обыкновенно возвращаются съ богатою добычею. Купецъ Бережной производилъ сей промыселъ въ самомъ большомъ объемѣ.

Козьминъ во время нашей второй поѣздки по льду, была почти готова. Ему удалось отрыть изъ-подъ снѣгу достаточное число кокоръ для шпангоутовъ, устроить большую стоячую пилу и научить работниковъ дѣйствовать ею, и наконецъ, не смотря на недостатокъ пособій и готовыхъ матеріяловъ, къ концу Мая построить лодку. Точность въ отдѣлкѣ всѣхъ частей свидѣтельствовала, какъ объ искуствѣ и терпѣніи мастера, такъ и о понятливости работниковъ.

Мая 25-го взломало на рѣкѣ ледъ, а на слѣдующую ночь шелъ первый дождь и оживилъ растенія. На берегахъ и скатахъ появилась трава и кустарники покрылись почками и листьями. Теплота воздуха замѣтно усилилась; термометръ показывалъ отъ 10 до 16°; прозябаемыя видимо распускались и росли. Послѣ долгой, утомительной зимы, видъ внезапно, такъ сказать, оживающей природы представлялъ особенную прелесть. Въ селеніи явилась необыкновенная дѣятельность; всѣ спѣшили воспользоваться и вполнѣ насладиться краткимъ благопріятнымъ временемъ года. Но недолго была на то возможность: съ 4-го Іюня показалось такое безчисленное множество комаровъ, что мы снова удалились въ наши тѣсныя избы. Передъ окнами и дверьми безпрерывно горѣли дымокуры и костры, и мы лучше рѣшались сидѣть въ комнатахъ въ дымной атмосферѣ, нежели дышать свѣжимъ воздухомъ и подвергаться укушеніямъ безчисленныхъ насѣкомыхъ. Мы радовались, когда суровый сѣверный вѣтръ

охлаждалъ температуру. Іюня 9 го термометръ, почти внезапно, упалъ съ 12° на $2^1/_2$° и хоть на нѣкоторое время прогналъ жадныхъ кровопійцъ. Мы спѣшили изъ острога и съ ружьями за плечами бродили по цѣлымъ днямъ въ окрестности, среди кустарниковъ и болотъ. Обыкновенно, поздно вечеромъ возвращались мы домой, съ богатою добычею дикихъ утокъ и гусей. Первыя перелетныя птицы появились здѣсь 29-го Апрѣля, и съ тѣхъ поръ, въ безчисленныхъ стаяхъ, безпрестанно тянулись съ юга на сѣверъ. На скатахъ рѣчныхъ береговъ, гдѣ онѣ спускались на землю, толпами сторожили ихъ здѣшніе охотники.

Іюня 11-го, разлившаяся рѣка вступила въ берега свои. Мы спустили на воду нашъ новопостроенный катеръ и дали ему имя: *Колыма*. По килю былъ онъ 14-ти футовъ и конструкціею походилъ на грузовой барказъ. Паруса сшили мы изъ найденныхъ въ здѣшнихъ магазинахъ парусовъ экспедиціи капитана Биллингса. Якорь сковали мы сами. Кромѣ того, для переправы черезъ неглубокія мѣста, построили мы еще родъ Юкагирской вѣтки, но только въ большемъ размѣрѣ, поднимавшей трехъ человѣкъ.

Всѣ приготовленія къ нашимъ экспедиціямъ были кончены. Якуты обязались доставить потребное число лошадей и проводниковъ въ Малое Чукотское, откуда предполагалось начать опись морскаго берега. Шлюпка была нагружена и готова къ отплытію. Гг. Матюшкинъ и Козьминъ должны были начать свои работы отъ рѣки Чу-

кочьей, а докторъ Киберъ желалъ насъ проводить до ближайшей деревни, и потому 17-го Іюня, подъ вечеръ, отправились мы всѣ вмѣстѣ, на шлюпкѣ, при свѣжемъ NNO-мъ вѣтрѣ, внизъ по Колымѣ *, которая противъ острога шириною на три версты. Вѣтеръ постепенно скрѣпчалъ, такъ, что съ трудомъ, лавировкою, подвигались мы впередъ, и въ 5-ти миляхъ отъ Нижне-Колымска принуждены были причалить къ восточному берегу рѣки, недалеко отъ устья ручья Татариновки.

Когда приближались мы къ берегу, собака наша выскочила изъ лодки въ воду, запуталась головою въ висѣвшихъ веревкахъ, и вѣроятно, задушилась бы, еслибы г. Матюшкинъ не отрѣзалъ веревки. Торопясь спасти жизнь нашему вѣрному товарищу, г. Матюшкинъ, вмѣстѣ съ веревкой, отрубилъ себѣ часть большаго пальца съ ногтемъ. Рана была сильна и отъ небрежности могла сдѣлаться опасною, а потому, по требованію доктора Кибера, я отправилъ съ нимъ раненаго обратно въ Колымскъ, для излеченія. Проводники приняли такое происшествіе за несчастное предзнаменованіе, а насъ заставило оно перемѣнить планъ работъ. Штурманъ Козьминъ долженъ былъ одинъ предпринять опись берега Ледовитаго моря, и докторъ Киберъ отложилъ свою поѣздку на Анюй.

Отправивъ больнаго, мы продолжали путь внизъ по рѣкѣ, и 25-го Іюня прибыли къ устью Ма-

* Быстрота теченія Колымы равняется здѣсь $^3/_4$ узла.

лой Чукочьей. Въ деревняхъ Черноусовѣ и Походскѣ получили мы благопріятныя извѣстія, что рыбная ловля идетъ удачно. Всѣ домы были обстроены вѣшалками изъ шестовъ, для просушиванія рыбы. Существованіе большей части здѣшнихъ жителей зависитъ единственно отъ удачи лѣтнихъ промысловъ, а потому употребляютъ они всѣ усилія обезпечить себя ими. Обыкновенно цѣлая деревня, или общество изъ нѣсколькихъ лицъ, устраиваютъ для лова поперегъ рѣки плетень, съ небольшимъ отверзтіемъ въ срединѣ, а противъ него ставятся корзины и невода всѣхъ участниковъ, попремѣнно, на 24 часа на долю каждаго. Корзины (мережи) въ теченіе такого времени нѣсколько разъ осматриваются, и добыча раздѣляется по равнымъ долямъ между участниками.

Подобная ловля чрезвычайно малосложна, и такъ легка, что исполняется обыкновенно женщинами и дѣтьми; мужчины, устроивъ плетень и приготовивъ все нужное, спѣшатъ на охоту, промыселъ неменѣе необходимый для пропитанія. Одни идутъ на карабасахъ * въ изобильныя дичью

* *Карабасами* называются здѣсь особаго рода грузовыя лодки, поднимающія иногда до 50-ти пудовъ. Онѣ выдалбливаются обыкновенно изъ одного бревна. Для того берутъ самыя здоровыя и толстыя деревья изъ рода топольныхъ осинъ. Верхне-Колымскъ славится своими карабасами. Суда сіи плоскодонны и для быстраго плаванія негодятся, но обыкновенно употребляются при рыбной ловлѣ. Вообще постройка, какъ карабасовъ, такъ и описанныхъ выше *шитиковъ*, а равномѣрно способъ управленія сими судами, доказываютъ, что жители Колымскаго округа имѣютъ еще весьма ограниченныя понятія о судоходствѣ.

мѣста, и обыкновенно возвращаются съ богатымъ грузомъ гусей и утокъ, которыхъ отчасти стрѣляютъ, отчасти бьютъ палками. Другіе, на лошадяхъ, отправляются въ тундры за оленями. Охотники выѣзжаютъ всегда въ двоемъ, и кромѣ хорошо обученныхъ собакъ, каждый привязываетъ къ своей лошади вѣтку. Главное искуство ловца состоитъ въ томъ, что надобно заставить оленя броситься въ воду и плыть на другой берегъ. Тогда охотники на своихъ вѣткахъ легко догоняютъ медленно плывущее животное и убиваютъ его поколюгами. Иногда охотники удаляются отъ своихъ жилищъ на нѣсколько дней ѣзды и не всегда бываютъ въ состояніи привезти домой убитаго оленя; въ такомъ случаѣ зарываютъ его въ землю, которая въ извѣстной глубинѣ никогда не оттаиваетъ. Тамъ оставляютъ добычу до первой санной дороги; нерѣдко однакожь волки предупреждаютъ хозяина, и вмѣсто оленя находитъ онъ одни кости его.

Недалеко отъ деревни Чукочьей, совсѣмъ неожиданно, встрѣтили мы цѣлое стадо оленей; избавляясь отъ жара и комаровъ, олени стояли по горло въ водѣ. Вѣтвистые рога ихъ издали походили на густой кустарникъ. Провожавшіе насъ Юкагиры тотчасъ бросились въ вѣтку и погнались за оленями, но не имѣя необходимыхъ для охоты оружій, они закололи только двухъ ланей. Мы изъ шлюпки подстрѣлили большаго оленя; остальные выплыли на берегъ и скрылись въ тундрѣ.

Въ Маломъ Чукочьемъ, къ досадѣ нашей, не нашли мы ни Якута, ни заказанныхъ лошадей, но за то были обрадованы извѣстіемъ, что рыбная ловля идетъ очень удачно и обѣщаетъ богатую добычу. Всѣ вѣшалки были наполнены просыхавшею рыбою, и тотчасъ принялись мы за постройку новыхъ. Большая часть наловленной рыбы была изъ рода сельдей и чировъ.

Наконецъ, 1-го Іюля, пріѣхалъ Якутъ съ пятью лошадьми, и сказалъ намъ, что болѣе такого количества собрать было невозможно. Изъ пяти лошадей только двѣ были столь сильны, что могли везти палатку, припасы, инструменты, и проч., а остальныя были такъ слабы, что едва годились для верховой ѣзды. По многочисленнымъ затрудненіямъ и опасностямъ предстоявшаго путешествія, черезъ безлюдныя пустыни, перерѣзанныя выступающими изъ береговъ рѣками, не могъ бы я рѣшиться отправить столь малый отрядъ, еслибы не вполнѣ былъ увѣренъ въ опытности и усердіи г. Козьмина. Получивъ отъ меня инструкцію, отправился онъ 2-го Іюля въ путь, въ сопровожденіи Якута и молодаго казака. Для переправы черезъ рѣки привязали проводники къ лошадямъ своимъ вѣтки.

Люди, посланные на карабасѣ внизъ по Чукочьему протоку, для стрѣлянья гусей и лебедей, возвратились съ печальнымъ извѣстіемъ, что протокъ покрытъ еще твердымъ льдомъ. Такое обстоятельство заставило меня оставаться здѣсь, въ ожиданіи перемѣны вѣтра, который постоян-

но дулъ отъ N, или NW, и слѣдственно напиралъ въ рѣку морской ледъ. Увѣрившись въ невозможности проникнуть чрезъ устье на лодкѣ, и не желая терять здѣсь времени безъ всякой пользы, рѣшился я оставить пустынную страну, гдѣ на необозримомъ пространствѣ, не только нѣтъ деревъ и кустарниковъ, но даже и зеленая трава изрѣдка нарушаетъ утомительное однообразіе. Во все время моего здѣсь пребыванія рѣзкій сѣверный вѣтеръ наносилъ холодъ, такъ, что земля въ половинѣ Іюля мѣсяца часто покрывалась на нѣсколько дней снѣгомъ.

На шлюпкѣ отправился я вверхъ по рѣкѣ, занимаясь на пути опредѣленіемъ и осмотромъ самыхъ примѣтныхъ пунктовъ. При мнѣ были только два человѣка; матроса оставилъ я въ Чукочьемъ для охоты, а остальныхъ распустилъ по домамъ. Іюля 18-го причалили мы къ берегу недалеко отъ устья рѣчки Крутой, въ параллели Сухарной Сопки, положеніе которой хотѣлъ я опредѣлить наблюденіемъ. Здѣсь, среди ивоваго кустарника, разбили мы палатки, и для защиты отъ комаровъ развели на подвѣтренной сторонѣ дымный костеръ.

Казалось, что въ это путешествіе долженъ я былъ испытать всякаго рода неудачи. Разныя препятствія и неблагопріятныя обстоятельства отняли у насъ много времени, а здѣсь едва было не лишился я плодовъ работы цѣлаго года. Чистую воду для питья и похлѣбки должно было брать съ средины рѣки. Мы отправились за

нею, но, надѣясь на безвѣтріе, не почли необходимымъ при отъѣздѣ потушить костеръ. Едва лодка удалилась отъ берега, внезапный порывъ вѣтра бросилъ пламя костра на палатку, и прежде нежели мы прибѣжали туда, она и всѣ наши вещи уже обнялись пламенемъ. Потеря была чувствительна, но могла сдѣлаться невознаградимою, еслибы мнѣ не удалось спасти отъ огня обитый кожею ящикъ, гдѣ хранились всѣ наши журналы, описи, карты и инструменты. Къ счастію, огонь не коснулся еще ихъ и все было цѣло.

Столь непріятное происшествіе, лишивъ насъ всѣхъ дорожныхъ потребностей, заставило поспѣшить возвращеніемъ въ Нижне-Колымскъ. Іюля 20-го прибылъ я туда, и засталъ еще гг. Матюшкина и Кибера, приготовлявшихся къ путешествію на берега Анюя. Докторъ совѣтовалъ мнѣ, для облегченія ревматической боли, провести остальную часть лѣта въ Средне-Колымскѣ, говоря, что не столь суровый климатъ и легкая пища будутъ мнѣ гораздо полезнѣе всѣхъ лекарствъ. Іюля 26-го отправились мы изъ Нижне-Колымска. На шлюпкѣ, при попутномъ вѣтрѣ, поплылъ я вверхъ по рѣкѣ.

По мѣрѣ удаленія отъ острога и низменности, подверженной суровому вліянію Ледовитаго моря, страна оживляется и постепенно теряетъ однообразіе пустыни. Здѣсь обитаютъ трудолюбивые Средне-Колымскіе Якуты. Въ самомъ сѣверномъ селеніи сего народа, Низовомъ Олбутѣ, въ 150

верстахъ отъ Средне-Колымска, оставилъ я, 2-го Августа, лодку, и верхомъ поѣхалъ во внутренность страны. Послѣ унылыхъ ледяныхъ пустынь, среди которыхъ провелъ я столько времени, раемъ показались мнѣ здѣшнія поля, съ ихъ тучными пастбищами, многочисленными стадами и лиственничными и ивовыми рощами. Все дышало здѣсь жизнью. Особенно роскошны были прозябенія въ такъ называемыхъ *олбутахъ*, или высохшихъ (по здѣшнему, *вытечныхъ*) озерахъ, которыя, сколько извѣстно, только въ сѣверной Сибири такъ часто встрѣчаются. Олбуты суть ни что иное, какъ равнины, при весеннихъ разливахъ рѣкъ покрывающіяся водою и образующія множество большихъ и малыхъ озеръ, по большей части весьма изобильныхъ рыбою. Зимою иногда, отъ сильныхъ морозовъ, въ землѣ происходятъ щели и трещины, и нерѣдко тянутся онѣ отъ подобнаго озера до ближайшей рѣки, куда истекаетъ вся озерная вода.

Теченіе начинается обыкновенно зимою и бываетъ столь быстро, что не перестаетъ и въ самые сильные морозы. Дно подобнаго озера, утучненное иломъ, порастаетъ вскорѣ потомъ густою, сочною травою, и Якуты поспѣшаютъ поселиться подлѣ него съ своими стадами. Отъ того наслѣги, т. е. селенія, гдѣ живутъ отдѣльные роды Якутовъ съ своими начальниками, называются *олбутами* *. Лѣтнія жилища сего народа,

* Еще примѣчанія достойное явленіе замѣчено между озерами, лежащими около Алазейскаго селенія. Зимою, при сильныхъ мо-

дѣятельнаго и веселаго, ихъ домашняя патріархальная жизнь, цвѣтущія окрестности, съ безчисленными стадами, представляли для меня особенную прелесть. Лѣтовье *Сыгли-Этаргъ*, гдѣ жилъ богатый Якутъ, со всѣми своими домочадцами, стадами рогатаго скота и конскими табунами, особенно мнѣ понравилось. Главный *уросъ* окружали меньшія палатки родственниковъ начальника; все было обнесено заколомъ, куда на ночь загоняли стада. Здѣсь все показывало изобиліе и напоминало патріархальное согласіе и чистоту нравовъ. Радушный пріемъ, теплый воздухъ долинъ, защищенныхъ холмами и рощами отъ суроваго вліянія вѣтровъ, изобиліе свѣжей легкой пищи, и наконецъ совершенное спокойствіе духа, въ отдаленіи отъ всѣхъ заботъ, побудили ме-

розахъ, вода изъ сихъ озеръ, безъ всякихъ побочныхъ истоковъ, съ шумомъ и мгновенно исчезаетъ, оставляя обсохшее поле, изрѣзанное глубокими и широкими трещинами. Такое странное явленіе происходитъ отъ особеннаго свойства почвы здѣшнихъ тундръ, и сколько мнѣ извѣстно, въ другихъ странахъ его незамѣчено. Здѣсь, подъ нетолстымъ слоемъ земли, на которомъ произрастаютъ травы, кустарники и деревья, всегда лежитъ ледъ, болѣе или менѣе перемѣшанный съ землею. Во многихъ мѣстахъ, въ глубинѣ четырехъ саженъ, находилъ я послѣдовательно горизонтальные слои чистаго льда и замерзшей земли, первые до 1-го, а вторые до 3-хъ футовъ толщиною. Подобнаго образованія лѣвый берегъ Колымы, оба берега Алазеи и дно всѣхъ *вытечныхъ* озеръ. Необходимое слѣдствіе весенняго разлитія рѣкъ, что при внезапно наступающихъ, сильныхъ морозахъ, земля, напитанная водою, трескается, какъ зимою трескаются деревья, и даже камни, если они проникнуты водяными частицами. Вѣроятно, отъ того образуются на днахъ озеръ глубокія трещины, куда утекаетъ вся вода.

ния провести здѣсь остатокъ лѣта и собрать силы для перенесенія новыхъ трудовъ предстоящей зимы.

Здѣсь встрѣтилъ я 82-хъ лѣтняго Якута, крестника лейтенанта Лаптева, въ 1739-мъ году объѣзжавшаго берега Колымы. Старикъ былъ здоровъ и бодръ, самъ исправлялъ еще всѣ домашнія работы, ѣздилъ верхомъ и загонялъ свои стада, и кромѣ того былъ онъ страстный охотникъ до чая и пунша. Жена его была изъ Русскихъ, и потому не только хорошо говорилъ онъ, но читалъ и писалъ по Русски, такъ что съ нимъ провелъ я много пріятныхъ и занимательныхъ часовъ. Онъ жаловался на невѣжество своихъ земляковъ, и полагалъ, что предки ихъ были гораздо образованнѣе. По его мнѣнію, Якуты утратили искуство писанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ дальнѣйшему образованію своему, при разлученіи отъ единоплеменныхъ имъ Татарскихъ ордъ. Также утверждалъ онъ, что Якуты обитали нѣкогда въ странахъ, далеко отсюда на югъ лежащихъ, и доказывалъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ упоминается о золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, о львахъ, тиграхъ, и другихъ предметахъ, совершенно неизвѣстныхъ нынѣшнимъ Якутамъ, жителямъ полярныхъ странъ. Подробностей о прежнемъ состояніи и древней отчизнѣ своего народа старикъ не зналъ, отъ того, что онѣ сохранялись только въ преданіяхъ, которыя исчезли вмѣстѣ съ шаманствомъ, при введеніи Христіанской ре-

лигіи. Напротивъ того, онъ много и основательно разсказывалъ о настоящемъ нравственномъ и физическомъ паденіи своихъ земляковъ, безпрестанно усиливающейся страсти ихъ къ тяжбамъ, наклонности къ обманамъ и воровству и гибельномъ пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ (самъ онъ впрочемъ страстно любилъ ихъ), чему приписывалъ и безсиліе и недолговѣчность нынѣшняго поколѣнія Якутовъ, изъ которыхъ никто не достигаетъ даже и 100 лѣтъ. Жаловался онъ также на дурной климатъ, частые неурожаи сѣна и многочисленность волковъ, нерѣдко истребляющихъ цѣлыя стада.

О древнемъ состояніи здѣшней страны узналъ я изъ разсказовъ старика и другихъ туземцовъ только слѣдующее:

Якуты, живущіе на берегахъ Колымы, не суть первобытные обитатели сихъ странъ. Прежде жили здѣсь четыре народа: *Омоки*, *Шелаги*, *Тунгусы* и *Юкагиры*. Омоки, осѣдлые рыбаки, и Шелаги, кочевавшіе съ стадами оленей, погибли частію въ битвахъ съ пришельцами, частію отъ заразительныхъ болѣзней, такъ что отъ сихъ двухъ народовъ сохранились только одни названія. Юкагиры нынѣ также малочисленнѣе и слабѣе прежняго. Въ древности кочевали они съ своими оленями, но большая часть ихъ, отъ повѣтрій и другихъ бѣдствій, лишилась стадъ, и нынѣ живетъ въ бѣдности, питаясь рыбою по берегамъ рѣкъ. Немногіе, сохранившіе оленей, удалились съ ними на прибрежныя тундры Ледови-

таго моря. Одни только Якуты сдѣлались многочисленнѣе; своимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ водворили они: скотоводство и коневодство въ странѣ, по качествамъ климата и почвы, казавшейся къ тому совершенно неспособною. Якуты, можно сказать, проложили путь въ сіи дикія пустыни смѣлымъ послѣдователямъ Ермака, которые ввели здѣсь Христіанскую религію и избавили многочисленный и суевѣрный народъ отъ варварскихъ обычаевъ шаманства *.

Якуты всѣ христіане, и Средне-Колымскій священникъ ежегодно объѣзжаетъ всѣ окрестныя селенія для совершенія священнодѣйствій. Особенною ревностью въ истребленіи шаманства отличался здѣсь протопопъ Слѣпцовъ. Онъ жилъ здѣсь около 20 лѣтъ, неутомимо преслѣдовалъ языческіе обычаи, безстрашно открывалъ, жегъ и уничтожалъ идоловъ и ихъ алтари, такъ что нынѣ не осталось почти никакихъ памятниковъ древняго язычества. Впрочемъ шаманы донынѣ являются между Якутами, хотя и тайно, и несмотря на христіанство имѣютъ довольно много приверженцовъ. Къ ихъ помощи прибѣгаютъ главнѣйше для открытія пропавшей вещи, и также для леченія домашнихъ животныхъ, а нерѣдко и людей. Не знаю, часто ли удаются шаманскія сред-

* Между прочимъ было здѣсь обыкновеніе привѣшивать новорожденныхъ дѣтей женскаго пола, въ корзинахъ, къ деревьямъ, гдѣ они и погибали, если не бывали замѣчены посторонними. И теперь еще во многихъ семействахъ есть нѣсколько женщинъ, спасенныхъ проходящими.

ства, но навѣрное можно сказать, что шаманы долго еще сохранятъ здѣсь между народомъ довольно значительное, такъ сказать, полицейское и медицинское влiянiе, тѣмъ болѣе, что въ семъ отношенiи, не только ихъ единоплеменники, но и многiе Рускiе охотно ищутъ ихъ помощи.

Здѣшнiе Якуты составляютъ одно племя съ живущими въ окрестностяхъ Якутска. Языкъ, жилища, одежда у нихъ одни и тѣ же, и одинакiй образъ жизни. Главное занятiе ихъ скотоводство, а рыбная ловля и охота суть занятiя побочныя. Только по окончанiи сѣнокоса занимаются они рыболовствомъ, и только зимою, обыкновенно на лошадяхъ верхомъ, углубляются въ лѣсъ за лисицами и соболями. Иногда удается имъ убить оленя или медвѣдя. Оружiе ихъ составляютъ лукъ со стрѣлами и длинный широкiй ножъ, называемый *пальма*.

Здѣшнiя лошади должны сами себѣ доставать кормъ, выгребая копытами траву, или мохъ, изъ-подъ снѣга, а потому Якуты никогда не косятъ сѣна въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ. Но съ наступленiемъ весны немедленно переходятъ они на другiя поля, изобильныя травою, и дѣлаютъ тамъ большiе запасы сѣна для своихъ стадъ рогатаго скота. Лошадямъ даютъ его только за нѣсколько дней до поѣздки, и потому всю зиму онѣ очень худы и безсильны. Во время сѣнокоса Якуты питаются обыкновенно однимъ *кумысомъ*, и выпиваютъ его иногда по цѣлому

ведру. Впрочемъ, несмотря на такую пищу, они не только не хвораютъ, но даже здоровѣютъ.

Благосостояніе Якутовъ, и даже существованіе ихъ, основывается на стадахъ рогатаго и коннаго скота, а также зависитъ отъ большаго или меньшаго запаса сѣна, собраннаго для нихъ въ краткое лѣто. Дѣятельность и усилія Якутовъ во время сѣнокоса превосходятъ всякое описаніе. Внезапная и ранняя зима ведетъ здѣсь за собою всегда самыя гибельныя послѣдствія, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Августа 22-го холодный, рѣзкій NW вѣтеръ нагналъ сильный снѣгъ, которымъ покрыло несобранное въ копны сѣно и внезапно превратило лѣто въ зиму. Несчастные жители лишились большей части запасовъ, пріобрѣтенныхъ тягостными трудами. Къ тому присоединилась еще сильная стужа; озера замерзли; изъ лѣсовъ вышло множество волковъ и въ одинъ мѣсяцъ задушили они до 80 коровъ. Къ дополненію бѣдствія, Колыма, отъ сильныхъ дождей, выступила изъ береговъ и рыбная ловля была неудачна.

Всеобщее уныніе заступило тогда мѣсто беззаботной веселости. Всѣ боязливо ожидали зимы, и увѣренные въ недостаткѣ корма, заранѣе уже оплакивали необходимость уменьшить число своихъ стадъ.

Раннее наступленіе зимы заставило меня подумать о возвратномъ пути. Августа 31-го отправился я водою, и провелъ первую ночь въ Русской деревнѣ, на рѣкѣ Тимкинѣ (въ 40 верстахъ

отъ Нижне-Колымска.) На другое утро (1-го Сентября) вся рѣка была покрыта льдомъ, такъ что съ трудомъ достигли мы на лодкѣ Колымы, по ширинѣ своей и сильному волненію еще свободной отъ льда. Въ тотъ же день прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

Здѣсь нашелъ я унтеръ-офицера Рѣшетникова, и онъ донесъ мнѣ, что выстроилъ при устьи Большой Баранихи станъ. Во время работы часто подвергался онъ нападеніямъ бѣлыхъ медвѣдей, и замѣтилъ, что въ окрестностяхъ стана во множествѣ линяли гуси и лебеди, а море изобиловало гольцами.

Вскорѣ послѣ того возвратился матросъ изъ Малаго Чукочья, съ извѣстіемъ, что 21-го Августа Чукотскій протокъ покрылся твердымъ льдомъ. Сильныя бури и вьюги неблагопріятствовали птичьей охотѣ, но несмотря на то, удалось ему настрѣлять довольно гусей и лебедей. Наша рыбная ловля была также очень удачна.

Между тѣмъ зима быстро приближалась. Сентября 6-го показались на Колымѣ большія льдины, а 8-го рѣка стала. Все время шелъ сильный снѣгъ и засыпалъ безлюдное мѣстечко, обитатели котораго не успѣли еще возвратиться съ лѣтнихъ промысловъ. Въ началѣ лѣта, какъ выше было сказано, всѣ жители отправляются на рыбную ловлю, и въ Колымскомъ острогѣ обыкновенно остается только одинъ старый казакъ для караула въ канцелярскомъ домѣ. На сей годъ уединеніе инвалида раздѣляла старуха, слишкомъ

слабая для лѣтнихъ работъ, и они прорыли и протоптали въ глубокомъ снѣгу тропинку отъ острога къ рѣкѣ. Такимъ образомъ все народонаселеніе мѣстечка состояло, кромѣ старой четы, изъ меня и еще трехъ служителей экспедиціи.

Одинъ за другимъ возвращались съ лѣтнихъ промысловъ жители, и съ трудомъ выгребали свои жилища изъ-подъ снѣга, наполнившаго даже комнаты, потому что ледяныя стекла лѣтомъ растаяли и ставни не могли удерживать снѣга, наносимаго сильнымъ вѣтромъ и вихремъ. Извѣстія, привезенныя жителями, не были радостны. Оленья охота Юкагировъ не удалась; рыбы наловлено было мало и также несчастливы были и окрестные жители. Все предсказывало недостатки и голодъ.

Среди всеобщихъ заботъ былъ я на нѣкоторое время развлеченъ почтою изъ Якутска. Давно ожиданныя письма перенесли меня въ отдаленный кругъ родственниковъ и друзей, и доставили несказанное наслажденіе, хотя оно нѣсколько нарушалось мыслью, что *шесть мѣсяцовъ пути* отдѣляютъ меня отъ всего близкаго сердцу.

Сентября 29-го возвратились съ Анюя гг. Матюшкинъ и Киберъ, а чрезъ недѣлю обрадовалъ насъ пріѣздомъ г. Козьминъ, счастливо окончившій опись берега Ледовитаго моря. Такимъ образомъ опять соединились мы, и занимаясь днемъ приведеніемъ въ порядокъ журналовъ, картъ и описей, сходились по вечерамъ подлѣ пылающа-

го камина и проводили время въ разсказахъ о нашихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ. Содержащія въ себѣ много важнаго и любопытнаго замѣчанія г. Матюшкина составляютъ предметъ слѣдующей главы.

=

ГЛАВА III.

Отчетъ г. Матюшкина о путешествии къ Большому и Малому Анюямъ. Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска. Мамонтовыя кости. Плотбище. Первобытные жители страны. Нынѣшнее народонаселение. Переходы оленей и охота. Дальнѣйшее путешествие. Скала *Обромъ*. Общія замѣчанія о *Маломъ Анюѣ*. Путешествие верхомъ по берегамъ *Большаго Анюя*. Рѣка *Камешкова*. Охота за пушными звѣрями. Ловушки. Мѣстечки *Сладкое* и *Лабазное*. День тезоименитства Государя Императора. Несчастная оленья охота. Голодъ. Возвратный путь водою. Урочище *Долгое*. Рѣкоставъ. Дальнѣйшій путь на партахъ. Прибытіе въ Нижне-Колымскъ. Общія замѣчанія о племенахъ, живущихъ на берегахъ Большаго Анюя.

Іюля 20-го 1821 года, отправился я съ докторомъ Киберомъ, казакомъ и двумя проводниками, при свѣжемъ NNW вѣтрѣ, на нашей лодкѣ, къ устью Большаго Анюя, нѣсколькими рукавами впадающаго въ Колыму противъ Нижне-Колымскаго острога. Вскорѣ послѣ насъ прибылъ сюда и карбасъ, назначенный для нашей дальнѣйшей поѣздки. Нагрузивъ его всѣми необходимыми потребностями, мы поплыли на веслахъ по Большому Анюю, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ почти неимѣющему никакого теченія. Ночью

достигли мы лѣтовьевъ Колымскихъ жителей, занимающихся здѣсь, при устьяхъ двухъ небольшихъ ручьевъ, рыбною ловлею. Съ весеннею водою рыба поднимается противъ теченія рѣкъ къ верховьямъ и въ озера, а лѣтомъ во множествѣ возвращается въ море. Обыкновенно для ловли, часто весьма изобильной, устроиваютъ въ рѣкахъ заколы.

Окончательныя приготовленія къ путешествію и наемъ гребцовъ задержали насъ здѣсь нѣсколько времени, такъ что только 23-го Іюля могли мы отправиться далѣе. Въ 10-ти верстахъ отсюда впадаетъ рѣчка *Баюкова*, текущая съ юга, изъ высокихъ горъ, синѣющихся на горизонтѣ. Далѣе течетъ еще рѣчка, соединяющая *Большой* съ *Малымъ*, или *Сухимъ Аноемъ*. Мы проплыли по ней двадцать верстъ, слѣдуя по ея своенравнымъ, крутымъ изгибамъ, и остановились ночевать на низменномъ пещаномъ островѣ, гдѣ были въ безопасности отъ посѣщенія медвѣдей, во множествѣ показывавшихся на берегахъ рѣки. Въ слѣдующіе два дня (24-го и 25-го), при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, лодка подвигалась довольно быстро, но безпрерывный сильный дождь промочилъ насъ до костей. Наконецъ, мы достигли полуразвалившагося балагана, *Кильдена*, построеннаго на небольшомъ возвышеніи у лѣваго берега рѣки, купцами, проѣзжающими здѣсь въ Островное. Тутъ можно было укрыться отъ ливня, обсушить платья и обогрѣться. Мы остались на мѣстѣ цѣлый день. Проводники исправляли

карбасъ и придѣлали къ нему шестъ для бичевы, необходимой здѣсь по причинѣ быстраго теченія. Между тѣмъ я писалъ свой путевой журналъ и вносилъ въ него сдѣланныя наблюденія. Трудность и невозможность обозначенія всѣхъ изгибовъ рѣки, по которымъ мы должны были слѣдовать, и разстояній одного мѣста отъ другаго, принудили меня довольствоваться наблюденіями широтъ и пеленговъ, для опредѣленія положенія замѣчательнѣйшихъ пунктовъ.

Видѣнные нами берега Анюя однообразны и пустынны, какъ ихъ окрестности, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто болотъ, поросшихъ стелющимся тальникомъ, попадаются здѣсь мѣстами хорошіе луга. Правый берегъ выше лѣваго и обставленъ крутыми, нависшими, песчаными холмами, саженъ по 30-ти вышиною. Только отъ морозовъ удерживаютъ они свой возвышенный видъ, ибо слабые лучи солнца не могутъ растопить вѣчнаго льда, служащаго главнымъ основаніемъ холмовъ. Едва тонкій, верхній слой ихъ растаиваетъ лѣтомъ; снизу подмываются они рѣкою и отъ того иногда обрушиваются отъ нихъ большія глыбы мерзлой земли, и тогда являются наружу, болѣе или менѣе сохранившіяся, кости разныхъ животныхъ.

Не имѣя смѣлости, ни разбирать существующія предположенія о томъ, какимъ образомъ очутились здѣсь сіи остатки допотопныхъ животныхъ, ни моимъ мнѣніемъ увеличивать число гипотезъ, необходимымъ считаю однакожъ обратить

вниманіе естествоиспытателей на два довольно замѣчательныя обстоятельства: первое, отъ чего клыки, рога и остовы, принадлежащіе, вѣроятно, различнымъ породамъ животныхъ, но извѣстные здѣсь подъ общимъ именемъ *мамонтовыхъ костей,* попадаются не въ одинаковомъ количествѣ по всей поверхности Сибири, а лежатъ огромными слоями, или пластинами, которыя становятся чаще и изобильнѣе по мѣрѣ приближенія къ сѣверу? Второе, отъ чего клыки, или рога, попадаются всегда въ несоразмѣрномъ количествѣ съ другими костями? Нерѣдко находятъ вмѣстѣ десять большихъ роговъ, слѣдственно, отъ пяти животныхъ, а подлѣ нихъ лежащія кости бываютъ при томъ недостаточны для составленія даже и одного скелета. Всего болѣе мамонтовыхъ костей находятъ на Ляховскихъ островахъ и Новой Сибири *, откуда вывозятъ ихъ ежегодно по нѣскольку сотъ пудовъ; на твердой землѣ встрѣчаются онѣ менѣе, а въ южныхъ частяхъ Сибири находятся чрезвычайно рѣдко. Замѣчено еще, что лучше сохранившіеся и огромнѣйшіе клыки попадаются на сѣверѣ, гдѣ, по увѣренію промышленниковъ, находятъ иногда клыки вѣсомъ по 12-ти пудовъ, тогда, какъ здѣсь вѣсъ клыка рѣдко бываетъ болѣе 5-ти пудовъ. Не смотря на великое количество мамонтовыхъ костей, ежегодно изъ Сибири вывозимыхъ, уменьшенія ихъ не замѣтно, и въ 1821 году одинъ Якутскій мѣща-

* Путешествіе Рѣшетникова и Санникова, см. выше, часть I, стр. 132 — 139.

нинъ вывезъ изъ Новой Сибири клыковъ до 500 пудовъ, лучшаго качества.

Іюля 26-го отправились мы далѣе. Рѣка съ каждою верстою становилась быстрѣе. Теченіемъ своимъ образуетъ она безчисленныя, короткія излучины и цѣпи мѣлкихъ островов. Русло и берега ея усѣяны остроконечными камнями и утесами. Не смотря на искуство гребцовъ, теченіе бросило насъ на камень, съ такою силою, что дно лодки проломилось и она получила течь. Впрочемъ, такое происшествіе ни мало не затруднило Сибирскихъ мореходцовъ; они набѣжали на первый песчаный островъ, разгрузили, перевернули лодку вверхъ дномъ, задѣлали на скорую руку отверстіе и поплыли далѣе. Кромѣ потери двухъ часовъ времени, остановка не причинила намъ никакого вреда. Берега рѣки далѣе становятся скалистѣе, и доказываютъ постепенный переходъ къ каменистому образованію; вмѣсто мѣлкаго красноватаго песка, лежатъ дресва и мѣлкіе камни, а подлѣ Молотковской излучины замѣтили мы первыя слои шифера, проросшаго кварцовыми жилами. Прозябеніе здѣсь также многообразнѣе и изобильнѣе; въ долинахъ растутъ душица, богородская трава, и другія, а мѣстами показывается Сибирскій кедръ, впрочемъ рѣдко выше 3 и 4 футовъ, и всегда съ опущенными внизъ вѣтвями.

Весьма медленно плыли мы противъ быстраго теченія (при всѣхъ усиліяхъ дѣлая неболѣе 2-хъ узловъ, т. е. около 4-хъ верстъ, въ часъ) такъ,

что только на третій день достигли *Плотбища*, урочища, гдѣ осенью олени обыкновенно переправляются черезъ рѣку. Они еще не проходили. Сюда собралось между тѣмъ множество Юкагировъ изъ окрестныхъ селеній, уже терпѣвшихъ голодъ, а также приплыли на вѣткахъ Русскіе изъ Нижне-Колымска, и всѣ съ боязненнымъ нетерпѣніемъ ожидали прихода оленей. Отъ большаго или меньшаго изобилія промысла зависятъ участь и существованіе почти всего народонаселенія окрестностей. Русскіе и зажиточные охотники устроили себѣ изъ вѣтвей и дерна небольшія землянки, а бѣднѣйшіе изъ Юкагировъ жили подъ открытымъ небомъ.

Престарѣлый, зажиточный Юкагирскій старшина Коркинъ радушно пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, и угостилъ всѣмъ, что только у него было лучшаго, т. е. сухою олениною и оленьимъ жиромъ, довольно старымъ и сохраняемымъ въ пузыряхъ. Съ рѣдкимъ добродушіемъ, Коркинъ безвозмездно угощалъ такимъ образомъ всѣхъ проѣзжающихъ. При всеобщемъ недостаткѣ и неизвѣстности будутъ ли еще удачны оленья охота и рыбная ловля, такая щедрость покажется неумѣстною, даже безразсудною, но въ ней-то именно и состоитъ истинное гостепріимство, равно отличающее народы, живущіе отъ Москвы до Камчатки и отъ Кавказа до Ледовитаго моря. Здѣсь особенно, между кочующими племенами Сибири, сохранилась еще сія истинно патріархальная добродѣтель, побуждающая хозяина съ

рѣдкимъ самоотверженіемъ уступать гостю первое мѣсто и лучшій кусокъ.

Докторъ Киберъ, найдя разныя медицинскія и естествоиспытательныя занятія, пожелалъ остаться въ Плотбищѣ на нѣсколько дней *. Я воспользовался временемъ, стараясь собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о жителяхъ страны и ихъ нынѣшнемъ и первобытномъ состояніи.

До покоренія Русскими народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Многія племена, какъ то: *Шелаги*, *Аншилы*, *Омоки*, и другія, названія которыхъ сохранились въ преданіяхъ, нынѣ совершенно исчезли. Однакожъ и въ наше время, на весьма небольшихъ пространствахъ, живетъ въ Сибири по восьми и по десяти различныхъ народовъ, всѣ отличаясь одинъ отъ другаго языкомъ, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ, и такое обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что нѣкоторые изъ сихъ, такъ называемыхъ *народовъ*, состоятъ только изъ нѣсколькихъ семействъ, но тѣмъ неменѣе сохранили свою народную отличительность. Вѣроятно, различныя поколѣнія, здѣсь разсѣянныя, суть остатки первобытныхъ многочисленныхъ обитателей, или отдѣльныя семейства, случаемъ отторгнутыя отъ

* Между другими болѣзнями свирѣпствовала здѣсь, такъ называемая, *черная немочь*, родъ сыпи, или болячекъ на лицѣ, рукахъ и ногахъ. Чаще всего случается она съ женщинами и влечетъ за собою обыкновенно истерическіе припадки. По мнѣнію народа, сія болѣзнь насылается на людей злыми волшебниками.

своихъ соотечественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покореніе Сибири заставило кочующіе народы, привыкшіе къ независимости, подвинуться далѣе на востокъ, а сіи переселенія, также и кровопролитныя междоусобныя войны, опустошительныя болѣзни, и наконецъ сліяніе разныхъ племенъ между собою и съ Рускими, постепенно истребили первобытныхъ жителей страны. Такъ, между прочимъ, *Омоки*, по преданію, многочисленный и богатый народъ, совершенно погибли, и въ ихъ бывшемъ отечествѣ живутъ нынѣ небольшія орды Юкагировъ, Ламутовъ, Тунгусовъ, Коряковъ, Чуванцовъ, Якутовъ, и т. д.

Нашъ хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ происходитъ отъ Омоковъ, и не мало гордился тѣмъ, что въ ето семействѣ во всей чистотѣ сохранился языкъ сего народа. Коркинъ часто и охотно разсказывалъ мнѣ много чудеснаго и невѣроятнаго о своихъ предкахъ, ихъ богатствахъ, храбрости, битвахъ съ иноземцами, и вообще съ удовольствіемъ говорилъ о старинѣ. По его словамъ, на берегахъ Колымы, къ сѣверу отъ Омолона и на устьяхъ обоихъ Анюевъ, жили нѣкогда Омоки, миролюбивый и столь многочисленный народъ, что тогда говаривали: «на берегахъ Колымы болѣе Омокскихъ огнищъ, нежели въ ясную ночь звѣздъ на небѣ». Омоки занимались охотою и рыбною ловлею; и то и другое, а особенно рыболовство въ Колымѣ и побочныхъ рѣкахъ, были очень изобильны. Народъ Омокскій стоялъ уже на нѣкоторой степени промышленнаго образова-

нія и задолго до пришествія Русскихъ зналъ употребленіе желѣза. При завоеваніи Сибири, гибельные предшественники Русскихъ, корь, оспа и другія прилипчивыя болѣзни произвели ужасныя опустошенія между туземцами. Омоки рѣшились, оставивъ свое отечество, удалиться туда, гдѣ вѣчные снѣга и льды могли спасти ихъ отъ преслѣдованія чужеземцовъ, и отправились двумя большими отдѣленіями, со всѣмъ своимъ имуществомъ и безчисленными оленями, отъ устья Колымы на сѣверъ. Куда направили Омоки свой путь, гдѣ поселились, и вообще о дальнѣйшей судьбѣ ихъ старикъ ничего не зналъ. Я распрашивалъ другихъ, но никто не могъ мнѣ сообщить никакихъ достовѣрныхъ извѣстій.

Вѣроятно, что Омоки пошли на западъ берегами Ледовитаго моря, потому что при устьѣ рѣки Индигирки находятся донынѣ явные и многочисленные слѣды юртъ и другихъ жилищъ, о происхожденіи и существованіи которыхъ туземные старожилы ничего не помнятъ, кромѣ того, что сіи развалины, съ незапамятныхъ временъ, назывались *Омокскимъ юртовищемъ*. Существованіе Омоковъ не подлежитъ сомнѣнію, но куда они скрылись? Гдѣ живутъ нынѣ потомки сего, нѣкогда многочисленнаго народа? Вопросы неразрѣшенные.

На оставленныхъ Омоками берегахъ Колымы поселились разные народы, изъ коихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: *Юкагиры*, съ верховьевъ сей рѣки, *Тунгусы*, изъ Амурскихъ степей, и

Чуванцы, вытѣсненные Чукчами съ береговъ Анадыра.

Въ такомъ положеніи была здѣшняя страна въ 1750 году, когда Якутскій Воевода Павлуцкій, подкрѣпляемый многочисленными тогда Чуванцами и Юкагирами, предпринялъ походъ на Чукчей. Не смотря на побѣды союзниковъ, окончаніе войны было неблагопріятно для Сибиряковъ. Большая часть Юкагировъ, и почти всѣ Чуванцы, пали въ кровопролитныхъ битвахъ. Заразительныя болѣзни произвели окончательное опустошеніе между туземцами и Рускими. Два раза свирѣпствовала здѣсь оспа; послѣ того корь и горячки истребили множество народа, а наконецъ сильно распространившіяся венерическія болѣзни, всегда неизлѣчимыя въ сей странѣ, по недостатку свѣжей, легкой пищи и суровому климату; онѣ нанесли окончательный ударъ туземцамъ.

Нынѣ все народонаселеніе береговъ Малаго Анюя состоитъ изъ нѣсколькихъ Юкагирскихъ семействъ. Лишась своего единственнаго богатства, домашнихъ оленей, они принуждены были отказаться отъ кочевой жизни, поселились здѣсь, приняли Христіанскую вѣру, и постепенно утрачиваютъ свою народность, нравы и обычаи. Господствующій языкъ у нихъ нынѣ Русскій.

Домы здѣшнихъ Юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большой части изъ одной пространной комнаты. Въ ней всегда налѣво отъ входа, вмѣсто обыкновенной въ Русскихъ избахъ печи, помѣщается *чуваль*, или

очагъ, гдѣ безпрерывно горитъ огонь, для согрѣванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образа; по стѣнамъ развѣшиваются ружья, луки и стрѣлы; на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по срединѣ ставится большой столъ, и широкія лавки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда Юкагировъ совершенно сходна съ одеждою живущихъ здѣсь Рускихъ и соотвѣтствуетъ суровому климату. Мужчины и женщины одинаково носятъ *парки, камлейки*, и т. д., изъ оленьихъ шкуръ, съ тою разницею, что женщины повязываютъ голову платкомъ, и на паркахъ дѣлается у нихъ откидной воротникъ изъ соболя, или россомахи, а на мужскихъ бываетъ стоячій воротникъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха. Впрочемъ женская одежда сшивается изъ шкуръ оленьихъ выпоротковъ, вырѣзанныхъ изъ живота самки, а мужская просто изъ молодыхъ оленей.

Въ очеркѣ лица Юкагиры почти совершенно сходны съ здѣшними Рускими, или здѣшніе Рускіе, можетъ быть, похожи на Юкагировъ. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое, довольно правильное лицо, и удивительная, особенно у женщинъ бѣлизна тѣла, составляютъ отличительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни Юкагировъ видѣнъ еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, веселаго расположенія духа кочеваго народа; у нихъ сохранилось еще во всей чистотѣ радушное гос-

теприимство, какъ равно и некоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Къ несчастію, отъ сообщенія съ Рускими, на которыхъ смотрятъ они, какъ на своихъ поработителей, между Юкагирами вкоренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой и старый, играетъ, или на скрыпкѣ, или на балалайкѣ *. У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсней есть что-то особенное, неправильное и дикое, сначала непріятное для слуха, но въ послѣдствіи оно можетъ нравиться. Вообще Юкагиры при пѣніи импровизируютъ, не только слова пѣсенъ, но и самые напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсенъ Юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается притомъ о соловьѣ, сизокрыломъ голубкѣ, рѣшетчатыхъ окнахъ, и другихъ предметахъ, нынѣ Юкагирамъ совершенно неизвѣстныхъ. Можетъ быть, сіи понятія принесены сюда предками Юкагировъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія стари-

* Странно, что при такой общей наклонности Юкагировъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента; по крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось замѣтить ничего.

ны, хотя туземцы, особенно нашъ хозяинъ Коркинъ, разсказывали много чудеснаго о похожденіяхъ своихъ предковъ. Я говорилъ о томъ нѣкоторымъ пѣвицамъ; онѣ отвѣчали, что то не ихъ дѣло и что онѣ о томъ не поютъ. Мужчины, напротивъ того, воспѣваютъ собственные подвиги, напоминаютъ убитаго оленя, низложеннаго медвѣдя, или преодолѣнную опасность, превознося притомъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Единственныя занятія здѣшнихъ жителей суть рыбная ловля и охота. Рыболовство менѣе значительно, потому что большая морская рыба поднимается только до Плотбища. Произведенія прозябаемаго царства, подъ суровымъ небомъ и на землѣ почти вѣчно скованной морозомъ, чрезвычайно скудны *. Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней безплодной страны зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду, а отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удаляться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры, гдѣ водятся другіе Сибирскіе звѣри. Время переправы оленей черезъ Анюй составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и Юкагиры съ такимъ же боязненнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія сего животнаго, съ какимъ земледѣль-

* Здѣсь растутъ нѣсколько породъ ягодъ и сладковатый, мучнистый корень макарши; женщины собираютъ его лѣтомъ, или осенью и зимою вырываютъ изъ норъ земляныхъ мышей.

цы другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы, или собиранія винограда.

Олени два раза въ годъ переправляются здѣсь черезъ рѣки, весною и осенью, но по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткимъ промежуткомъ времени, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ Мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тянутся на сѣверныя тундры, отыскивая лучшій кормъ и избѣгая комаровъ, съ первою теплою погодою являющихся во множествѣ, и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго Сибирскаго лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ, или ловить петлями, но послѣднее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и ранами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шкура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты и въ дырахъ.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда сіи животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и

шкура, покрытая уже новою шерстью, тверда и прочна. Разница въ добротѣ между весеннею и осеннею кожами оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а много за полтора, но за вторую надобно платить отъ 5-ти до 8-ми рублей.

Когда пріѣхали мы въ Плотбище, все собранное тамъ народонаселеніе находилось еще въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленьи показывались въ долинѣ, къ сѣверу отъ Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки, и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячь, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олени, какъ мнѣ казалось, всегда ходятъ особыми табунами, по 200 и по 300 головъ каждый, но такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Дорога оленей почти всегда одна и та же, т. е. между верховьями Сухаго Анюя и Плотбищемъ. Для переправы обыкновенно спускаются олени къ рѣкѣ по руслу высохшаго, или маловоднаго протока, выбирая мѣсто, гдѣ противолежащій берегъ отлогъ. Сначала весь табунъ стѣсняется въ

одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается весь табунъ, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ, за камнями и кустарниками, обыкновенно подъ вѣтромъ отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое, или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются въ табунъ и колютъ, съ невѣроятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположнаго берега.

Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться, или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку, погибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣ-

стѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ, менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табунъ весьма многочисленъ и придетъ въ безпорядокъ, поколка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ (уснувшихъ) оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно-охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ соблюдаютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ только маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и издыхаютъ уже на берегу. Впрочемъ,

такіе промышленники слывутъ въ народѣ *худыми людьми*; тѣмъ не менѣе однакожъ употребляются и уважаются по недостатку опытныхъ охотниковъ.

Оленья охота въ водѣ представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканіе раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью покольщики, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обагренная кровью поверхность рѣки — все вмѣстѣ составляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

По окончаніи охоты и раздѣлѣ добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ они черезъ нѣсколько часовъ портятся и начинаютъ гнить, а напротивъ въ холодной текучей водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ, или при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе Русскіе иногда также солятъ лучшія части. Особымъ лакомствомъ почитаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Мы провели въ Плотбищѣ двѣ недѣли, и по совершенномъ окончаніи счастливой оленьей охоты отправились, 13-го Августа, поутру, далѣе.

Къ ночи прибыли мы въ *Аргуново*, гдѣ застали нѣсколько Юкагирскихъ семействъ; они встрѣтили здѣсь также довольно большой табунъ оленей и получили богатую добычу.

Въ 20-ти верстахъ отсюда впадаетъ съ правой стороны въ Анюй рѣка *Погиндена*, равная ему шириною и объемомъ воды. Въ теченіи своемъ Погиндена не столь глубока, но быстра, и образуетъ множество пороговъ и водопадовъ, отъ чего и оленьи табуны не посѣщаютъ ее. Потому, не смотря на выгодное положеніе, берега Погиндены остаются необитаемы. Зимою замерзшая рѣка составляетъ удобную гладкую дорогу къ верховьямъ Березовой и Баранихи, куда здѣшніе Юкагиры ѣздятъ на промыселъ дикихъ барановъ.

У Аргунова берега Анюя становятся разнообразнѣе и красивѣе. Вмѣсто крутыхъ, черныхъ скалъ, изрѣдка прорѣзанныхъ ручейками, видите здѣсь отлогія прибрежья, образующія большія излучины, и самая рѣка усѣяна островками, покрытыми купами высокихъ деревъ. Все составляетъ пріятную и живописную картину; она оживлялась еще при насъ стадами оленей, отдѣлившимися отъ своихъ товарищей и догонявшими ихъ небольшими табунами. Теченіе здѣсь весьма быстро, и намъ можно было подвигаться медленно и съ большою осторожностію.

Августа 16-го ночевали мы въ глубокомъ оврагѣ, между двумя скалистыми горами *Пендиной* и *Огородомъ*. Вторая получила свое названіе отъ

того, что подлѣ нее находится обнесенное забором мѣсто, куда туземцы, разными средствами, стараются загонять небольшіе табуны дикихъ оленей, и тамъ безъ труда колютъ ихъ.

Вечеръ былъ ясный. Желая взять нѣсколько пеленговъ, пошелъ я на одну изъ горъ, но съ половины высоты увидѣлъ, что весь горизонтъ заставленъ цѣпями островершинныхъ черныхъ утесовъ и сопокъ, дѣлавшихъ невозможнымъ исполненіе моего намѣренія. Надобно было возвратиться къ товарищамъ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, съ разсвѣтомъ, отправились мы далѣе. Вскорѣ мы увидѣли цѣль нашего путешествія, скалу *Обромъ*, съ ея увѣнчанною облаками вершиною, и проѣхавъ опустѣлый Островенскій острогъ, прибыли въ *Обромское лѣтовье*, лежащее въ 250-ти верстахъ отъ Нижне-Колымска, на лѣвомъ берегу рѣки, прямо противъ упомянутой скалы. Мы нашли здѣсь только голодавшихъ старухъ и дѣтей; мужчины и женщины посильнѣе пошли къ верховьямъ рѣки, на встрѣчу оленей, которые здѣсь еще не показывались.

Докторъ Киберъ пожелалъ остаться здѣсь на нѣсколько дней. Пользуясь временемъ, я бродилъ съ ружьемъ за плечами по окрестности, отчасти для осмотра страны, а отчасти въ надеждѣ пополнить дичью нашу оскудѣвшую провизію. Охота моя была неудачна, и стараясь хоть чѣмъ нибудь вознаградить потерянные труды, рѣшился я взобраться на вершину Обромской скалы. У подошвы ея встрѣтился мнѣ Юкагиръ, искавшій въ

кустахъ ягодъ и кореньевъ для прокормленія своего голодавшаго семейства, и вызвался служить мнѣ проводникомъ. Мы начали подниматься на гору, карабкаясь руками и ногами по крутымъ ложбинамъ и отстоямъ, или перескакивая съ камня на камень. Послѣ часоваго труднаго пути выбился я изъ силъ и хотѣлъ возвратиться, но проводникъ мой, знавшій хорошо всѣ тропинки, рѣшительно объявилъ, что спуститься съ горы можно только по противоположному скату, котораго достигнуть нельзя иначе, какъ черезъ вершину. Къ счастью, мы попали на оленью тропу, и она доставила намъ, хотя не совсѣмъ удобную, но однакожъ безопасную дорогу, и послѣ трехъ часовъ пути привела благополучно на вершину скалы, покрытую снѣгомъ.

Только тотъ, кто самъ бывалъ въ сѣверныхъ странахъ Сибири, можетъ имѣть ясное понятіе о не увлекающихъ взоръ, но истинно величественныхъ и поражающихъ красотахъ природы, свойственныхъ здѣшнимъ льдистымъ, безжизненнымъ, пустынымъ краямъ.

Подо мной тянулись разнообразно развѣтвлявшіяся цѣпи горъ, окруженныхъ яркою зеленью, съ увѣнчанными снѣгомъ вершинами, теряясь въ голубоватыхъ льдахъ и туманахъ никогда нетающаго моря. Багровые лучи солнца, предвѣстники приближавшейся бури, окрашивали бѣлые верхи горъ прозрачнымъ розовымъ цвѣтомъ и рисовались безчисленными радугами въ наполненной ледяными частицами атмосферѣ. Мѣстами,

какъ острова среди океана тумановъ, торчали черные, обнаженные, зубчатые верхи утесовъ. Картина представляла нѣчто неописанно величественное. Совершенная безжизненность и могильная тишина поражали меня. Внезапно поднялся сильный восточный вѣтеръ. Природа оживилась; вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ и оврагахъ; песокъ и снѣгъ клубились и столбами поднимались къ небу. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на возраставшую бурю, но мой проводникъ испугался и спѣшилъ удалиться, прежде нежели наступитъ вьюга. Мы спустились по болѣе отлогому скату горы и съ наступленіемъ ночи достигли рѣки; здѣсь нашли мы лодку и счастливо возвратились домой.

До половины высоты своей Обромъ поросъ лѣсомъ; у подошвы его растетъ густой, высокоствольный лѣсъ, а далѣе стелется низменный, изогнутый кедровникъ, и наконецъ встрѣчаются только низкая твердая трава и сѣрый мохъ. Вся гора состоитъ главнѣйше изъ неровнаго, ломаннаго и вывѣтрѣлаго гранита; мѣстами попадается шиферъ. Въ щеляхъ и углубленіяхъ вѣками образовался тонкій слой земли и въ немъ растутъ разныя прозябенія.

Непогода, бури, дожди и снѣга продолжались нѣсколько дней сряду. Деревья обнажились отъ зелени, берега и скаты горъ покрылись снѣгомъ, а края рѣки льдомъ *. По нашимъ понятіямъ

* По здѣшнему говорится: «рѣка дала *забереги*.» Такъ называются здѣсь первый ледъ осенью и первая вода весною, выступающія у береговъ.

наступала зима, но Юкагиры увѣряли, что *осень только начинается*, и спокойно оставались въ своихъ лѣтовьяхъ.

Августа 21-го начали мы обратный путь. При помощи быстраго теченія и крѣпкаго попутнаго вѣтра дѣлали мы по пяти узловъ въ часъ, и на слѣдующій день въ вечеру прибыли въ Плотбище. По берегамъ раздавались здѣсь веселыя пѣсни Рускихъ и Юкагировъ, праздновавшихъ счастливое окончаніе охоты. У береговъ, въ водѣ, лежала еще часть убитыхъ оленей, покрытыхъ древесными вѣтвями, а другая была уже приготовлена для храненія впрокъ. По дорогѣ встрѣчали мы многихъ туземцовъ, спѣшившихъ домой на лодкахъ, таща за собой по рѣкѣ добычу.

Отъ Оброма до Плотбища весь Анюй усѣянъ безчисленными островами, мѣлями и камнями, весьма затрудняющими плаваніе, а выше Обромской скалы дѣлающими его вовсе невозможнымъ. Анюй принимаетъ въ себя много рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ съ горъ, и потому, при малѣйшемъ дождѣ, или оттепели, дѣлается онъ полноводнымъ, и нѣсколько разъ въ годъ выступаетъ изъ береговъ, смывая притомъ существовавшія прежде мѣли и острова, образуя новые, влача въ быстромъ теченіи огромныя глыбы камней и перемѣняя безпрестанно фарватеръ, причемъ надвигаетъ пороги и водопады тамъ, гдѣ за нѣсколько дней было глубокое мѣсто. Анюй перемѣняетъ также часто русло свое, такъ что и прибрежные

жители никогда не могутъ совершенно знать теченія рѣки.

Отъ Плотбища хотѣли мы продолжать наше путешествіе по Большому Анюю на лошадяхъ, которыхъ принуждены были ждать до 25-го Августа. Начало поѣздки нашей было весьма затруднительно и непріятно; надлежало пробираться по *бадаранамъ*, обнаженнымъ болотамъ, при сильномъ рѣзкомъ вѣтрѣ, густой вьюгѣ и утопая въ снѣгу. Такъ проѣхали мы 30 верстъ, и достигли довольно высокаго хребта, отдѣляющаго Большой Аніой отъ Малаго. Здѣсь встрѣтилъ насъ житель здѣшнихъ горъ, большой черный медвѣдь; онъ внезапно выскочилъ изъ-за кустовъ; лошади наши испугались и поднялись на дыбы, но и медвѣдь струсилъ, увидѣвъ передъ собою шесть всадниковъ. Онъ бросился обратно въ лѣсъ и скрылся, прежде нежели мы успѣли взяться за ружья. Подобныя встрѣчи не всегда оканчиваются столь счастливо, и въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, медвѣдь вломился ночью въ ламутскую юрту и передавилъ въ ней всѣхъ обитателей, кромѣ одного, нашедшаго средство уйдти.

Верстахъ въ трехъ отъ подошвы горы, на берегу рѣчки *Камешковой*, впадающей въ Большой Аніой при мѣстечкѣ *Пятистѣнномъ*, расположились мы ночевать и развели большой огонь; было еще довольно рано. На свѣжемъ снѣгу видны были многочисленные слѣды соболей, и взявъ съ собой ружье, я рѣшился попробовать счастья на охотѣ. Вѣроятно, неопытность и непривычка

моя были причиною, что мнѣ не удалось, не только убить, но даже и увидѣть какого нибудь соболя; за то я настрѣлялъ куропатокъ, и онѣ составили весьма пріятный и полезный прибавокъ къ нашему скудному обѣду.

Берега обоихъ Анюевъ обставлены безчисленнымъ множествомъ ловушекъ, силковъ, кляпцовъ и пастниковъ всякаго рода, для соболей, россомахъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ, которыя, не смотря на постоянное преслѣдованіе ихъ съ незапамятныхъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Обыкновенно, каждую осень ловятъ здѣсь отъ 200 до 300 соболей и соразмѣрное съ тѣмъ количество пушныхъ звѣрей низшей доброты. Каждый трудолюбивый Юкагиръ ежегодно выставляетъ съ первымъ снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіе зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при каждомъ осмотрѣ въ 8 или 9-й ловушкѣ находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго скрѣпленія, чрезвычайно разнообразны, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманный механизмъ заслуживаетъ удивленіе. Онѣ такъ приспособлены къ свойствамъ, походкѣ и силѣ каждой породы попадающихся здѣсь звѣрей, что ка-

жется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.

Нужда лучшій наставникъ людей. Она заставила Юкагировъ и сосѣднихъ имъ народовъ, по недостатку другихъ родовъ промышленности, обратить всѣ умственныя свои способности на ловлю звѣрей и обученіе необходимыхъ для охоты собакъ, *манщиковъ* *, и проч., и должно признаться, что туземцы довели въ томъ и другомъ искуство до высокой степени совершенства.

Вечеромъ 26-го Августа прибыли мы въ маленькое мѣстечко *Тигишку*, лежащее на Большомъ Анюѣ, гдѣ нашли только двухъ старухъ и нѣсколько полуголодныхъ дѣтей. Мой спутникъ, докторъ Киберъ сдѣлался боленъ и не могъ продолжать пути верхомъ, такъ что мы принуждены были остаться здѣсь цѣлый день. Отсюда послалъ я одного изъ нашихъ проводниковъ, на вѣткѣ, вверхъ по рѣкѣ, къ мѣстечку *Сладкому*, гдѣ собрались для оленьей охоты почти всѣ прибрежные жители Анюя, и гдѣ потому можно было достать просторную лодку для насъ и нашихъ вещей, которыя въ продолженіе путешествія значительно умножились. На другой день посланный возвратился и привелъ съ собой карбасъ, который былъ однакожь такъ малъ, что мы ни-

* *Манщиками* (отъ слова: *манить*) называютъ домашнихъ оленей, пріученныхъ отвлекать дикихъ оленей отъ табуновъ и подводить на разстояніе выстрѣла къ своему хозяину, или въ разставленный капканъ. Хорошій, надежный манщикъ дорого цѣнится, и обученіе его требуетъ большихъ трудовъ и терпѣнія.

*

какъ не могли помѣститься въ немъ съ нашими вещами. Уступивъ лодку больному, я рѣшился ѣхать верхомъ по берегу до Лабазнаго. Тамъ надѣялись мы найдти лодку побольше, и согласно съ нашимъ первоначальнымъ планомъ, продолжать вмѣстѣ путешествіе до устья Ангарки, куда приходятъ иногда Чукчи для мѣновой торговли.

Августа 28-го отправился я въ путь, черезъ лѣса и болота, по глубокому снѣгу. Проѣхавъ цѣлый день, при густой мятели и рѣзкомъ вѣтрѣ, мы достигли рѣчки *Вѣтреновки*, берега которой, крутые и возвышенные, доставили намъ защиту отъ непогоды. Лѣсъ, по которому шла дорога, былъ гораздо выше и толще, нежели встрѣчаемый на берегахъ Малаго Анюя. Кромѣ большихъ лиственницъ, попадаются здѣсь довольно высокія березы, тополы, ивы и другія древесныя породы. Въ чащѣ лѣса нашли мы нѣсколько гробницъ древнихъ первобытныхъ обитателей здѣшней страны. Онѣ состояли изъ небольшихъ, сколоченныхъ изъ бревенъ строеній (на подобіе описанныхъ выше сайбъ), куда клали трупы умершихъ, совершенно одѣтые, съ луками, стрѣлами и копьями. Въ одной изъ гробницъ нашли мы остатки бубна и нѣсколько мѣдныхъ колецъ и колокольчиковъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, погребенному тутъ шаману. На горѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, мы замѣтили довольно большое строеніе, похожее на полуразрушенный острогъ; бревна, изъ которыхъ оно было построено, по видимому, срублены были каменными то-

порами. Ненадежно замерзшее болото и сильная выюга препятствовали мнѣ приблизиться къ строенію, разрушенный видъ котораго не обѣщалъ впрочемъ богатой добычи.

Рѣчка Вѣтреновка течетъ частыми излучинами, въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ. Между холмами и утесами попадаются здѣсь низменности и овраги, покрытые пескомъ и грудами острокраенныхъ камней, которые вода еща не округлила. Здѣсь, такъ же, какъ на Сухомъ Анюѣ, замѣтилъ я, по большей части, шиферныя и шпатовыя жилы, проросшія кварцомъ и карніоломъ; послѣдній въ незначительныхъ массахъ, а первый большими пластинами. Въ одномъ изъ ущельевъ, въ пескѣ, нашелъ я хорошо сохранившуюся мамантовую скулу, съ нѣсколькими боковыми зубами.

Послѣ неудобно проведенной ночи, отправились мы далѣе. Еще вчера казалось мнѣ, что нашъ проводникъ, Юкагиръ, не такъ-то хорошо знаетъ дорогу, а нынѣ, замѣтивъ снова, что онъ сворачиваетъ, безъ всякой видимой надобности, то направо, то налѣво, я объявилъ ему мои сомнѣнія на счетъ его познаній. Юкагиръ обидѣлся моимъ отзывомъ, и въ доказательство того, что онъ уже неоднократно бывалъ здѣсь, назвалъ по именамъ всѣ горы, отдѣльныя скалы и ручьи, мимо которыхъ мы проѣзжали. Между тѣмъ совершенно стемнѣлось. Мы ѣхали по глубокимъ оврагамъ и ложбинамъ, среди крутыхъ горъ, въ

густомъ лѣсу. Лошади измучились и все общество громко роптало на незнаніе проводника, который признался наконецъ, что заблудился, и совершенно не знаетъ, куда завелъ насъ. Я принужденъ былъ самъ отыскивать выходъ изъ пустыни, и полагая, что Анюй лежитъ на западъ отъ насъ, направился туда. По неимѣнію компаса, оставленнаго въ лодкѣ, я могъ руководствоваться только корою лиственницъ, которая здѣсь, какъ и по всей сѣверной Сибири, на обращенной къ сѣверу сторонѣ дерева бываетъ черна, а на южной красновата, и нерѣдко служитъ путеводителемъ заблудившимся охотникамъ. Не смотря на сумерки, мы поѣхали далѣе, и вскорѣ достигли рѣчки, которую почли за одинъ изъ притоковъ Анюя. Избѣгая трудной и опасной въ темнотѣ дороги черезъ горы и ущелья, мы слѣдовали по теченію рѣчки, постепенно расширявшейся и принявшей сѣверо-западное направленіе. Проѣхавъ такимъ образомъ 20 верстъ, къ великой радости услышали мы вдали плески волнъ большой рѣки, выступившей отъ прибылой воды изъ береговъ и съ ревомъ стремившейся черезъ камни и скалы. Черезъ четверть часа достигли мы Большаго Анюя, и увидѣли, что послѣ долгаго, безполезнаго скитанія, проѣхали только до мѣстечка Сладкаго, лежавшаго передъ нами на другой сторонѣ рѣки. Двѣ уцѣлѣвшія стѣны балагана доставили намъ на ночь нѣкоторую защиту отъ вѣтра и мятели. Здѣсь, въ черно-шиферномъ утесѣ *Сладкой горы*, находятъ землю бѣло-

ватаго цвѣта, сладкаго, вяжущаго вкуса, которая, по увѣренію туземцовъ, весьма полезна противъ поноса. Я велѣлъ принести мнѣ такой земли, желая показать ее доктору Киберу, но къ сожалѣнію, по неосторожности при вырываніи, такъ смѣшали ее съ посторонними веществами, что никакъ уже нельзя было опредѣлить ея составныхъ частей. Кажется, впрочемъ, что сія земля того же рода, какой находятъ около Охотска и прибавляютъ тамъ къ мукѣ при печеніи хлѣбовъ.

Нашъ огонь привлекъ съ противолежащаго берега нѣсколько Юкагировъ; они привезли намъ свѣжей оленины, и разсказали, что докторъ Киберъ сегодня прибылъ въ Сладкое. Оставивъ утомленныхъ лошадей и вещи свои подъ охраненіемъ Юкагира, обѣщавшаго доставить мнѣ ихъ въ цѣлости, я отправился въ легкой лодкѣ къ доктору Киберу. На другой день вмѣстѣ поѣхали мы далѣе, и послѣ семи часовъ опаснаго, по причинѣ сильнаго вѣтра и волненія, плаванія, прибыли 30-го Августа счастливо въ Лабазное, гдѣ около сего времени производится обыкновенно изобильная поколка оленей.

Издали услышали мы нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и отголоски веселыхъ пѣсенъ. На берегу встрѣтили насъ Юкагирскіе князьки *Рупачевъ* и *Чайнъ*, и разсказали, что они празднуютъ день тезоименитства Государя Императора, по здѣшнему *Бѣлаго Царя*, или *Тирикъ-Аремъ* (Сына Солнца). Мы соединились съ ними, раздѣлили между туземцами порядочную порцію вина и та-

баку, и тѣмъ немало возвысили общую веселость. Мужчины показывали намъ свое искуство стрѣлять въ цѣль изъ луковъ и ружей, бѣгали въ запуски и перегонялись на лодкахъ, а женщины пѣли и плясали; такое веселье продолжалось до разсвѣта. Вѣроятно, этотъ день во многихъ странахъ Россіи праздновали гораздо торжественнѣе, но трудно представить себѣ радость беззаботнѣе и искреннѣе той, которая оживляла жителей мѣстечка Лабазнаго, въ *двѣнадцати тысячахъ верстъ* отъ столицы лежащаго.

Пока спутникъ мой съ утра до ночи занимался поданіемъ помощи страждущимъ, и многимъ изъ нихъ счастливо доставлялъ большое облегченіе, принужденъ я былъ проводить время въ совершенномъ бездѣйствіи, потому что безпрерывная выюга препятствовала мнѣ осматривать окрестность, и только однажды дала возможность взять полуденную высоту для опредѣленія широты мѣста.

Здѣшніе жители разсказывали мнѣ, что въ окрестныхъ горахъ часто попадаются кристаллы колчедана и карніола, а въ устьяхъ рѣкъ большія глыбы *кремней* съ отпечатками растеній и раковинъ. Вообще Большой Анюй, при большемъ народонаселеніи и разнообразіи произведеній царствъ прозябаемаго и животнаго, представляетъ для естествоиспытателей предметъ гораздо занимательнѣе, нежели берега Сухаго Анюя. Мы весьма сожалѣли, что позднее время года и безпрерывный снѣгъ не позволяли намъ подробнѣе

изслѣдовать страну, и часто принуждали насъ руководствоваться неполными, темными и ненадежными разсказами туземцовъ.

Олени здѣсь еще не проходили. Трудно себѣ представить, до какой степени достигаетъ голодъ среди здѣшнихъ народовъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими имъ постелями и одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поравну между членами цѣлаго рода и съѣдается, въ полномъ смыслѣ слова, съ *костями* и *шкурою*. Все, даже внутренности и толченые рога и кости, употребляется въ пищу, потому что надобно чѣмъ нибудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ. Въ продолженіе нашего здѣсь пребыванія приходъ оленей былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ.

Наконецъ, 12-го Сентября, на правомъ берегу рѣки, противъ Лабазнаго, показались отрада и спасеніе туземцовъ — безчисленный табунъ оленей покрылъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистые рога ихъ колыхались, какъ будто огромныя полосы сухаго кустарника. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились Якуты, Чуванцы, Ламуты и Тунгусы, пѣшкомъ и въ лодкахъ, въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бѣдствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица и все предсказывало обильный промыселъ. Но къ ужасу всѣхъ,

внезапно раздалось горестное, роковое извѣстіе: «*Олень пошатнулся!*» Дѣйствительно, мы увидѣли, что весь табунъ, вѣроятно устрашенный множествомъ охотниковъ, отошелъ отъ берега и скрылся въ горахъ. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, внезапно лишеннаго всѣхъ средствъ поддерживать свое бѣдственное существованіе. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія. Женщины и дѣти стонали громко, ломая руки; другія бросались на землю и съ воплями взрывали снѣгъ и землю, какъ будто приготовляя себѣ могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда.....

Кончивъ всѣ наши занятія и не имѣя средствъ пособить народному бѣдствію, мы отправились 13-го Сентября изъ Лабазнаго, куда пріѣхали среди радостныхъ восклицаній, и гдѣ теперь слышали только вопли и плачъ. Не смотря на сильный, совершенно противный вѣтеръ, плаваніе наше, при помощи теченія, шло довольно быстро, такъ что къ вечеру проѣхали уже мы 40 верстъ и прибыли въ мѣстечко Сладкое. Отъ Лабазнаго до мѣстечка *Долгаго*, въ 80-ти верстахъ лежащаго, по правому берегу тянется безпрерывная цѣпь высокихъ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, упираясь нависшими, крутыми скалами въ рѣку, образуетъ она мысы. Горы и утесы состоятъ здѣсь, по большей части, изъ сѣраго гранита и

чернаго шифера. Между ними видны изрѣдка слои желѣзной охры, а на берегу попадаются обломки гранита, яшмы и карніоловъ.

По всей дорогѣ видѣли мы, что туземцы страдали отъ холода, и отчаявшись въ оленьемъ промыслѣ, прибѣгали къ рыбной ловлѣ. Лѣтомъ употребляются для того сѣти, невода, мережи, и устроиваются заколы въ устьяхъ притоковъ Большаго Анюя, а осенью перегораживаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ самую рѣку. Большой Анюй хотя и не очень широкъ, но глубокъ и теченіе его плавное, непрерываемое порогами и водопадами; потому рыба поднимается въ него довольно высоко, даже за Лабазное, и ловъ бываетъ иногда весьма изобильный. Въ нынѣшнемъ году, къ несчастію жителей, рыбы оказалось такъ мало, что прибрежные туземцы остались въ самомъ безпомощномъ и ужасномъ положеніи.

Путешествіе наше становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Холодъ усиливался; ледъ у береговъ дѣлался шире, и во многихъ, менѣе быстрыхъ мѣстахъ покрывалъ уже всю рѣку, такъ, что мы принуждены были топорами и шестами прокладывать себѣ путь. Все заставляло насъ спѣшить, чтобы до совершеннаго рѣкостава достигнуть селенія, гдѣ можно было намъ запастись всѣмъ нужнымъ для дальнѣйшаго путешествія. Съ трудомъ доплыли мы до скалы *Большой Брусянки*, гдѣ находилось лѣтовье Юкагирскаго Князка, у котораго могли мы надѣять-

ся найдти удобное убѣжище. Здѣсь обождали мы, пока рѣка совершенно замерзла и установился зимній путь. Ледъ въ Большомъ Анюѣ, какъ вообще во всѣхъ значительныхъ рѣкахъ Сибири, образуется двоякимъ образомъ. Во первыхъ, въ Маленькихъ заливахъ и около береговъ, подобно небольшимъ озерамъ, поверхность воды, даже при весьма небольшомъ морозѣ, покрывается ледянымъ слоемъ. Во вторыхъ, наиболѣе, ледъ образуется въ руслѣ на днѣ рѣки, между камнями, и отъ множества подводной травы получаетъ видъ замерзшей зеленой тины. Когда такая льдяная глыба перейдетъ уже въ значительный объемъ, то отстаетъ отъ дна и поднимается на поверхность воды, гдѣ тотчасъ превращается въ твердый ледъ, смѣшанный съ травою, пескомъ и мѣлкими камнями. Потомъ отдѣльныя льдины слѣпляются и въ короткое время рѣка совершенно замерзаетъ, такъ, что по ней можно уже ѣздить.

Во время нашего пребыванія у Большой Брусянки холодъ ни разу не былъ сильнѣе 10°, по Реомюру. Температура воды перемѣнялась весьма медленно; въ теченіе семи дней, на глубинѣ 4-хъ футовъ, она спустилась съ $1\frac{1}{2}°$ до $\frac{3}{4}°$.

Сентября 24-го кончили мы всѣ необходимыя приготовленія и въ нартахъ отправились далѣе. По недостатку корма, худыя и безсильныя собаки бѣжали весьма медленно, такъ, что только 28-го Сентября довезли насъ до *Пятистѣннаго*, Якутскаго селенія. Имя его происходитъ отъ ле-

жащаго вблизи, высокаго, отдѣльнаго утеса, пять равныхъ сторонъ котораго подымаются перпендикулярно отъ земли и придаютъ ему видъ огромной башни.

Здѣсь нашли мы свѣжихъ, сильныхъ собакъ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхали въ *Басково*, гдѣ есть лѣтовья нѣсколькихъ Русскихъ семействъ изъ Нижне-Колымска.

Отъ Брусянки начинаются почти плоскіе берега, изрѣдка прерываемые небольшими пещаными холмами, каждый годъ подмываемыми водой и постепенно обрушивающимися. Вся окрестность усѣяна безчисленными мѣлкими озерами; между ними тянутся низменныя болота, поросшія стелящимися кустарниками. Изрѣдка, на сухихъ мѣстахъ и возвышеніяхъ, попадаются небольшія деревья. Вся страна уныла, пустынна и не представляетъ никакого предмета, могущаго привлечь вниманіе путешественника. Проѣхавъ пять дней по сей обнаженной степи, наконецъ, 26-го Сентября, послѣ *семидесяти - дневнаго* отсутствія, прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

Къ сожалѣнію, наше путешествіе было неизобильно занимательными наблюденіями, отчасти по самому качеству края, а отчасти потому, что позднее время года и почти безпрерывная мятель отнимали у насъ возможность углубляться внутрь страны, не обѣщавшей впрочемъ много достопримѣчательнаго путешественнику. Прибавлю здѣсь еще нѣсколько словъ о жителяхъ сей части Сибири.

Большая часть народовъ, живущихъ нынѣ по берегамъ, Анюевъ прежде кочевала, обладая безчисленными стадами оленей. Послѣ покоренія Сибири и обложенія туземцовъ *ясакомъ*, или податью, они не смѣли уже скитаться произвольно по необозримымъ тундрахъ своей отчизны, и должны были кочевать на извѣстномъ пространствѣ, куда были приписаны. Слѣдствіемъ сего было постепенное истребленіе ихъ оленьихъ стадъ, отъ недостатка пищи въ кочевьяхъ, назначенныхъ каждому поколѣнію, и отъ того, что каждая зараза непремѣнно распространялась на всѣ стада, которыя не могли, какъ прежде, убѣгать въ отдаленныя тундры и тѣмъ спасаться повѣтрія. Такъ, мало по малу, истреблялись здѣшніе кочевые народы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и охота дѣлалась менѣе изобильна, потому что по мѣрѣ поселенія людей въ пустыняхъ, дичь тамъ исчезала и скрывалась въ лѣса.

Отъ безпрерывныхъ сношеній съ Рускими покоренные народы переняли у нихъ образъ жизни, одежды, устройства хижинъ, и наконецъ замѣнили оленей собаками *. Языкъ побѣдителей также постепенно получалъ преимущество и дѣлался общимъ. По крайней мѣрѣ, почти всѣ туземцы понимаютъ теперь нашъ языкъ и говорятъ

* Первый изъ народовъ, употребившій собакъ для перевоза тяжестей, были, безъ сомнѣнія, Камчадалы, отъ которыхъ заимствовали такое обыкновеніе Рускіе, потому, что всѣ другіе народы сѣверо-восточной Сибири въ прежнія времена ѣздили, какъ ѣздятъ донынѣ Чукчи, только на оленяхъ.

по Русски. Они сохранили только свойственную кочевымъ народамъ безпечность о будущемъ. Какъ предки ихъ, они не готовятъ себѣ никакихъ запасовъ, или весьма малые, совершенно несоразмѣрные съ продолжительностью зимы; здѣсь главная причина голода, ежегодно возобновляющагося. Сверхъ того, будучи подданными и союзниками Руских, туземцы сдѣлались непримиримыми врагами дикихъ сосѣдей, Чукчей и Коряковъ, непозволяющихъ имъ приближаться къ своимъ границамъ. Кровопролитныя войны и заразительныя болѣзни, какъ выше было мною замѣчено, истребили наконецъ значительную часть обитателей здѣшнихъ странъ, такъ, что нѣкоторые изъ народовъ, здѣсь бывшихъ, существуютъ только по названію. Единственно привязанность къ родной землѣ и совершенное притомъ, и у звѣролововъ замѣчательное, незнаніе края по ту сторону Колымы, препятствуютъ туземцамъ разселяться на западъ и удерживаютъ ихъ въ льдистой пустынѣ, гдѣ только оленья охота и рыбная ловля доставляютъ имъ самое скудное пропитаніе.

Говорятъ, что Чуванцы нѣсколько разъ просили уже позволенія переселиться на необитаемые, плодородные берега Анадыра и Пенжины, но Колымскіе Коммисары не соглашались на ихъ просьбу, опасаясь лишиться значительной прибыли отъ мѣховой торговли сего народа.

Незначительная часть Чуванцовъ и одинъ наслѣгъ Юкагировъ, князка Чайна, ведутъ еще ко-

чевую жизнь. Отъ своихъ осѣдлыхъ единоплеменниковъ отличаются они одеждою и языкомъ. Одежда ихъ совершенно сходна съ Чукотскою, а что касается до языка, то, по рѣдкости непосредственныхъ и продолжительныхъ сношеній съ Рускими, сохранили они въ большой чистотѣ свой природный языкъ. Число такихъ кочевыхъ жителей въ окрестностяхъ обоихъ Аніоевъ простирается до 400 человѣкъ. Всѣ они обложены ясакомъ и вносятъ его мѣхами и деньгами.

Осѣдлые съ давнихъ временъ на берегахъ Аніоевъ Тунгусы и Ламуты, лишась стадъ своихъ, занимаются только охотою и рыбною ловлею, и равномѣрно предоставлены голоду и бѣдности. Въ такомъ положеніи находятся и Якуты, переселенные сюда съ береговъ Алдана по распоряженію Правительства, для перевоза съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей въ Анадырскую крѣпость. Удалясь отъ своихъ соотечественниковъ, они сдѣлались совершенно Рускими и занимаются рыбною ловлею.

Въ новѣйшее время прибрежное народонаселеніе Аніоевъ увеличилось, но не въ слѣдствіе большаго благосостоянія туземцовъ, а отъ того, что нѣкоторыя поколѣнія, кочевавшія прежде по тундрѣ, лишились своихъ стадъ и принуждены были поселиться на берегахъ рѣкъ.

Всѣ сіи различные народы крещены, и однажды въ годъ, когда Нижне-Колымскій священникъ объѣзжаетъ селенія и деревни своего прихода, присутствуютъ при богослуженіи. Хо-

тя подобные объѣзды, по обширности страны и разсѣянному народонаселенію, сопряжены съ великими затрудненіями и неудобствами, однакожь священники всегда щедро за то награждаются своими прихожанами и возвращаются въ Нижне-Колымскъ, обыкновенно, съ нѣсколькими нартами, тяжело нагруженными множествомъ драгоцѣннѣйшихъ мѣховъ. Безъ сомнѣнія, введеніе христіанской религіи истребило здѣсь много пагубныхъ суевѣрій, но доселѣ, не смотря на всѣ усилія Правительства и священниковъ, шаманы сохранили однакожь значительное вліяніе между здѣшними народами, и принимаютъ всевозможныя мѣры поддержать увѣренность въ сверхъестественную силу и связь свою съ добрыми и злыми духами. Даже и нынѣ, не только прежніе язычники, но и природные Рускіе иногда прибѣгаютъ еще къ помощи шамановъ, для открытія воровства, или отклоненія какого нибудь предстоящаго несчастія. Впрочемъ, шаманство у большей части здѣшняго народа утратило свой прежній религіозный характеръ, и превратилось въ простое колдовство, такъ, что нынѣ нерѣдко отъ скуки, для препровожденія времени, призываютъ колдуна и просятъ его «немного пошаманить.»

Не смотря на сближеніе и почти совершенное сліяніе съ Рускими, туземцы сохранили однакожь нѣчто отличительное въ образованіи лица, внѣшнемъ видѣ, пріемахъ и вообще образѣ жизни.

Подобно всѣмъ обитателямъ полярныхъ сѣвер-

ныхъ странъ, они невысокаго роста, но широкоплечи и крѣпкаго тѣлосложенія. Голова ихъ противъ туловища слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоско и широко: большія щеки суживаютъ ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму. Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія. Суровость климата, голодъ и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному развитію физической природы человѣка, и такое вліяніе оказываетъ климатъ и на умственныя силы сѣверныхъ Сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло, и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель къ радости и печали, любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ, или лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, безпрерывной борьбѣ съ недостатками, голодомъ и стужею, и незамѣтно переходя отъ юношества къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оставляютъ потомъ жизнь, представлявшую имъ одни лишенія, безъ радостей и безъ наслажденій.

ГЛАВА IV.

—

Путевой журналъ штурмана Козьмина, въ 1821-мъ году, при описи береговъ Ледовитаго моря, между устьями рѣкъ Малой Чукочьей и Индигирки.

—

Порученную мнѣ опись части берега Ледовитаго моря надлежало начать съ деревни Малой Чукочьей. Іюля 2-го кончены были всѣ необходимыя приготовленія, и по утру, въ $11\frac{1}{2}$ часовъ, отправился я въ путь, при пасмурной погодѣ и $7\frac{1}{2}°$ тепла.

Рѣка *Малая Чукочья* вытекаетъ изъ озера сего имени, лежащаго въ 10-ти верстахъ къ WNW отъ ея устья и имѣющаго до 18-ти верстъ въ длину, отъ W къ O, а въ ширину около 8-ми верстъ. Оно соединяется протокомъ съ озеромъ Боковымъ, почти равной съ нимъ величины. Въ 8-ми верстахъ къ югу отъ восточной оконечности Боковаго лежитъ третье озеро, называемое *Нерпичьимъ*, по найденной на берегахъ его мертвой

*

нерпъ (тюленю). Оно, отъ W къ O, почти на 15 верстъ длины. Изъ западной оконечности его вытекаетъ рѣка *Убіенная*, а изъ юго-восточной *Походская* и обѣ впадаютъ въ Колыму. Всѣ сіи три рѣки изобилуютъ рыбою, и потому весьма важны для жителей Колымскаго округа.

Отъ устья Малой Чукочьей берегъ къ западу весьма низменъ, почти равенъ съ водою и усѣянъ безчисленными, разной величины озерами. Здѣсь всегда лежитъ множество наноснаго лѣса. Лошади наши, не привыкшія безпрестанно переступать и скакать черезъ бревна и кучи лѣса, на каждомъ шагу спотыкались, и наконецъ сдѣлались до такой степени пугливы, что мы едва могли управлять ими. Лодки наши сильно повредились, а вьючныя лошади вырвались, сбросили поклажу и убѣжали на тундру, гдѣ мы съ трудомъ поймали ихъ.

Такимъ образомъ проѣхали мы 36 верстъ до рѣки Убіенной и остановились на ночлегъ въ балаганѣ, построенномъ Колымскими жителями, посѣщающими сіи мѣста для рыбной ловли.

По утру 3-го Іюля сильный вѣтеръ нагналъ густой туманъ; вечеромъ шелъ снѣгъ, при $1\frac{1}{2}^\circ$ холода; въ полдень термометръ показывалъ столько же градусовъ тепла. Слѣдуя по теченію Убіенной къ NO, въ $12\frac{1}{2}$ верстахъ отъ нашего ночлега достигли мы устья сей рѣки, образующей здѣсь небольшой заливъ, называемый жителями *Убіенная лайда*. Сильный вѣтеръ не позволилъ

намъ переправиться въ лодкахъ на противолежащій берегъ, и мы принуждены были слѣдовать изгибомъ залива до устья рѣки *Конковой,* гдѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ.

Послѣдняя часть сегодпишняго пути была чрезвычайно затруднительна. Сильный NO вѣтеръ подпималъ на морѣ большія волны и онѣ набѣгали на низменный берегъ, такъ что лошади нерѣдко шли по грудь въ водѣ. На небольшомъ возвышеніи нашли мы два шпангоута, повидимому, довольно значительнаго судна, скрѣпленные деревянными нагелями; уцѣлѣвшіе два желѣзные гвозди заставляли предполагать, что ими была прикрѣплена внѣшняя обшивка судна. На WtN, въ разстояніи 13 верстъ, видны были Тунгускія юрты.

Ночью на 4-е Іюля вѣтеръ перешелъ къ сѣверу. Густой туманъ, то разстилался по землѣ, то снова подпимался. Поутру термометръ показывалъ 1° тепла, но мы весьма зябли, потому что платья наши были совершенно мокры, а при сильномъ вѣтрѣ и влажномъ воздухѣ не было возможности развести огня. На разсвѣтѣ увидѣли мы, что вся окрестность и наши вещи и платья были покрыты тонкою, бѣлою, окристаллизованною корою солоноватаго вкуса. Лошади стояли на своемъ мѣстѣ и жевали траву, которая также была покрыта подобною корою. Въ послѣдствіи замѣтилъ я, что сѣверные и сѣверо-западные вѣтры всегда покрываютъ землю такими кристал-

лами. Рѣчка Конковая при устьѣ около полу-версты шириною. Сильный вѣтеръ препятствовалъ переправить здѣсь лошадей, а потому поднялись мы 9-ть верстъ выше по рѣкѣ, гдѣ она не шире 70 саженей, и тамъ счастливо переправились на другой берегъ. Приближась снова къ устью рѣки, переѣзжали мы черезъ не глубокое озеро, когда вдругъ лошадь моего казака чего-то испугалась, поднялась на дыбы и сбросила въ воду сѣдока и вьюки, гдѣ заключались мой журналъ, чай и порохъ. Пока мы вытащили вьюки, чай и порохъ были уже совсѣмъ мокры и испорчены. Потеря пороху была тѣмъ чувствительнѣе для насъ, что мы находились, такъ сказать, въ отечествѣ медвѣдей, и ежечасно могли ожидать встрѣчи съ ними, а единственными оружіями нашими оставались теперь лукъ у Якута, топоръ и два ножа.

Проводники ловили разбѣжавшихся лошадей, а я поѣхалъ къ Тунгускимъ юртамъ, видѣннымъ нами вчера. Селеніе расположено было на нѣсколькихъ низменныхъ холмахъ (*едомахъ*), и состояло изъ 13-ти юртъ, выстроенныхъ изъ бревенъ, шестовъ и древесной коры. Въ немъ нашелъ я около 30-ти Тунгусовъ и Юкагировъ, съ ихъ старшинами. Сюда приходятъ они въ началѣ лѣта, т. е., въ Іюнѣ мѣсяцѣ, на рыбную ловлю и охоту оленей и перелетныхъ птицъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ перекочевываютъ отсюда на берега моря, для добычи песцовъ и мамонтовыхъ костей, а съ наступленіемъ морозовъ удаляются

въ свои лѣса и занимаются тамъ ловлею пушныхъ звѣрей. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Тунгусы и Юкагиры собираются въ селеніе Четырехъ, на рѣкѣ Алазеѣ, приносятъ туда ясакъ и запасаются табакомъ, порохомъ и другими потребностями. Остальное время года кочуютъ они между Колымою и Индигиркою.

Жители и старшины селенія, принимая меня за одного изъ купцовъ, пріѣзжающихъ иногда сюда изъ Колымска, для мѣны пушныхъ товаровъ на табакъ и водку, вышли ко мнѣ на встрѣчу. Я объявилъ имъ, что я не купецъ, а проѣзжающій тойонъ, что нисколько не перемѣнило ихъ дружескаго пріема. Они пригласили меня и проводниковъ въ свои хижины и радушно угощали насъ всѣмъ, что только у нихъ было лучшаго. Я одарилъ ихъ табакомъ и чаемъ, и вымѣнялъ себѣ двѣ новыя лодки, потому что наши совершенно изломались.

Докторъ Киберъ, въ своемъ путешествіи имѣлъ случай коротко познакомиться съ симъ народомъ и описалъ образъ его жизни, нравы и обычаи, потому и нахожу излишнимъ помѣщать здѣсь мои замѣчанія. По моему мнѣнію, кочующіе Тунгусы и Юкагиры самый счастливѣйшій народъ въ Сибири. Образъ кочевой жизни не привязываетъ ихъ ни къ чему; они переходятъ съ мѣста на мѣсто со всѣмъ своимъ достояніемъ и незнакомы съ горестнымъ чувствомъ разлуки съ родиною. О будущемъ они не заботятся и наслаждаются

настоящимъ, а въ величайшихъ бѣдствіяхъ не унываютъ, надѣясь на Провидѣніе, или на то, что авось все будетъ лучше. Любимая ихъ пословица: «чему быть, того не миновать».

Врожденная Якутамъ страсть къ спорамъ, Тунгусамъ вовсе неизвѣстна. Они отличаются рѣдкими въ дикаряхъ чувствами преданности къ родственникамъ и друзьямъ и удивительною чистотою нравовъ. Замѣчательно наказаніе Тунгускихъ дѣвушекъ, до замужества начинающихъ шалости любовныя: ихъ подводятъ къ дереву и сѣкутъ до тѣхъ поръ, пока не обломаютъ всѣ съ него сучья. Къ счастію, деревья здѣсь невысоки и малосучны.

Рядъ холмовъ, гдѣ расположены Тунгускія хижины, постепенно возвышаясь, образуетъ на восточномъ берегу Большой Чукочьей рѣки значительную горную гряду. Страна сія весьма низменна и прорѣзана множествомъ озеръ; самое значительное изъ лежащихъ къ сѣверу и изобильное рыбою то, изъ коего вытекаетъ рѣка *Маврина*, а къ югу отъ холмовъ озеро *Островное*, образующее рѣку *Якутскую*. Здѣсь, двѣ версты южнѣе Тунгускихъ хижинъ, построенъ лѣтній балаганъ Колымскихъ жителей.

Западный скатъ холмовъ всегда покрытъ наноснымъ лѣсомъ, между которымъ Тунгусы нашли и показывали мнѣ обломки корабля и доски съ желѣзными гвоздями.

Въ полдень 5-го Іюля оставили мы гостепріимное селеніе и отправились далѣе. Пробираясь

между множествомъ мѣлкихъ озеръ, мы достигли морскаго берега, и здѣсь, проѣхавъ 26-ть верстъ, расположились ночлегомъ, подъ 70° 00′ широты и 159° 41′ долготы. Море въ двухъ верстахъ отъ берега было покрыто льдомъ и высокими торосами. Сильный вѣтеръ нагонялъ льдины на берегъ; онѣ сшибались и ломались съ оглушительнымъ трескомъ.

Іюля 6-го густой туманъ покрывалъ всю окрестность и только къ полудню продолжительный NO вѣтеръ очистилъ нѣсколько атмосферу. Термометръ показывалъ $1^1/_4$° тепла.

Слѣдуя направленію низменнаго берега, достигли мы *Чукочьяго мыса* и здѣсь переночевали, въ балаганѣ, на берегу Большой Чукочьей рѣки. Отсюда берегъ на протяженіи 10 верстъ низменный, но далѣе становится крутъ и образуетъ Чукочій мысъ, лежащій подъ 70° 01′ широты и 159° 48′ долготы восточн. отъ Гринвича. Онъ состоитъ изъ сѣроватой глинистой земли и со стороны моря образуетъ два уступа; высота его до 75 футовъ надъ поверхностью моря. Скатъ возвышенія его обставленъ обломками, вѣроятно, оторгнутыми какими нибудь переворотами отъ вершины и имѣющими видъ правильныхъ конусовъ, до 20-ти и 25-ти футовъ вышины.

На вершинѣ мыса нашли мы небольшое озеро, покрытое такимъ толстымъ льдомъ, что лошади безопасно переходили черезъ него.

Отсюда осмотрѣлъ я море. Между O и N покрывалось оно неподвижнымъ льдомъ и торосами,

а отъ О на S носились на немъ огромныя льдины. Въ направленіи SW 35° берегъ былъ низменный, а на NO 8° замѣтилъ я возвышеніе, казавшееся отдѣльнымъ отъ берега. Въ послѣдствіи открылось, что то былъ *Крестовый островъ*, самый южный изъ купы Медвѣжьихъ острововъ.

На всемъ протяженіи отъ Малой Чукочьей рѣки до мыса сего имени морской берегъ низменъ и изрѣзанъ множествомъ болотъ и озеръ. Чукочья губа, куда впадаетъ рѣка, здѣсь до 5-ти верстъ ширины; западный берегъ ея едва возвышается надъ поверхностью моря.

Снимая берега губы, послалъ я казака на лодкѣ измѣрить ея глубину. Онъ возвратился съ извѣстіемъ, что черезъ устье можно переправиться на лошадяхъ, но передовая, пройдя нѣсколько шаговъ въ водѣ, внезапно по самую шею завязла въ наносномъ илѣ, такъ что до поздней ночи напрягали мы всѣ усилія освободить ее.

Увѣрясь въ невозможности переправы, мы расположились здѣсь ночлегомъ и бросили въ воду неводъ. Опытъ ловли не удался намъ и на другой день вытащили мы неводомъ только одного чира.

Не найдя брода, поѣхали мы вверхъ по Чукочьей и въ 9-ти верстахъ отъ ея устья счастливо переправились на другую сторону. Она впадаетъ въ море по направленію NO 70°, глубока и между невысокими берегами течетъ весьма быстро. Съ холмовъ, на восточномъ берегу ея лежащихъ, принимаетъ она нѣсколько небольшихъ

ручьевъ, составляя на сѣверъ предѣлъ, до котораго доходятъ жители Нижне-Колымска.

Съ западной оконечности Чукочьей губы пеленговалъ я мысъ сего имени на SO 90°, а вершину Крестоваго острова на NO 15°.

Іюля 8-го, слѣдуя по берегу, мы достигли Крестоваго мыса, лежащаго подъ 70° 17′ широты и 159° 55′ долготы. Онъ состоитъ, такъ же, какъ и Чукочій мысъ, изъ сѣроватой глины, и возвышается на 65-ть футовъ надъ поверхностью моря. Отсюда берегъ изгибается на западъ. Съ вершины мыса запеленгованъ мною снова Крестовый островъ на NO 5°. Море было покрыто неподвижнымъ льдомъ; вдали показывались огромные торосы.

Въ 6-ти верстахъ отсюда, къ NW, большое озеро, длиною 7-мь, а шириною отъ 5-ти до 6-ти верстъ; оно отдѣляется отъ моря довольно длиннымъ перешейкомъ, шириною въ 200 саженъ, который, хотя не слишкомъ высокъ, но холмистъ и съ моря походитъ на гряду небольшихъ конусообразныхъ бугровъ. Восточная часть его состоитъ изъ сѣроватой глины, а западная изъ чернозема; въ 13-ти верстахъ отъ озера впадаетъ въ море неширокая, но глубокая рѣка, которую назвалъ я, въ честь сегодняшняго святаго, рѣкою *св. Прокопія.*

Въ 7-ми верстахъ отъ нашего ночлега, на прибрежномъ льду, лежали зерна, весьма похожія на рожь; въ послѣдствіи узналъ я, что то были разнесенныя вѣтромъ сѣмяна травы *ковыль*

(stipa pennata), растущей по всему здѣшнему берегу.

Іюля 9-го удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, опредѣливъ положеніе нашего ночлега при устьѣ рѣки Прокопія подъ 70° 27′ 44″ широты и 159° 43′ долготы. Крестовый островъ лежитъ отсюда на NO 20°. Мы продолжали путь по низменному берегу къ NW и въ 4½ верстахъ отъ ночлега переправились черезъ устье рѣки *Агаѳона*. Кромѣ того перешли мы сегодня черезъ семь высохшихъ ручьевъ. На всемъ берегу было много наноснаго лѣса, а также нѣсколько обломковъ мореходнаго судна, съ желѣзными болтами и гвоздями.

Іюля 10 отправились мы въ 8-мь часовъ утра, при 7¾° тепла, и послѣ 6-ти верстъ пути достигли *Крестоваго* мыса. Онъ состоитъ изъ чернозема и возвышается на 35 футовъ надъ поверхностью моря, составляя сѣверную оконечность цѣпи невысокихъ холмовъ, простирающихся на западъ. Въ 5½ верстахъ отсюда остановились мы на ночлегъ, при устьѣ рѣки Крестовой (отъ 70 до 80 саж. ширины). На восточномъ берегу ея построенъ балаганъ, и кромѣ того сохранились здѣсь двѣ развалившіяся юрты и два креста, по видимому, весьма давно поставленные. Отъ нихъ рѣка и мысъ получили свои названія. По полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ я ихъ подъ 70° 43′ 33″ широты и 159° 15′ счислимой долготы восточн. отъ Гринвича. Сѣверная оконечность Крестоваго острова отсюда была на NO 39°

00′; высокій холмъ въ срединѣ острова на NO 62° 00′; южная оконечность на NO 66° 30′, а Крестовый мысъ на SO 61° 00′. Подъ вечеръ небо совершенно очистилось, и я снова пеленговалъ средину Крестоваго острова на NO 58° 00′.

На берегахъ Крестовой рѣки находится нѣсколько озеръ, на коихъ гнѣздилось множество дикихъ гусей. Одна стая ихъ, расположенная недалеко отъ насъ, подняла ночью сильный крикъ. Вдали показался черный медвѣдь и гуси бѣжали отъ него къ намъ; лошади также приблизились къ стану. Мы вооружились, чѣмъ могли, и приготовились встрѣтить непріятеля, но онъ не показывался, и вѣроятно, испугавшись лая нашей собаки, убѣжалъ въ тундру. Здѣсь удалось намъ палками убить нѣсколькихъ гусей.

Іюля 11-го поутру густой туманъ застилалъ всю окрестность, такъ что въ нѣсколькихъ саженяхъ нельзя было различать предметовъ. Желая опредѣлить широту мѣста и положеніе Медвѣжьихъ острововъ, я рѣшился остаться сегодня здѣсь, въ ожиданіи ясной погоды, а съ тѣмъ вмѣстѣ желая дать отдыхъ утомленнымъ лошадямъ. Но на другой день туманъ все еще продолжался, а сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ съ моря густыя тучи, такъ что можно было скорѣе ожидать снѣгу, нежели ясной погоды, что заставило меня, не теряя времени, продолжать путь. Мы отправились 12-го числа около полудня, при $2^3/_4°$ тепла. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега переправились мы черезъ рѣчку *Балга-*

чову и переночевали въ 14-ти верстахъ, при устьѣ рѣчки *Куродагины;* она шириною только 10 саженъ, но довольно глубока. Дорога отъ устья Крестовой до Куродагины была чрезвычайно тягостна для лошадей; волны, набѣгая далеко на плоскій берегъ, размачиваютъ грунтъ, состоящій изъ песку и глины.

13-го числа удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, которая опредѣлила положеніе нашего ночлега подъ 70° 53′ 37″ широты. Изъ десяти разстояній луны отъ солнца получилъ я 158° 55′ 36″ долготы. По полудни отправились мы далѣе, слѣдуя по низменному берегу, и въ тотъ день проѣхали вообще 28 верстъ.

Рѣка Куродагина отъ 1-й до $1^1/_2$ верстъ въ ширину и при устьѣ раздѣляется на три рукава, изъ коихъ два почти высохли. На восточномъ берегу ея, около 4-хъ верстъ отъ устья, находится хорошо сохранившійся балаганъ. На западной сторонѣ, въ 10-ти верстахъ отъ рѣки и 3-хъ и 7-ми верстахъ отъ морскаго берега, тянется на NW довольно высокая цѣпь холмовъ, доходящая до рѣки Куропаточной. Берегъ, едва подымающійся надъ поверхностью воды, состоитъ изъ твердой, сѣроватой глинистой земли; на немъ изрѣдка показывалась тощая трава и все пространство было покрыто слоями соляныхъ частицъ и ракушками. Въ окрестности лежало множество перьевъ линявшихъ здѣсь гусей. Наноснаго лѣса встрѣчалось мало, и то былъ весьма старый, разсыпавшійся отъ удара копытъ. Въ пѣ-

которыхъ изъ здѣшнихъ озеръ вода была почти совершенно черна, вѣроятно, отъ сгнившихъ въ ней деревъ.

Іюля 13-го расположились мы почлегомъ недалеко отъ довольно высокой горы, которую назвалъ я *Сѣвернымъ Парнассомъ.* Съ вершины ея осматривалъ я море. Въ 6-ти верстахъ отъ насъ, параллельно съ берегомъ, стояли стѣною высокіе торосы; за ними носились плавающія льдины. На торосахъ лежало много наноснаго лѣса, и отъ напора льдовъ на отмѣли онъ, то подымался вертикально, то снова падалъ, что придавало странную жизнь картинѣ. Намъ удалось убить здѣсь четырехъ гусей и двухъ нѣмковъ.

Іюля 14-го погода была ясная; термометръ въ полдень показывалъ $9^1/_2{}^\circ$ тепла. Я воспользовался благопріятнымъ временемъ и постарался высушить часть моего пороха; онъ намъ былъ теперь особенно нуженъ, потому что провіантъ нашъ былъ на исходѣ, а далѣе не было надежды встрѣчать линявшихъ гусей, которыхъ можно бить палками. По полуденной высотѣ солнца мы были подъ 71° 00′ 56″ широты и 158° 10′ вост. долготы; склоненіе магнитной стрѣлки оказывалось 10° 00′ восточное.

По полудни переправились мы черезъ пять незначительныхъ ручьевъ и проѣхали вообще 28 верстъ на W. Здѣсь былъ намъ случай испытать нашъ высушенный порохъ; мы застрѣлили нѣсколько гусей. Ночевали почти прямо на W отъ Сѣвернаго Парнасса.

На другой день отправились мы въ путь при $15^1/_2°$ тепла и достигли рѣки *Большой Куропаточной*; устье ея шириною до 2-хъ верстъ, но такъ мѣлко, что мы переправились черезъ него въ бродъ. Сегодня проѣхали мы всего 31 версту.

Цѣпь холмовъ, идущая параллельно съ берегомъ, получаетъ отъ Сѣвернаго Парнасса SW направленіе и поворачивается отъ устья Большой Куропаточной на SO 23°. Здѣсь начинается, такъ называемый, *Куропаточій яръ*, т. е. отвѣсный высокій берегъ. Онъ состоитъ изъ слоевъ никогда не тающаго льда, смѣшаннаго съ черноземомъ и глиною, и въ немъ попадаются длинные, тонкіе древесные коренья, а въ мѣстахъ, гдѣ волны подмываютъ берегъ, показываются иногда мамонтовыя кости.

Іюля 16-го, по полуденной обсерваціи, широта ночлега оказалась 71° 04′ 20″. Термометръ показывалъ $18^1/_2°$ тепла. Мы проѣхали 17 верстъ по берегу и достигли устья *Малой Куропаточной*, которая тутъ шириною около 2-хъ верстъ и течетъ между двумя рядами холмовъ, подмывая восточный; западный находится въ 4-хъ верстахъ отъ берега. Вѣроятно, нѣкогда все сіе пространство составляло дно рѣки. На западной сторонѣ устья находится балаганъ, но мы не остановились здѣсь на ночлегъ, и проѣхали еще 13-ть верстъ далѣе. Отъ устья Малой Куропаточной сначала берегъ низменный, но вскорѣ снова начинается крутой яръ, вышиною отъ 30 до 35 футовъ; онъ одного образованія съ предыдущимъ.

Здѣсь вырылъ я нѣсколько кореньевъ, большею частью березовыхъ, которые были такъ еще свѣжи, какъ будто только что срубленные съ дерева, хотя ближайшій отсюда лѣсъ находится, по крайней мѣрѣ, въ 100 верстахъ. Узкая низменность между яромъ и моремъ состоитъ изъ мѣлкаго бѣлаго песку и покрыта полуистлѣвшими мамонтовыми костями. Здѣсь не встрѣтили мы наноснаго лѣса, хотя песчаные слои показывали, что берегъ часто покрывается водою.

Іюля 17-го находились мы подъ 70° 56′ 48″ широты и 155° 31′ счислимой долготы. Термометръ показывалъ $16^1/_2$° тепла. Столь теплая погода, въ продолженіе трехъ дней, заставила бы насъ забыть, что мы находились подъ 70° сѣверн. широты, еслибы намъ не напоминали того вѣчно замерзшая земля и необозримыя ледяныя пространства моря. Три дня тому кутались мы въ зимнія шубы, а теперь легчайшая одежда была уже намъ въ тягость. Солнце въ теченіе 72-хъ часовъ не сходило съ безоблачнаго небосклона. Испаренія Ледовитаго моря, усиливая преломленіе солнечныхъ лучей, безпрестанно измѣняли положеніе и окраенность свѣтила: оно, то уменьшалось, то принимало эллиптическую форму, или, по видимому, скрывалось за горизонтъ и вдругъ снова поднималось въ полномъ блескѣ. Такое странное и великолѣпное явленіе продолжалось цѣлый день, и не смотря на нестерпимую боль въ глазахъ, отъ яркаго свѣта и сильной рефракціи, я немогъ налюбоваться волшебною картиною. Ночью на 17-е

число, когда солнце стояло на полуночном меридіанѣ, измѣрил я секстаном горизонтальный и вертикальный поперечники; первый был 37′ 15″, а второй 28′ 20″.

Іюля 18-го показались на горизонтѣ небольшія облачки, но над нами небо было ясно. Поднявшійся к вечеру сильный сѣверный вѣтер нанес густыя тучи и принудил нас снова закутаться в шубы. Плоскій берег изрѣзан здѣсь мѣлкими озерами и покрыт наносным лѣсом. На разстояніи $19^1/_2$ верст, которыя сегодня мы проѣхали, впадают в море четыре рѣки. Первая и значительнѣйшая из них называется *Большая Конечная.* Двѣ версты от нея *Малая Конечная.* Еще четыре версты далѣе течет рѣка, названія которой проводники мои не знали, и наконец, четвертая, *Шкулева,* гдѣ мы расположились ночлегом. Всѣ сіи рѣки извиваются в крутых берегах, прорѣзывая цѣпь невысоких холмов. На берегах Большой и Малой Конечных выстроены балаганы.

Вьючныя лошади наши были так измучены, что мы разложили часть поклажи их на других, а проводники мои пошли пѣшком.

Іюля 19-го сѣверный вѣтер скрѣпчал; все утро шел дождь, а к полудню, не смотря на 11° тепла, выпал порядочный снѣг. Послѣ полудня проѣхали мы 9-ть верст по берегу, переправились через довольно широкую рѣчку, и проѣхав еще $3^1/_2$ версты, достигли *Лагачкина,* восточнаго протока рѣки Алазеи. Глубокій и бы-

стрый протокъ сей течетъ большими излучинами въ крутыхъ берегахъ, и неподалеку отъ устья раздвояется и образуетъ островъ, который отъ W къ O имѣетъ до 2-хъ верстъ протяженія. Мы переправились черезъ рѣку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она до 150 саженъ ширины, проѣхали $3^1/_2$ версты далѣе, и снова переправясь черезъ другой рукавъ Алазеи, такъ называемый *Большой Алазейскій протокъ*, расположились потомъ недалеко отъ берега на ночлегъ.

Алазея самая значительная рѣка изъ впадающихъ въ море между Колымою и Индигиркою. Она вытекаетъ подъ 67° широты, изъ Алазейскихъ горъ, принимаетъ въ себя множество побочныхъ рѣкъ съ горъ и изъ озеръ, довольно глубока, и образуя въ теченіе своемъ крутые изгибы, впадаетъ въ море пятью рукавами; два восточные протока, черезъ которые мы переправлялись, самые важнѣйшіе, а остальные три маловодны и нерѣдко совершенно высыхаютъ.

Рукава Большой Алазейскій и Лагачкинъ образуютъ островъ, въ NNW направленіи имѣющій до 12-ти верстъ протяженія. Лагачкинъ рукавъ течетъ при устьѣ, между низменными берегами, чрезвычайно быстро; отъ западной оконечности берега идетъ здѣсь въ море длинная песчаная коса. Тутъ, къ великой радости моей, нашелъ я моихъ проводниковъ, Якутскаго старшину Сазонова, съ 6-ю свѣжими лошадьми для смѣны. Онъ пріѣхалъ сюда по прежде заключенному условію изъ ближайшихъ Якутскихъ селеній (въ раз-

*

стоянія 150 верстъ) и ожидалъ меня уже пять дней.

Слабый ONO вѣтеръ снова очистилъ атмосферу и 20-го Іюля термометръ возвысился до 11°. Послѣ долгаго времени одиночества, общество наше увеличилось и я рѣшился провести здѣсь цѣлый день. Мы забросили сѣть и поймали 6-ть большихъ нельмъ и до 20-ти чировъ, чѣмъ и угостили нашихъ новыхъ знакомцовъ, а они съ своей стороны помогли намъ починить лошадиную сбрую и исправить почти развалившіяся лодки.

На другой день, въ 4 часа по полудни, отправились мы далѣе, на свѣжихъ лошадяхъ. Десять разстояній луны отъ солнца опредѣлили долготу нашего ночлега въ 153° 43′ 10½″ и убѣдили меня въ вѣрности моего счисленія. Склоненіе магнитной стрѣлки было 10° 00′ восточное. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега, переправясь еще черезъ одинъ рукавъ Алазеи, мы достигли *Малаго Алазейскаго протока* и переѣхали черезъ него въ бродъ. Здѣсь остановились ночевать. Низменный берегъ покрытъ былъ тощею, рѣдкою травою и множествомъ наноснаго лѣса.

Іюля 22-го сильный восточный вѣтеръ покрылъ небо тучами, перешелъ къ вечеру на сѣверъ и нагналъ густой туманъ. Въ полдень термометръ показывалъ 9½° тепла. Мы находились подъ 70° 48′ 46″ широты и 152° 59′ 44″ долготы, опредѣленной 10-тью разстояніями луны отъ солнца. Слѣдуя направленію берега, переправились мы,

въ 6-ти верстахъ отъ ночлега, черезъ рѣчку *Булгину*. Проѣхавъ еще $11^1/_2$ верстъ, переправились опять черезъ небольшую рѣчку, которая въ двухъ верстахъ отъ устья рѣчки *Блудной*. Она течетъ чрезвычайно быстро, между крутыми берегами, и ширина ея до 80 саженъ.

Сильный вѣтеръ не позволилъ намъ переправиться черезъ устье на маленькихъ лодкахъ и принудилъ подвинуться по отмѣли на N до $5^1/_2$ верстъ отъ устья. Здѣсь переѣхали мы черезъ оба рукава по льду, и въ 8-ми верстахъ отсюда остановились ночевать при устьѣ рѣки *Вшивой*, подъ 70° 55′ счислимой широты и 152° 15′ долготы.

Вшивая рѣка довольно глубока, течетъ между уступистыми берегами и шириною при устьѣ до 80-ти саженъ. Юкагиры называютъ ее *Пилою*, потому что быстрымъ теченіемъ подмываетъ она берега и увлекаетъ съ собою землю, открывая такимъ образомъ въ нижнихъ слояхъ множество мамонтовыхъ костей. На восточномъ берегу находятся балаганъ, юрта и большой деревянный крестъ, по словамъ жителей береговъ Индигирки, выброшенный сюда моремъ, вмѣстѣ съ наноснымъ лѣсомъ. На немъ была нѣкогда вырѣзана надпись, но я едва могъ разобрать нѣсколько буквъ, безъ всякой связи.

Іюля 23-го проѣхали мы по низменному берегу 26 верстъ и переночевали у рѣчки *Делоковой*. Мы расположились на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Ночью сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ воду на берегъ и принудилъ насъ искать друга-

го убѣжища, но и туда начали достигать волны, такъ, что съ трудомъ переправились мы на близлежащій холмъ. На другое утро, съ перемѣною вѣтра, вода сбыла, и мы продолжали путь по низменному берегу. Въ 5-ти верстахъ отсюда достигли мы *Колымскаго протока*, восточнаго рукава Индигирки. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ охладилъ температуру и въ полдень было только $^1/_2{}^\circ$ тепла.

Колымскій протокъ шириною до 3-хъ верстъ и отдѣляетъ отъ твердой земли *Колесовскій островъ,* сѣверная часть котораго была покрыта туманомъ. Вдоль восточнаго берега проѣхали мы 6-ть верстъ, переправились чрезъ рѣку *Пропадшую* и въ $5^1/_2$ верстахъ отъ нея остановились подлѣ устья *Блудной.* Мѣсто ночлега было подъ 71° 00′ счислимой широты и 151° 10′ долготы.

Рѣка Блудная течетъ на NW въ Колымскій протокъ; при впаденіи раздѣляется она на два рукава: *Малую* и *Большую Блудную*. Здѣсь нашли мы нѣсколько семействъ прибрежныхъ Индигирскихъ жителей; ихъ привлекли сюда рыбная ловля и хорошія пастбища. У нихъ оставилъ я, подъ надзоромъ Якута, моихъ лошадей, а самъ, съ казакомъ и однимъ изъ туземцовъ, отправился на лодкѣ въ селеніе *Едомку*, лежащее въ 60 верстахъ отсюда. Такъ называемое здѣсь *лѣто*, кажется, уже кончилось: 25-го и 26-го Іюля шелъ снѣгъ съ градомъ, и въ послѣдніе дни мѣсяца термометръ, подъ вечеръ, показывалъ 1° холода.

Медленно подвигались мы противъ теченія рѣ-

ки, не смотря на то, что четыре собаки тянули лодку бичевою и проводники гребли, а гдѣ позволяли изгибы рѣки, ставили мы парусъ изъ оленьей шкуры. Послѣ 16-ти часовъ пути, мы достигли деревни Едомки, лежащей подъ 70° 56′ 30″ широты и 151° 06′ долготы, при впаденіи *Петровой* въ Колымскій протокъ. Селеніе состоитъ изъ трехъ юртъ и одной избы. Онѣ были пусты; всѣ жители занимались рыбною ловлею и охотою. Приближеніе зимы было уже здѣсь замѣтно. Снѣгъ, на полъ-фута глубиною, покрывалъ всю окрестность. Холодный, рѣзкій сѣверный вѣтеръ принудилъ насъ остановиться. Вечеромъ пріѣхалъ Индигирскій мѣщанинъ Кочевщиковъ, надѣясь запастись Черкескимъ табакомъ; здѣшніе жители вымѣниваютъ его иногда за мягкую рухлядь и рыбу у проѣзжающихъ Русскихъ купцовъ. Прибытіе этого, по крайней мѣрѣ 80-ти лѣтняго, но добраго и разговорчиваго старика, произвело пріятную перемѣну въ нашемъ обществѣ. Я одарилъ его табакомъ и мы довольно весело провели вечеръ. Зная хорошо всѣ побочныя рѣки и протоки Индигирки, онъ обѣщалъ намъ сопутствовать до *Русскаго устья*. Мы отправились на другой день вмѣстѣ. Дорогою разсказалъ мнѣ Кочевщиковъ исторію своей жизни, довольно замѣчательной.

Онъ родился въ Киренскѣ. На 15-мъ году жизни взялъ его братъ съ собою въ путешествіе внизъ по рѣкѣ Ленѣ. Въ прежнія времена здѣшніе жители, непривязанные ничѣмъ къ своей ро-

динѣ, скудно надѣленной потребностями жизни и не имѣвшей для нихъ ничего привлекательнаго, часто предпринимали цѣлыми обществами подобныя поѣздки, безъ всякой опредѣленной цѣли. Вмѣстѣ съ Кочевщиковыми поѣхали до 40 человѣкъ мужчинъ и дѣтей. Они отправились подъ начальствомъ Киренскаго мѣщанина Аѳанасья, на кочѣ, внизъ по Ленѣ, въ надеждѣ найдти изобильнѣйшія страны. Двѣ зимы провели они въ безлюдной тундрѣ, скудно питаясь рыбою, но собрали множество мамонтовыхъ костей. На вторую зиму многіе изъ ихъ сопутниковъ умерли; въ томъ числѣ былъ и мѣщанинъ Афанасій. Тогда старшій Кочевщиковъ, какъ опытнѣйшій водоходъ, принялъ начальство надъ остальными. Они достигли Ледовитаго моря и долго носились по волнамъ его, борясь съ безчисленными недостатками и опасностями, и сами не зная, гдѣ находились. Наконецъ при устьѣ рѣки Индигирки потерпѣли они кораблекрушеніе. Здѣсь братья разлучились съ своими товарищами, собрали немногія уцѣлѣвшія вещи и пошли внутрь страны. На берегу рѣки, изобильной рыбою, построили они хижину и провели тамъ зиму. Хотя жилище ихъ лежало только въ 15-ти верстахъ отъ селенія Едомки, но съ жителями они не видались, потому что прежде много наслышались о хищности и разбояхъ туземцовъ. На слѣдующее лѣто увидѣли они двухъ человѣкъ и рѣшились убить ихъ, но прежде нежели братья исполнили свое намѣреніе, объяснилось, что пришельцы бы-

ли также Русскіе искатели счастія. Братья угостили своихъ гостей и они уговорили ихъ предпринять въ четверомъ путешествіе на кочѣ вверхъ по Индигиркѣ. Братья согласились, но на третью ночь тайно покинули судно и убѣжали въ свою хижину.

На мой вопросъ: «почему они такъ поступили, когда настоящее существованіе ихъ не представляло имъ ничего привлекательнаго, а въ путешествіи они могли надѣяться достигнуть своей родины?» старикъ отвѣчалъ мнѣ, что въ тѣ времена, если товарищи на одной кочѣ раздѣлялись на двѣ партіи, существовало обыкновеніе при первой добычѣ выходить на берегъ и рѣшать оружіемъ, кому она должна принадлежать. Видя, что ихъ товарищи сильные и здоровые люди и не надѣясь съ ними справиться, Кочевщиковы рѣшились лучше возвратиться въ свою пустыню. Здѣсь провели они еще полтора года, и наконецъ на пятую зиму, преслѣдуя оленя, случайно приблизились къ селенію Русское Устье, состоявшему тогда изъ 6-ти юртъ. Въ немъ жили 15-ть человѣкъ Рускихъ. Кочевщиковы, которымъ кочевая жизнь надоѣла, также тутъ поселились. О товарищахъ перваго своего путешествія они ничего не слыхали.

Старикъ, казалось, былъ очень обрадованъ, что нашелъ человѣка, который еще въ первый разъ слышалъ его похожденія. Мы прибыли уже въ Станчикъ 27-го Іюля, а онъ все еще продолжалъ разсказывать. Небольшое селеніе Станчикъ

состоитъ собственно изъ избы, юрты, уроса и двухъ сараевъ, но тогда было оно особенно оживлено, потому что все народонаселеніе Едомки перебралось сюда на житье, со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ. Здѣсь волны выкидываютъ на берегъ множество наноснаго лѣса, а рѣчка *Лундушина*, впадающая при селеніи въ Колымскій протокъ, обилуетъ рыбою. Станчикъ лежитъ подъ 70° 51′ широты и 150° 12′ долготы.

На другое утро (28 Іюля), при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ и $3^1/_2$° тепла, отправились мы далѣе и достигли, послѣ 23-хъ часовъ ѣзды, *Русскаго Устья*, гдѣ старый Кочевщиковъ принялъ насъ съ истиннымъ гостепріимствомъ. Здѣсь рѣшился я прожить до половины Сентября, привести въ порядокъ мои замѣчанія и опись, и съ наступленіемъ зимы отправиться въ обратный путь ближайшею дорогою, черезъ тундру. Мнѣ отвели особый домъ, гдѣ расположился я довольно удобно. Когда погода позволяла, я предпринималъ поѣздки внутрь страны и занимался астрономическими наблюденіями. Между прочимъ, шестью полуденными высотами опредѣлилъ я положеніе мѣста въ 71° 00′ 19″ широты, а 78-мь разстояній луны отъ солнца, по 10-ти счисленіямъ, дали мнѣ 149° 30′ $53^1/_4$ долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣтствующимъ азимутамъ, было 10° 00′ восточное.

Небольшое селеніе Русское Устье состоитъ собственно только изъ четырехъ хижинъ, съ немногими, принадлежащими къ нимъ строеніями. Оно

на западномъ берегу западнаго рукава Индигирки, который называется *Русскимъ Устьемъ.*

Въ 2-хъ верстахъ отсюда другая деревенька, *Усть-Елонъ,* при рѣчкѣ сего имени, и состоитъ только изъ двухъ избъ и трехъ юртъ. Рѣчку въ верхнихъ частяхъ Якуты называютъ *Бюрюлахъ.*

Народонаселеніе трехъ селеній: *Едомки, Русскаго Устья* и *Елонскаго Устья,* простирается, по послѣдней ревизіи, до 108 человѣкъ мужчинъ. Они всѣ Руские и называются вообще *Индигирскими жителями.* Главные промыслы здѣсь рыбная ловля, охота и сборъ мамонтовыхъ костей. Рыба составляетъ почти единственную пищу туземцовъ. На берегахъ моря ловятъ они очень искусно песцовъ, и шкуры ихъ, такъ же, какъ мамонтовыя кости, мѣняютъ Нижне-Колымскимъ и другимъ купцамъ на разныя потребности жизни. Для избѣжанія споровъ при охотѣ, туземцы раздѣлили между собою всю страну: селенію Едомкѣ принадлежитъ пространство до устья Куродагиной, а Русскому Устью и Усть-Елонску земля между рѣками Яною и Кондратьевою. Говорятъ, что сіи границы строго наблюдаются при устройствѣ ловушекъ для песцовъ.

Лѣтомъ рыбною ловлею занимаются только женщины и дѣти. Мужчины расходятся по тундрѣ на оленью и гусиную охоту, и собираютъ мамонтовыя кости, составляющія одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ здѣшней торговли. Собранныя и вырытыя кости складываются вмѣстѣ; каждый хозяинъ замѣчаетъ свою кучку, и зимою на нар-

тахъ отвозитъ добычу домой. Не помнятъ примѣровъ, чтобы охотникъ завладѣлъ чужою кучею.

По словамъ здѣшнихъ жителей, гуси и лебеди во время линянья гораздо болѣе посѣщаютъ берега Индигирки, нежели Колымы, а напротивъ Колыма изобилуетъ болѣе вкусною рыбою. Озера въ окрестностяхъ Индигирки обильны, такъ называемою, *красною рыбою,* которой не должно однакожъ смѣшивать съ породами рыбъ, носящими такое названіе въ Россіи.

Индигирскіе жители гораздо трудолюбивѣе и промышленнѣе Колымцовъ, но несмотря на то Колымцы живутъ въ большемъ довольствѣ, что происходитъ отъ того, что селенія по берегамъ Колымы лежатъ, такъ сказать, на *большой дорогѣ* Якутскихъ купцовъ, закупающихъ мѣха, и потому жители Колымы всегда съ выгодою могутъ сбывать добычу своей охоты, продавая мѣха за чистыя деньги, или промѣнивая на разныя потребности жизни. Они не бываютъ принуждены уступать свои товары купцамъ за какую нибудь цѣну, и въ случаѣ слишкомъ невыгоднаго для нихъ торга, находя болѣе совмѣстничества между пріѣзжими, могутъ ожидать выгоднѣйшаго покупщика. Индигирка, напротивъ, течетъ въ сторонѣ, и возможность сбыта произведеній здѣшняго края ограничивается только малымъ числомъ торгашей изъ Якутска и Колымска, предпринимающихъ отдаленное и трудное путешествіе единственно въ надеждѣ на значительную только выгоду. Бѣдные жители Индигирской пустыни принуждены

продавать свои товары монополистамъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, или лишаться средствъ пріобрѣсть себѣ самыя необходимыя потребности, какъ-то: одежду, невода, и проч. Потому, имѣя большіе склады драгоцѣнныхъ мѣховъ и мамонтовыхъ костей, съ трудомъ доставляютъ себѣ Индигирцы ежедневное пропитаніе и часто не въ состояніи приготовить запасовъ на зиму.

Вблизи Русскаго Устья видны слѣды большихъ селеній и становъ, но неизвѣстно кому они принадлежали. По древнему и довольно общему преданію обитало здѣсь нѣкогда многочисленное и могущественное поколѣніе Омоковъ; они двинулись отсюда на западъ, гдѣ однакожъ, сколько мнѣ извѣстно, не осталось отъ нихъ никакихъ слѣдовъ. Первые Русскіе пришельцы, поселившіеся здѣсь, нашли на берегахъ многочисленныхъ протоковъ Индигирки уже полуразрушенныя юрты, землянки и очаги, и въ нихъ разные домашніе сосуды. Донынѣ находятъ еще иногда здѣсь топоры изъ яшмы, и разныя орудія, совершенно отличныя отъ употребляемыхъ нынѣ. Вообще не одно преданіе, но и самая страна свидѣтельствуетъ, что здѣсь жилъ нѣкогда многочисленный, но въ послѣдствіи исчезнувшій народъ.

Въ Русскомъ Устьѣ посѣтили меня немногіе жители сосѣднихъ селеній и привезли мнѣ драгоцѣннѣйшее лакомство, такъ называемый, *олеий здоръ*, т. е. жиръ со спины оленя; съ своей стороны одарилъ я ихъ чаемъ и табакомъ.

Сентября 2-го показались на Индигиркѣ пер-

вья льдины. Еще прежде при берегахъ образовались уже закраины, а черезъ три дня рѣка стала, такъ, что 5-го Сентября можно было ѣздить по ней на саняхъ.

Начальникъ Усть-Янской экспедиціи, лейтенантъ Анжу, прибылъ сюда 23-го Сентября, окончивъ опись берега Ледовитаго моря отъ устья рѣки Яны до Русскаго Устья. Я также привелъ въ порядокъ всѣ свои наблюденія и замѣчанія, и могъ отправиться въ обратный путь.

Время года не позволяло мнѣ возвратиться прежнею дорогою по берегу, ибо тамъ морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ бываетъ столь плотенъ, что лошади не въ состояніи выгребать изъ-подъ него травы. По сей причинѣ, а также сокращая возвратный путь, рѣшился я ѣхать прямо черезъ тундру. Сентября 26-го отправился я въ нартахъ на собакахъ въ селеніе Едомку, а отсюда, на лошадяхъ, поѣхалъ черезъ пустынную, безлюдную тундру къ Якутскому селенію у рѣки Алазеи, гдѣ перемѣнилъ лошадей, и 6-го Октября прибылъ въ Нижне-Колымскъ.

На 10-ти дневномъ переѣздѣ не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, кромѣ многочисленныхъ стай волковъ, особенно по ночамъ весьма безпокоившихъ нашихъ лошадей и принуждавшихъ насъ всегда быть готовыми къ оборонѣ. У одной такой волчьей стаи удалось намъ отбить полуобглоданнаго оленя, что было для насъ весьма важно. Вся наша провизія, кромѣ немногихъ сухарей, тогда уже издержалась.

═

ГЛАВА V.

—

Третье путешествіе по льду. Приготовленіе. Повѣтріе между собаками. Планъ путешествія. Поѣздка на сѣверъ. Нападеніе бѣлаго медвѣдя. Складъ провіанта во льду. Высокіе торосы. Второй складъ провіанта. Раздѣленіе экспедиціи. Ложные признаки земли. Соединеніе экспедиціи. Вторая поѣздка на сѣверъ. День Пасхи. Ломка льдовъ. Шелагскій мысъ. Возвращеніе на берегъ. Походскъ. Голодъ. Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. Наводненіе.

—

Лѣто 1821-го года, краткое, но обильное всякаго рода неудачами для жителей Нижне-Колымска, миновалось. Наступила долгая, мучительная зима. Бѣдствіе было всеобщее.

Несчастная оленья охота, и отъ разлитія рѣкъ и ранняго наступленія зимы неудавшаяся рыбная ловля, имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общій голодъ. Къ тому присоединилось новое, дотолѣ въ Нижне-Колымскѣ неслыханное несчастіе: сильное повѣтріе на собакъ похитило большую часть сихъ полезныхъ и необходимыхъ здѣсь животныхъ.

Лѣтомъ показались уже разныя прилипчивыя болѣзни между собаками на берегахъ Индигирки, Яны и Лены, а съ наступленіемъ зимы обнаружились и въ Колымскомъ округѣ. Зная, что успѣхъ и даже вся возможность моего путешествія по льду зависѣли единственно отъ числа годныхъ къ ѣздѣ собакъ, я употреблялъ всевозможныя средства къ ихъ сохраненію: хотѣлъ собрать, по крайней мѣрѣ, сто здоровыхъ собакъ и немедленно отправить ихъ къ Большому и Малому Чукочьимъ, кормить тамъ на счетъ экспедиціи, и для предосторожности прекратить всякое сообщеніе ихъ съ окрестностями. На тѣхъ же собакахъ должно было перевезти часть нашихъ рыбныхъ запасовъ въ балаганъ, построенный лѣтомъ при Большой Баранихѣ. Но прежде, нежели успѣли мы привести все въ исполненіе, повѣтріе до такой степени усилилось, что вмѣсто 96-ти собакъ, необходимыхъ для поѣздки, собрали мы только 36. Тотчасъ были онѣ отправлены въ Чукочье и почти всѣ остались живы. Падежъ усиливался съ морозами со дня на день и распространился наконецъ по всѣмъ деревнямъ и селеніямъ округа, до того, что здоровая собака сдѣлалась даже рѣдкостью. Жители здѣшнихъ странъ привыкли, такъ сказать, къ ежегодно возобновляющимся недостаткамъ жизненныхъ припасовъ и переносятъ такое несчастіе съ какою-то безмолвною покорностію судьбѣ, но потеря собакъ, столь необходимыхъ для ихъ существованія, привела всѣхъ въ отчаяніе. Люди сами дол-

жны были впрягаться въ нарты и на себѣ перевозить въ свои жилища дрова и собранную на берегахъ разныхъ рѣчекъ рыбу. Наконецъ, безъ собакъ не могли они заниматься единственнымъ своимъ промысломъ, ловлею пушныхъ звѣрей. Столь безпомощное состояніе распространило повсюду горесть и уныніе.

Такимъ образомъ встрѣтили мы 1822 годъ. Время отъѣзда нашего приближалось. Видя невозможность достать себѣ все нужное на Колымѣ, я послалъ надежнѣйшаго казака на берега Индигирки, гдѣ повѣтріе уже прекратилось, поручивъ ему собрать, по крайней мѣрѣ, 60 собакъ, хорошо накормить, привести въ Большое Чукочье и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Марта 5-го получилъ я донесеніе, что посланный могъ достать только 45-ть хорошихъ собакъ, но привелъ ихъ благополучно въ назначенное мѣсто.

Съ уменьшеніемъ морозовъ повѣтріе начало ослабѣвать; наконецъ оно вовсе прекратилось, но бѣдные жители Колымска потеряли болѣе четырехъ пятыхъ частей изъ своихъ собакъ. Большее число ихъ сохранилось у казаковъ здѣшней станицы, и видя мое затрудненіе при недостаткѣ необходимыхъ для поѣздки животныхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гражданами, добровольно, съ рѣдкими самопожертвованіемъ и готовностью предложили они мнѣ 20-ть нартъ, въ полныхъ упряжкахъ. Такимъ образомъ имѣли мы, считая находящихся въ Чукочьемъ, около 300 собакъ. Къ несчастію, не болѣе 60-ти изъ нихъ,

слѣдственно, только *пять упряжекъ*, были годны для дальняго путешествія, а остальныя слишкомъ слабы и ненадежны. Такое обстоятельство произвело существенную перемѣну въ первоначальномъ планѣ моего путешествія. Раздѣлить экспедицію на два отряда не было возможности. Также нельзя было начать поѣздки отъ устья Большой Баранихи, ибо зимою, при недостаткѣ собакъ, не успѣли перевезти туда необходимаго провіанта. Съ великимъ трудомъ удалось намъ запасти все нужное только въ Сухарномъ.

Наконецъ, всѣ приготовленія были кончены и мы могли отправиться въ путь. Нагрузивъ нарты потребностями путешествія, а также остатками запасовъ сушеной и свѣже-замороженной рыбы, я выѣхалъ 10-го Марта изъ Нижне-Колымска, въ сопровожденіи мичмана Матюшкина, штурмана Козьмина и матроса Нехорошкова *. Кромѣ пяти нартъ для путешествія, запряженныхъ лучшими и надежнѣйшими собаками, имѣли мы еще 19-ть нартъ для провіанта, которыя какъ и въ прежнихъ путешествіяхъ, тотчасъ по разгрузкѣ должны были возвращаться назадъ. Между проводниками находился одинъ знавшій Чукотскій языкъ и могъ служить, въ случаѣ нужды, переводчикомъ.

Марта 12-го пріѣхали мы въ Сухарное и занимались весь слѣдующій день разными приготов-

* Докторъ Киберъ, несмотря на ослабленное здоровье, хотѣлъ провожать насъ въ сей экспедиціи, но 14-го Марта принужденъ былъ, уже изъ Сухарнаго, возвратиться назадъ.

леніями. Марта 13-го начали мы путешествіе по Ледовитому морю, имѣя съ собою на 40 дней провіанта и на 35-ть дней корма для собакъ. На слѣдующій день достигли Большаго Баранова Камня и по возможности нагрузили нарты наноснымъ лѣсомъ. Зная по опыту, что попадающаяся обыкновенно въ сихъ странахъ лиственница тяжела и худо горитъ, еще въ прошломъ году велѣлъ я заготовить березовыхъ дровъ по берегамъ Анюя (по Колымѣ береза не растетъ); они были доставлены въ Нижне-Колымскъ и для большей легкости высушены. Мы взяли съ собой такихъ дровъ на 15-ть дней, и кромѣ того на 10-ть дней (4 пуда) рыбьяго жира, смѣшеннаго съ мохомъ и стружками, а наконецъ у Баранова Камня запаслись лиственницею, такъ, что имѣли топлива дней на сорокъ, отъ чего нарты наши были въ началѣ очень тяжелы.

Въ полдень 16-го числа поѣхали мы далѣе, при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, пасмурной погодѣ и сильномъ снѣгѣ. Сѣверная и сѣверо-западная части Баранова Камня состоятъ изъ шиферныхъ утесовъ, въ 6-ть саженъ вышиною, отвѣсно спускающихся въ море, и только изрѣдка прорѣзанныхъ узкими низменными долинами. Проѣхавъ 8-мь верстъ, достигли мы сѣверной оконечности Баранова Камня. Здѣсь стоитъ нѣсколько отдѣльныхъ каменныхъ столбовъ, называемыхъ туземцами *Кекуры*, что придаютъ мысу издали видъ древняго, полуразвалившагося замка.

Дальнѣйшій путь въ море взяли мы на NO

30°. Въ семъ направленіи намѣревался я проникнуть до $71^1/_2$° широты, гдѣ мы пересѣкли бы меридіанъ Шелагскаго мыса, въ разстояніи 150-ти верстъ. Тамъ предполагалось устроить складку провіанта и отослать часть нартъ въ Нижне-Колымскъ, а съ остальными продолжать изслѣдованіе на NO и NW. Такимъ образомъ путешествіе наше послужило бы продолженіемъ прошлогодняго и могло повести къ удовлетворительнымъ выводамъ о предполагаемомъ существованіи земли къ сѣверу.

Удалившись на $1^1/_2$ версты отъ берега, встрѣтили мы значительную гряду неправильныхъ высокихъ торосовъ и проѣхали между ними 18-ть верстъ. Не столько усталость, сколько поврежденіе двухъ нартъ, заставило насъ расположиться здѣсь ночлегомъ. Транспортныя нарты далеко отстали и уже поздно ночью соединились съ нами, въ самомъ жалкомъ положеніи. Отъ ѣзды черезъ торосы такъ онѣ пострадали, что мы принуждены были большую часть нашихъ березовыхъ дровъ употребить на починку. Сія скучная работа занимала насъ весьма слѣдующій день, и только въ 11-ть часовъ 18-го Марта можно было продолжать путь. Погода была пасмурная. При 13° холода и рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ шелъ сильный снѣгъ. Торосы уменьшались, наконецъ вовсе прекратились, и вмѣсто того очутились мы на необозримой равнинѣ, уставленной снѣжными волнообразными буграми. Въ мягкомъ снѣгѣ нарты не столько повреждались, какъ въ срединѣ

торосовъ, но за то собаки здѣсь чрезвычайно утомлялись. Плотность и высота (до 2-хъ саженъ) наносныхъ снѣжныхъ слоевъ доказывали, что здѣсь часто выпадаетъ сильный снѣгъ, а направленіе ихъ заставляло предполагать, что здѣсь господствуютъ восточные вѣтры.

По полуденному наблюденію находились мы подъ 69° 56½′ широты. Счислимая долгота была 0° 14′ на востокъ отъ Большаго Баранова Камня *. Сегодня (18-го Марта) проѣхали мы только 23-хъ версты, по причинѣ поздняго выѣзда, а главнѣйше отъ худаго состоянія транспортныхъ нартъ, безпрестанно ломавшихся и принуждавшихъ насъ останавливаться. Намъ удалось убить здѣсь большаго бѣлаго медвѣдя. Мясо и жиръ его подкрѣпили нашихъ собакъ. Ночью холодъ усилился до 25°. Несмотря на то, что морозъ продолжался весь слѣдующій день, по совершенному безвѣтрію стужа не очень была чувствительна. Къ полудню атмосфера прояснилась. Большой Барановъ Камень видѣнъ былъ отъ насъ на разстояніи 40 верстъ, по направленію SW 11°.

Съ 9-ти часовъ утра до полудня проѣхали мы, по довольно гладкой ледяной равнинѣ, 18-ть верстъ. Здѣсь, по полуденному наблюденію, опредѣлено 70° 12′ широты въ 0° 50′ восточной счислимой долготы, отъ Баранова Камня. Послѣ полудня поѣхали мы далѣе и сдѣлали сегодня вообще 36-ть верстъ. Сильный сѣверо-западный

* Счислимыя долготы показаны здѣсь отъ меридіана Большаго Баранова Камня.

вѣтеръ и густая мятель принудили насъ ранѣе обыкновеннаго расположиться ночлегомъ. Транспортныя нарты сегодня также отстали. Изъ 16-ти три были уже разгружены и отправлены въ Нижне-Колымскъ; 14-ть нартъ поздно ночью соединились съ нами, но не привезли никакихъ извѣстій о двухъ остальныхъ. Я весьма безпокоился объ ихъ судьбѣ, потому что здѣсь водится множество бѣлыхъ медвѣдей. Одинъ изъ нихъ ворвался даже къ намъ въ лагерь, но былъ убитъ, прежде нежели успѣлъ причинить какой нибудь вредъ. Мы провели ночь въ мучительной неизвѣстности объ участи нашихъ спутниковъ. На другой день, едва начало свѣтать, отправилъ я людей на поиски. Наконецъ прибыли отставшіе и донесли, что потерявъ среди мятели слѣды другихъ нартъ, они принуждены были за наступившею темнотою остановиться и провести холодную ночь безъ огня, почти безъ пищи, въ безпрерывномъ страхѣ нападенія бѣлыхъ медвѣдей. Только крикомъ и лаемъ собакъ избавлялись они отъ своихъ ужасныхъ непріятелей. Здѣсь во льду устроили мы складку провіанта, назначеннаго на возвратный путь, и отправили три разгруженныя нарты въ Нижне-Колымскъ.

Сѣверо-западный вѣтеръ крѣпчалъ и мятель становилась сильнѣе. Термометръ показывалъ 18° холода. Несмотря на пасмурную погоду, удалось намъ взять полуденную высоту солнца и опредѣлить широту мѣста въ 70° 19½′; счислимая долгота 1° 6′ восточная.

Марта 21-го вѣтеръ стихъ и перешелъ къ востоку. Небо нѣсколько прояснилось, но края небосклона были покрыты тучами. Термометръ показывалъ 19° холода. Въ 10-ть часовъ поѣхали мы далѣе, черезъ тороса, въ сѣверо-восточномъ направленіи. По полуденному наблюденію находились мы подъ 70° 26′ широты и 1° 22′ счислимой долготы на востокъ. Вечеромъ удалось намъ убить большаго бѣлаго медвѣдя, который въ жару сраженія ранилъ трехъ нашихъ лучшихъ собакъ. Нѣкоторые изъ проводниковъ, недовольные тощею пищею, рѣшились, не смотря на всеобщее отвращеніе, отвѣдать поджареннаго медвѣжьяго мяса и увѣряли, что оно очень вкусно. Къ ночи термометръ, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, показывалъ 25° холода.

Исправивъ поврежденныя въ торосахъ нарты, мы отправились 22-го Марта далѣе. По полуденному наблюденію опредѣлена широта 70° 39′, а счислимая долгота была 1° 51′ восточн. Склоненіе ручнаго компаса было 14½° восточн.

Съ большимъ трудомъ встаскивали собаки нарты наши изъ глубокаго снѣга на высокіе торосы; потому мы подвигались весьма медленно и проѣхали сегодня только 14-ть верстъ, когда наступленіе ночи и общая усталость принудили насъ остановиться. Транспортныя нарты прибыли къ ночлегу шестью часами послѣ насъ. Опасаясь, чтобы сильная мятель, затемнявшая воздухъ, не разсѣяла ихъ, я передъ отъѣздомъ приказалъ имъ держаться всѣмъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ

были онѣ въ состояніи подавать взаимно помощь, и наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и опасностей, всѣ счастливо съ нами соединились.

Къ общей радости, 23-го Марта подулъ, такъ называемый во всей сѣверо-восточной Сибири, *теплый* вѣтеръ, съ OSO. При ясной погодѣ оказывалъ онъ самое быстрое вліяніе на температуру, такъ что ртуть термометра въ короткое время поднялась до $1^1/_2{}^0$ градусовъ холода. Мы спѣшили воспользоваться благопріятною погодою. Палатки, нарты и шесты въ мигъ обвѣсились измокшимъ платьемъ и бѣльемъ для сушки. Вывѣшенныя одежды, общая заботливость найдти себѣ лучшее, болѣе вѣтру подверженное мѣсто, и наконецъ видимое наслажденіе отъ вдыханія теплаго воздуха, составляли комическую картину.

Отсюда посылалъ я г-на Матюшкина, съ двумя нартами, на востокъ, для изслѣдованія: не становятся ли тамъ торосы проходимѣе? Часа черезъ два онъ возвратился съ извѣстіемъ, что къ востоку торосы не уменьшаются, но на западъ замѣтили довольно гладкую полосу льда, по которой, вѣроятно, ѣзда будетъ удобнѣе. Мы тотчасъ нагрузили нарты и отправились на западъ. Въ полдень находились мы подъ 70° 42′ широты и 1° 51′ счислимой долготы на востокъ.

Но и здѣсь вскорѣ встрѣтили мы огромные крутые торосы. Ѣзда между ними была сопряжена съ большими опасностями и трудами. Между прочимъ, при переправѣ черезъ одинъ изъ высочайшихъ торосовъ, когда поднялись мы на са-

мую вершину его, ремень, прикрѣплявшій упряжь къ моимъ санямъ, лопнулъ. Собаки стремглавъ полетѣли внизъ, а я съ нартою остался недвижимъ на вершинѣ. Къ несчастію, собаки встрѣтили свѣжій медвѣжій слѣдъ, съ лаемъ и визгомъ бросились за звѣремъ и вскорѣ исчезли у насъ изъ вида. Положеніе наше было критическое. Потерявъ лучшую упряжь, надобно было оставить мою нарту. Мы долго и напрасно искали убѣжавшихъ собакъ, и наконецъ нашли ихъ, почти въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Длинный ремень, волочась за ними, зацѣпился въ трещинѣ между двумя льдинами и остановилъ ихъ, причемъ онѣ совершенно выбились изъ силъ, стараясь вырваться.

Хотя въ теченіе четырехъ часовъ проѣхали мы только 6-ть верстъ, но принуждены были остановиться на ночлегъ и расположились подъ защитою льдины, величиною во всѣ стороны до 8-ми саженъ. На SO лежала длинная гряда высокихъ торосовъ. Какъ обыкновенно, транспортныя нарты отстали и прибыли къ ночлегу 6-ю часами позже насъ; въ теченіе 10-ти часовъ подвинулись онѣ только 6-ть верстъ. Ночью вѣтеръ перешелъ на SW и началъ крѣпчать, но къ утру стихъ и мы выѣхали при облачномъ небѣ и 11° холода. Около полудня шелъ снѣгъ.

Трудность сегодняшняго (24-го ч.) путешествія превосходила все доселѣ нами испытанное. Съ помощью пешней пробивались мы черезъ гря-

ду плотныхъ торосовъ, неимовѣрной вышины. Ледъ ихъ былъ чрезвычайно твердъ. Мѣстами былъ онъ смѣшанъ съ голубоватою глиною и крупнымъ пескомъ. Почти на каждомъ шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на всѣ предосторожности, сани скользили съ гладкихъ хребтовъ торосовъ и падали въ промежутки, подобные оврагамъ. Вытаскивать оттуда нарты, держась на узкой и скользкой полосѣ льдинъ, стоило несказанныхъ трудовъ. Люди и собаки совершенно измучились. Всѣ, болѣе или менѣе, были ушибены. Послѣ 6-ти часовъ безпрерывныхъ усилій подвинулись мы только на 5-ть верстъ, и для отдыха, а преимущественно для исправленія поврежденныхъ саней, рѣшились остановиться. Особенно транспортныя нарты сильно повредились и причиняли намъ безпрестанныя остановки. Потому положили мы здѣсь во льду устроить главный складъ запасовъ и всѣ разгруженныя нарты отправить въ Нижне-Колымскъ. Тотчасъ приступили къ работѣ, вырубили во льду два большія углубленія и положили туда всѣ наши запасы и кормъ для собакъ. Сверху покрыли все тщательно большими льдинами, а щели и скважины между ними засыпали снѣгомъ и залили водою, такъ, что при морозѣ въ короткое время образовалась твердая масса, непроницаемая для медвѣдей. Окончивъ работу, принялись мы за починку нартъ; и тутъ также много было дѣла. Проводники наши, возвращавшіеся въ Нижне-Колымскъ, такъ радова-

лись избавленію отъ неимовѣрно труднаго путешествія, что несмотря на усталость, весело и дружно принялись за работу и скоро все кончили. Остатокъ дня провели они въ пѣсняхъ, пляскахъ и разныхъ играхъ.

Къ вечеру атмосфера прояснилась и мы увидѣли на горизонтѣ два возвышенія. Одно изъ нихъ лежало на SW 19°, и мы приняли его за Большой Барановъ Камень. По счисленію отстоялъ онъ отъ насъ въ 130 верстахъ. Другое лежало на SW 5°, но были ли то дѣйствительно горы, или только густыя облака и пары, точно сказать было невозможно.

По пеленгамъ перваго возвышенія опредѣлилъ я положеніе наше, совершенно согласовавшееся съ счисленіемъ. Оказалось, что дальнѣйшій восточный пунктъ нашей прошлогодней поѣздки находился отъ насъ въ 30-ти верстахъ къ западу. Мы провели здѣсь ночь и на слѣдующее утро 26-го отослали 13-ть разгруженныхъ нартъ въ Нижне-Колымскъ.

Наканунѣ отправилъ я г-на Матюшкина, на двухъ нартахъ, съ провизіею на пять дней, въ сѣверо-восточномъ направленіи для изслѣдованій, а сегодня самъ, въ сопровожденіи г-на Козьмина, на трехъ нартахъ, съ провизіею на три дня, поѣхалъ прямо на сѣверъ. Мы условились соединиться 29-го числа у заложеннаго склада провіанта, гдѣ для облегченія собакъ оставили намъ ш
большой уросъ. Отъѣхавъ 14-ть верстъ отъ мѣста ночлега, находились мы, по полуденному на-

блюденію, подъ 70° 52′ широты и 1° 56′ счислимой восточной долготы. Здѣсь мало по малу исчезаютъ торосы, состоящіе изъ вѣчнаго, никогда нетающаго льда, а мѣсто ихъ заступаютъ другіе, образовавшіеся отъ наслоенія льдинъ. Они отличаются отъ предыдущихъ зеленовато-синимъ цвѣтомъ, обнаженными острыми вершинами и нѣкоторою правильностію формъ. Мы встрѣтили гладкую, непокрытую снѣгомъ полосу льда (вѣроятно, недавно замерзнувшую полынью) по направленію на WNW. Проѣхавъ по ней около 5-ти верстъ, къ немалому удивленію, замѣтили мы старые санные слѣды, и по ближайшемъ наблюденіи оказались они нашими, сохранившимися отъ прошлогодней поѣздки. По численію находились, мы по крайней мѣрѣ, въ 85-ти верстахъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ прошломъ году ѣздили; должно предполагать, что господствовавшіе здѣсь во все лѣто сѣверо-западные вѣтры подвинули цѣликомъ всю ледяную поверхность на востокъ.

Между новыми торосами попадались намъ иногда торосы стараго образованія, и послѣ одного изъ нихъ расположились мы ночевать, проѣхавъ 51-ну версту. Бока тороса были совершенно покрыты крупнымъ пескомъ, что мы и прежде уже неоднократно замѣчали при торосахъ стараго образованія. Вечеромъ и ночью небо было ясно; термометръ показывалъ 20° холода, при слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ. Весь горизонтъ былъ обставленъ торосами, и только изрѣдка попадался

разломанный ледъ, смѣшанный съ иломъ и пескомъ.

Поутру 27-го Марта находились мы подъ 71° 13′ широты; счислимая долгота была 2° 13′ вост. Г-нъ Козьминъ, съ вершины тороса, увидѣлъ на NO два холма; тотчасъ навели мы въ тý сторону зрительныя трубы, но ничего не могли открыть. Простымъ глазомъ можно было довольно ясно отличать два темно-синія возвышенія, окраенныя, какъ горы, и то изчезавшія, то снова являвшіяся. Высочайшее изъ нихъ запеленговано на NO 40°. Мнѣнія наши относительно ихъ были различны, но мы оба, я и г. Козьминъ, навѣрное полагали, что видимъ землю, а наши проводники увѣряли, что то были подымавшіеся изъ открытаго моря пары, издали получавшіе темно-синій цвѣтъ.

Отъѣхавъ отсюда съ версту на NO 40°, встрѣтили замерзшее во льду и почти уже сгнившее дерево. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ явственнѣе становились замѣченныя нами возвышенія, и скоро приняли они видъ недалекой гористой земли. Холмы рѣзко окраились; мы могли различать долины и даже отдѣльные утесы. Все увѣряло насъ, что послѣ долгихъ трудовъ и препятствій открыли мы искомую землю. Поздравляя другъ друга съ счастливымъ достиженіемъ цѣли, мы спѣшили далѣе, надѣясь еще до наступленія вечера вступить на желанный берегъ. Но наша радость была непродолжительна и всѣ прекрасныя надежды наши исчезли. Къ вечеру, съ не-

ремѣнною освѣщенія, наша *новооткрытая земля* подвинулась по направленію вѣтра на 40°, а черезъ нѣсколько времени еще обхватила она весь горизонтъ, такъ, что мы, казалось, находились среди огромнаго озера, обставленнаго скалами и горами.

Потерявъ едва родившуюся надежду, остановились мы въ самомъ непріятномъ расположеніи духа на ночлегъ, проѣхавъ сегодня между торосами всего 40 верстъ. При 16° холода вѣялъ рѣзкій ONO вѣтеръ. На другое утро (28-го), къ досадѣ, увидѣли мы повтореніе вчерашняго оптическаго явленія. По странному преломленію лучей, отраженныхъ отъ дальныхъ и ближнихъ торосовъ на нисшій, сгущенный парами слой атмосферы, казалось намъ, что мы находились среди низменной, изрѣзанной плоскими холмами тундры. Проѣхавъ еще $11\frac{1}{2}$ верстъ, мы достигли, по полуденному наблюденію, 71° 34′ широты и 2° 50′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 17° восточное. Не замѣтивъ ни малѣйшаго уменьшенія торосовъ, и не предвидя, по прежнимъ опытамъ, никакой скорой перемѣны, я рѣшился возвратиться отсюда назадъ, чтобы въ опредѣленное время прибыть къ нашей складкѣ провіанта. Возвратный путь нашъ былъ скорѣе, отъ того, что собаки вообще по знакомой дорогѣ бѣгутъ быстрѣе и охотнѣе, а отчасти и отъ того, что при нашей поѣздкѣ сюда мы, по возможности, сгладили труднѣйшія мѣста. До заката солнца проѣхали мы 50-ть верстъ.

Марта 29-го свѣжій восточный вѣтеръ распространилъ въ атмосферѣ влажность. Термометръ показывалъ 9° холода. Въ снѣгу видны были слѣды медвѣдей и спутниковъ ихъ песцовъ. Поздно вечеромъ прибыли мы къ складкѣ съ провіантомъ, гдѣ г-нъ Матюшкинъ ожидалъ уже насъ съ утра. Онъ ѣздилъ по сѣверо-восточному направленію, и проѣхавши въ три дня 90 верстъ, достигалъ 71° 10′ широты, а по долготѣ почти меридіана Песчанаго мыса. Торосы на пути его являлись рѣже, но глубокій, рыхлый снѣгъ весьма затруднялъ ѣзду. Подобно намъ, онъ видѣлъ на горизонтѣ синеву и принималъ ее за искомую землю. Кромѣ многихъ песцовыхъ слѣдовъ, замѣтилъ онъ слѣдъ лисицы, что въ такомъ дальномъ разстояніи отъ берега было большою рѣдкостью.

На пути одинъ изъ нашихъ проводниковъ, знавшій Чукотскій языкъ, занемогъ сильными желудочными припадками. Къ счастію, съ нами былъ Юкагиръ, слывшій въ Омоконѣ цырюльникомъ; никогда, даже и въ путешествіи нашемъ, не разставался онъ съ своимъ ланцетомъ. Видимо обрадованный случаю показать свое искуство, тотчасъ рѣшился онъ пустить кровь и окончилъ операцію очень счастливо. Не могу утверждать, чтобы дѣйствительно отъ того больной почувствовалъ облегченіе, но слабость его заставила насъ цѣлый день оставаться на мѣстѣ.

Всѣ мы равно страдали въ то время болью въ глазахъ, происходившею отъ яркаго блеска весенняго снѣга, но болѣзнь была уже намъ зна-

кома изъ прежнихъ поѣздокъ, и мы облегчали ее натирая глаза спиртомъ, а потомъ при помощи очковъ изъ чернаго флера вовсе отъ нея избавились.

Пользуясь невольнымъ бездѣйствіемъ, вырыли мы изъ льда провизіи на 20-ть дней и нагрузили ею наши нарты.

Въ 2 часа по полудни, 31-го Марта, отправились мы далѣе, по прежнему прямому сѣверному направленію, ибо оно казалось намъ удобнѣе сѣверо-восточнаго. Отъѣхавъ только 12-ть верстъ, расположились на ночлегъ. Вечеромъ и ночью было совершенное безвѣтріе. Все небо застилалось густыми облаками. Но на слѣдующее утро (1-го Апрѣля) поднялся восточный вѣтеръ, перешелъ къ полудню на югъ и очистилъ горизонтъ. Сегодня проѣхали мы только 20-ть верстъ. Медленность происходила главнѣйше отъ того, что почти всю дорогу шли мы пѣшкомъ, и нерѣдко, вмѣстѣ съ собаками, тащили тяжело нагруженныя нарты.

По случаю дня Св. Пасхи (2-го Апрѣля) оставались мы на мѣстѣ. Двойная порція мяса и по двѣ чарки вина на каждаго распространили между нашими проводниками веселье, и оно еще болѣе поддерживалось въ нихъ теплою и ясною погодою. Они пѣли, плясали, стрѣляли въ цѣль изъ ружей и луковъ. Такъ провели мы цѣлый день.

На слѣдующее утро благопріятная погода продолжалась; мы поѣхали далѣе, но среди частыхъ

и высокихъ торосовъ подвинулись только на 18-ть верстъ. При переѣздѣ черезъ одну груду ихъ сорвалась нарта, сильно ушибла двухъ проводниковъ и задавила одну изъ нашихъ лучшихъ собакъ, что было для насъ самою чувствительною потерею. Вообще мы испытали въ нынѣшнюю поѣздку разныя бѣдствія и неудачи. Такъ, напримѣръ, 4-го Апрѣля проѣхали мы только 13-ть верстъ и уже принуждены были остановиться, потому что въ торосахъ полозья трехъ нашихъ нартъ сломались.

Исправивъ по возможности березовыми дровами поврежденія, 5-го числа отправились мы далѣе, по гладкому льду, покрытому разсоломъ и мѣлкими соляными кристаллами. Въ 9-ти верстахъ отъ ночлега увидѣли тюленя; онъ грѣлся на солнцѣ, но замѣтивъ насъ тотчасъ нырнулъ въ продушину. Ледъ здѣсь былъ около $1\frac{1}{2}$ аршина въ толщину; глубина моря 12-ть сажень; грунтъ его зеленоватый илъ. Термометръ въ водѣ показывалъ $1\frac{1}{2}^{\circ}$, а на воздухѣ 3° холода. Замѣтно было довольно сильное теченіе на OSO. Проѣхавъ 69 верстъ, остановились мы ночевать и выставили караульнаго для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія медвѣдей, слѣды которыхъ попадались намъ во множествѣ. Сегодня видѣли мы странное явленіе: свѣжій восточный вѣтеръ нагналъ туманъ на всю окрестность, и проникнувъ въ короткое время наши платья и палатку, покрылъ все толстымъ слоемъ инея.

Проѣхавъ 6-го Апрѣля 30-ть верстъ, мы достигли

того самаго мѣста, откуда 28-го Марта начали обратный путь къ складкѣ съ провіантомъ, такъ, что намъ потребно было 7-мь дней на проѣздъ такого пространства, которое тогда проѣхали мы въ $2^1/_2$ дня, разумѣется съ легчайшими партами. На 10-й верстѣ отсюда расположились мы почлегомъ. Къ сѣверу тянулся рядъ высокихъ, частыхъ торосовъ, очевидно болѣе стараго, нежели новаго образованія, затруднявшихъ ѣзду особенно глубокимъ снѣгомъ, который наполнялъ между ними промежутки. Проводники наши были принуждены безпрестанно поддерживать парты и тащить ихъ, вмѣстѣ съ собаками. Отъ излишнихъ усилій, едва только выздоровѣвшій проводникъ нашъ снова началъ страдать желудкомъ и привелъ насъ тѣмъ, при совершенномъ недостаткѣ пособій (кромѣ ланцета Юкагирскаго Эскулапа), въ большое затрудненіе. Видя безпомощное положеніе наше и разсуждая, что больной и впредь будетъ причинять намъ частыя остановки, рѣшился я отослать его въ Нижне-Колымскъ, несмотря на то, что мы находились въ 250 верстахъ отъ земли и 390 верстахъ отъ перваго обитаемаго мѣстечка. Хотя такое уменьшеніе нашего общества было крайне стѣснительно, но для отклоненія худшихъ послѣдствій оставалось одно средство, и я отправилъ больнаго, съ двумя проводниками, на крѣпкой партѣ, запряженной не 12-тью, а 24-мя собаками. Оставшуюся отъ того парту безъ упряжки разобрали мы для употребленія на починку другихъ. Лишнюю провизію и другія, не столь

нужныя вещи зарыли мы здѣсь въ ледъ на обратный путь. Большой уросъ отданъ былъ нами возвращавшимся во свояси, а себѣ оставили мы только пару пологовъ, или небольшихъ лѣтнихъ палатокъ. Насъ оставалось теперь только шесть человѣкъ, на трехъ нартахъ.

Всю ночь и слѣдующій день густой туманъ покрывалъ окрестности, и только поутру слабый сѣверный вѣтеръ очистилъ на короткое время атмосферу. Термометръ показывалъ 5° холода.

Проѣхавъ 3 версты, по довольно гладкому льду, мы снова встрѣтили купы плотныхъ торосовъ; глубокіе промежутки между ними были наполнены рыхлымъ снѣгомъ. Съ высочайшей льдины осмотрѣли мы горизонтъ. Вся поверхность льда была изрѣзана частыми грядами торосовъ. Оставалось одно средство: проложить себѣ дорогу пешнями. Послѣ 5-ти часовъ безпрерывныхъ усилій удалось намъ пробиться до удобнѣйшей дороги и проѣхать 13-ть верстъ среди безпрерывныхъ большихъ и малыхъ торосовъ, новаго и стараго образованія. Двѣ нарты сильно повредились и далеко отстали, такъ, что только поздно ночью соединились со мною.

На слѣдующій день снова пробивались мы черезъ высокую стѣну торосовъ на разстояніи двухъ верстъ и достигли гладкой полосы льда до $5^1/_2$ верстъ въ ширину, ограниченной на сѣверъ стѣною высокихъ взгроможденныхъ льдинъ. Съ нихъ на большое протяженіе можно было осмотрѣть горизонтъ. На сѣверъ тянулись, параллельно одинъ

другому, нѣсколько рядовъ торосовъ свѣжаго лома и зеленоватаго цвѣта. Издали были они подобны огромнымъ волнамъ океана. По сю сторону ихъ извивалась узкая, безснѣжная полоса, какъ рѣка между ледяными утесами. На югъ возвышались, будто покрытыя снѣгомъ горы, исполинскіе торосы стараго образованія. Дикая неровность сей части моря придавала ему видъ страны, изрытой глубокими оврагами и ущельями.

Противоположность южныхъ старыхъ торосовъ новымъ, сѣвернѣе лежащимъ, была слишкомъ рѣзка и не оставляла сомнѣнія, что мы достигли предѣла Сибирскаго прибрежнаго твердаго льда, и что передъ нами море неограниченное съ сѣвера никакою близкою землею. Мы переправились еще чрезъ двѣ купы торосовъ и расположились у третьей на ночлегъ. На пути видѣли мы нѣсколько полыней, еще незамерзшихъ; глубина моря была въ нихъ $14^{1}/_{2}$ саженъ; грунтъ зеленоватый илъ. Здѣсь снова зарыли мы въ ледъ часть нашихъ запасовъ, чтобы съ облегченными нартами удобнѣе можно было проникнуть на сѣверъ.

Апрѣля 9-го, при ясной погодѣ и слабомъ восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 10^{0} холода. По полуденному наблюденію находились мы подъ $71^{0}\ 50'$ широты и $3^{0}\ 20'$ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было $18^{3}/_{4}{}^{0}$ восточное.

Переправясь черезъ ледяную гряду, подлѣ которой ночевали, мы очутились среди дикой, не-

правильной купы торосовъ. До сихъ поръ ничего подобнаго мы еще не видывали. Работая безпрерывно семь часовъ пешнями, проѣхали только *три* версты. Видя, что въ качествѣ льдовъ нельзя ожидать никакой перемѣны, и опасаясь отъ крайняго изнуренія собакъ и сильнаго поврежденія нартъ лишиться того и другаго, я рѣшился спросить у сопровождавшихъ меня офицеровъ ихъ мнѣнія: полагаютъ ли они возможнымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, проникнуть на большое разстояніе къ сѣверу? Оба единодушно объявили, что еслибы даже ледъ оставался далѣе твердымъ и надежнымъ, и тогда, съ утомленными собаками, среди безпрерывныхъ торосовъ, въ теченіе цѣлой недѣли подвинемся мы впередъ не болѣе 30-ти верстъ. Такое мнѣніе, основанное на прежнихъ опытахъ и мною вполнѣ раздѣляемое, побудило меня возвратиться отсюда назадъ. Но желая устранить причины упрека себѣ въ поспѣшности, я поручилъ г-ну Матюшкину, на усердіе и распорядительность котораго можно было совершенно положиться, ѣхать въ пустой нартѣ, съ двумя проводниками, къ сѣверу, съ тѣмъ, чтобы болѣе увѣриться: можно или нѣтъ проникнуть еще далѣе? Онъ отправился 10-го Апрѣля. Ночью, при посредственномъ вѣтрѣ, слышали мы трескъ ломавшагося льда. По утру поднялся рѣзкій сѣверный ветеръ. Термометръ показывалъ 8° холода.

Сегодня сдѣлали мы нѣсколько наблюденій надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки.

Обращая дѣленіемъ къ O:
верхній конецъ стрѣлки 81° 00′
нижній ——— ——— 81° 15′

Среднее..... 81° 7½′

Обращая дѣленіемъ къ W:
верхній конецъ стрѣлки 81° 00′
нижній ------ ------- 81° 15′

Среднее..... 81° 7½′

Среднее наклоненіе стрѣлки = 81° 7½′

Склоненіе ея по азимутамъ было 18° 45′ восточное. Полуденная высота солнца дала намъ 71° 52′ 19″ широты и 3° 23′ восточной долготы. Глубина моря была 14¼ саженъ; грунтъ зеленоватый илъ.

Послѣ шести часоваго отсутствія, г. Матюшкинъ возвратился. Онъ переходилъ черезъ множество высокихъ, почти неприступныхъ торосовъ, переправлялся черезъ открытыя полыньи, и не смотря на легкость пустой нарты проѣхалъ только 10-ть верстъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи. Наконецъ разломанный ледъ и открытое море перерѣзали ему дорогу. Здѣсь былъ онъ свидѣтелемъ явленія, возможнаго только въ полярныхъ странахъ, съ которымъ обыкновенный ходъ льда на самыхъ величайшихъ и быстрѣйшихъ рѣкахъ не имѣетъ никакого подобія: Ледовитое море свергало съ себя оковы зимы; огромныя ледяныя поля, подпимаясь почти перпендикулярно на хребтахъ бушующихъ волнъ, съ трескомъ сшибались и исчезали въ пѣнящейся пу-

чинѣ, и потомъ снова показывались на изрытой поверхности моря, покрытыя иломъ и пескомъ. Невозможно представить себѣ что нибудь подобное сему ужасному разрушенію. Необозримая, мертвая, одноцвѣтная поверхность колеблется; ледяныя горы, какъ легкія щепки, возносятся къ облакамъ; безпрерывный громовый трескъ ломающихся льдинъ смѣшивается съ плескомъ бушующихъ волнъ, и все вмѣстѣ представляетъ единственную въ своемъ родѣ, ни съ чѣмъ несравнимую картину. И такъ путь на сѣверъ былъ намъ отрѣзанъ. Возвращаясь, г. Матюшкинъ во многихъ мѣстахъ не находилъ болѣе слѣда своихъ просаней, и видѣлъ, вмѣсто нихъ, большія пространства покрытыя водою.

Мы должны были спѣшить къ ближайшему складу нашего провіанта, пока еще ледъ держался. Нагрузивъ нарты наши, намъ удалось найдти среди торосовъ менѣе затруднительную дорогу, и по ней 10-го Апрѣля проѣхали мы 16 верстъ, въ WNW направленіи. Отъ юга на сѣверъ видно было множество слѣдовъ медвѣдей, вѣроятно, проходившихъ къ полыньямъ за тюленями.

Апрѣля 11-го, при слабомъ морозѣ, шелъ снѣгъ. Мы ночевали подъ 71° 54′ широты и 2° 52′ счислимой долготы; потомъ ѣхали по довольно гладкому льду, на WNW, но вскорѣ опять встрѣтили старые торосы. Намѣреваясь направить путь къ NO, осмотрѣли мы прежде окрестности съ ледяной горы, имѣвшей до 15 саженъ вышины. Плотные

непроходимые торосы окружали насъ со всѣхъ сторонъ, но глухой трескъ, подобный отдаленному грому, и густые синіе пары, во множествѣ подымавшіеся между NO и NW, ясно предсказывали скорую разломку и ненадежность здѣсь морскаго льда. Мы имѣли случай замѣтить, что если твердый и толстый ледъ трескается, то отъ внезапнаго прикосновенія воздуха, изъ воды, смотря по состоянію атмосферы, подымаются пары, принимая обыкновенно видъ вертикальныхъ темно-синихъ столбовъ.

Проникнуть далѣе на сѣверъ не было возможности, и мы направили путь къ западу, вдоль торосовъ стараго образованія, до того мѣста, гдѣ они принимаютъ юго-западное направленіе. Здѣсь расположились мы ночлегомъ, въ 24-хъ верстахъ отъ вчерашняго ночлега. Остатокъ рыбьяго жира отъ дневной теплоты растаялъ, а дровяной запасъ нашъ такъ уменьшился, что мы могли только разъ въ день разводить огонь, чтобы сварить на немъ чай и пищу, а остальное время довольствовались сухою или мороженою рыбою и утоляли жажду снѣгомъ.

Апрѣля 19-го отправилъ я г. Матюшкина, съ порученіемъ: изслѣдовать старые торосы и поискать еще прохода на сѣверъ. Черезъ три часа возвратился онъ, съ извѣстіемъ, что хотя и трудно, но возможно однакожъ проникнуть въ семъ направленіи далѣе. Мы тотчасъ собрались въ путь. Проѣхавъ только шесть верстъ, замѣтили мы, что ледъ сдѣлался весьма тонокъ, щелистъ и во мно-

гихъ мѣстахъ покрывался разсоломъ, что было несомнѣннымъ признакомъ скорой разломки льда. Я не смѣлъ ѣхать далѣе, особенно при сѣверномъ вѣтрѣ, все болѣе и болѣе усиливавшемся. Глубина моря равнялась $14^1/_2$ саженямъ; грунтъ его состоялъ, не изъ зеленоватаго ила, а изъ крупнаго песку.

Мы находились подъ 72° 2′ широты, въ 262 верстахъ, прямо на сѣверъ, отъ Большаго Баранова Камня. Качество льда и постепенно увеличивавшаяся, по мѣрѣ удаленія отъ берега, глубина моря, дали намъ причину съ вѣроятностью предполагать, что если дѣйствительно существуетъ на сѣверѣ неизвѣстная земля, то мы достигли еще не болѣе половины разстоянія ея отъ береговъ Сибири. Впрочемъ, не сіе соображеніе, а единственно физическая невозможность заставила насъ отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе въ сѣверъ. Мы рѣшились, направивъ путь на востокъ, попытаться достигнуть меридіана Шелагскаго мыса, ибо въ данной мнѣ инструкціи искомая земля полагалась прямо на сѣверъ отъ сего мыса, что и побуждало меня возвратиться отсюда. Къ вечеру пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ ночевали 10-го Апрѣля.

Апрѣля 13-го достигли мы склада съ провіантомъ, заложеннаго 6-го Апрѣля, и замѣтили въ окрестностяхъ множество медвѣжьихъ слѣдовъ. Вѣроятно, медвѣди были привлечены сюда запахомъ нашихъ припасовъ, но не могли проникнуть къ нимъ сквозь ледяную покрышку. Открывъ пещ-

ніями погребъ нашъ, мы нашли его наполненнымъ водою, прососавшеюся туда сквозь небольшую щель на днѣ. Къ счастію, отверзтіе было такъ мало, что припасы только подмокли, но ничто изъ нихъ не пропало. Весь слѣдующій день оставались мы на мѣстѣ для просушки провизіи, а главнѣйше для того, чтобы дать отдыхъ нашимъ собакамъ. Апрѣля 15-го числа, при слабомъ NNO вѣтрѣ, поѣхали мы далѣе. Термометръ показывалъ $14^1/_2$ градусовъ холода.

Мы проѣхали, въ OSO направленіи, 36-ть верстъ, по гладкой полосѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ высокими грядами торосовъ; постепенно сближаясь, они соединились и образовали огромныя, разными земляными частицами покрытыя ледяныя массы. Въ промежуткахъ можно было бы проѣхать, еслибы они не были занесены грудами рыхлаго снѣга, въ которыхъ тонули люди и собаки. Мы принуждены были возвратиться отсюда назадъ и расположились ночлегомъ у начала гладкой полосы. Ночь провели мы безъ огня; холодъ былъ чувствителенъ. Термометръ показывалъ 20°.

На слѣдующій день, при ясной погодѣ и совершенномъ безвѣтріи, мы поѣхали далѣе на востокъ, вдоль гряды высокихъ торосовъ. Полуденнымъ наблюденіемъ опредѣлили 71° 30′ широты; счислимая долгота была 3° 54′. Не смотря на глубокій снѣгъ и чрезвычайно трудную ѣзду, сегодня проѣхали 30-ть верстъ и поздно вечеромъ остановились на ночлегъ.

Хотя 17-го Апрѣля было только 18° холода, но сильный, рѣзкій и сопровождаемый мятелью юго-западный вѣтеръ заставилъ насъ цѣлый день оставаться на мѣстѣ. Въ полдень, воспользовавшись благопріятною минутою, взяли мы высоту солнца, которая дала намъ 71° 18′ широты. Счислимая долгота 4° 4′. Склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное.

Апрѣля 18-го вѣтеръ утихъ и мы продолжали путь черезъ старые, свѣжимъ зеленоватымъ иломъ покрытые торосы. Въ 18-ти верстахъ отъ ночлега встрѣтили двухъ бѣлыхъ медвѣдей; тотчасъ погнались за ними, но охота причинила намъ болѣе вреда и потери времени, нежели выгоды, ибо, хотя послѣ долгаго боя одинъ изъ медвѣдей былъ убитъ, но мясо его оказалось такъ твердо, что не годилось даже и на кормъ собакамъ. Притомъ разсвирѣпѣвшій звѣрь переранилъ у насъ многихъ собакъ. Потерявъ большую часть дня и до крайности утомившись, мы расположились на ночлегъ. Ночью видѣли признакъ приближающейся весны: летящее на NW большое стадо черныхъ утокъ (anas nigra), здѣсь, въ сѣверныхъ странахъ Сибири, часто покрывающихъ собою, въ полномъ смыслѣ сего слова, огромныя плавающія льдины.

По полуденному наблюденію 19-го Апрѣля, мы находились подъ 71° 18′ широты и 4° 36′ счислимой долготы. Сильный сѣверо-западный вѣтеръ, поднимая густую мятель, заставилъ насъ

ранѣе обыкновеннаго остановиться и остатокъ дня провести на мѣстѣ.

На другой день, не смотря на продолжавшіеся вѣтеръ и снѣгъ, мы поѣхали далѣе. Въ 3-хъ верстахъ отъ ночлега встрѣтили гладкую полосу, окраенную съ сѣвера высокими торосами, имѣвшими направленіе къ SSO. На западъ отъ нихъ видны были ледяныя горы стараго, а на востокъ новаго образованія. Здѣсь, въ трещину, затянутую тонкимъ слоемъ льда, мы измѣряли глубину моря; она равнялась 21 сажени, на илистомъ днѣ. Теченіе замѣтили довольно быстрое къ OSO. На сѣверо-восточной части горизонта подымались темно-синіе столпы пара. Проѣхавъ сегодня всего около 39-ти верстъ, расположились ночлегомъ на высокомъ ледяномъ хребтѣ, образовавшемся отъ соединенія старыхъ и новыхъ торосовъ, изъ коихъ новые простирались на В. до краевъ горизонта.

Г. Матюшкинъ и штурманъ Козьминъ 21-го Апрѣля, рано поутру, отправились на одной легкой нартѣ искать прохода на востокъ.

Съ великимъ трудомъ проѣхали они версту на NNO, черезъ частые остроконечные торосы, и достигли края огромной полыньи, шириною, по крайней мѣрѣ, въ двѣ версты. На восточной сторонѣ ея ледъ казался изрѣзаннымъ множествомъ щелей. Съ вершины высокой льдины показывались вдали большія непокрытыя льдомъ пространства. Полынья простиралась отъ OSO къ WNW до предѣловъ горизонта, и мѣстами неслись по

ней небольшія тонкія ледяныя поля. Около сажени ниже поверхности моря замѣчено сильное теченіе на SO. Глубина была $19\frac{1}{2}$ саженъ; грунтъ зеленый илъ. Открытое море снова пресѣкло намъ дальнѣйшій путь. Мы рѣшились, согласно съ первымъ планомъ, достигнуть меридіана Шелагскаго мыса, слѣдуя по скатамъ старыхъ торосовъ, гдѣ ѣзда была удобнѣе и безопаснѣе.

Проѣхавъ всю ночь, и безпрестанно погружаясь въ глубокіе снѣга, мы подвинулись только на 27 верстъ къ SSO, принуждены были остановиться и дать роздыхъ утомленнымъ собакамъ.

По утру 22-го Апрѣля густой туманъ застилалъ всю окрестность и скрывалъ отъ насъ даже ближайшіе предметы. Когда вѣтеръ нѣсколько разсѣялъ его, на южной части горизонта ясно очертились черныя и острыя скалы *Шелагскаго мыса*, юго-западный край котораго пеленгованъ на SO 33°, отъ насъ въ 87-ми верстахъ.

Въ $3\frac{1}{2}$ часа по полудни взяли мы азимуты солнца, по которымъ исчислено склоненіе ручнаго пелькомпаса 18° 49′ вост. Полуденная высота солнца дала намъ 70° 52′ 41″ широты; долгота, по пеленгамъ, 6° 40′ къ В. отъ Большаго Баранова Камня. Счислимая долгота отстояла отъ истинной, къ западу, на 24, или на 8 миль.

Наблюденія надъ инклинаторомъ дали слѣдующій выводъ:

Дѣленіемъ къ O:
нижній конецъ стрѣлки 81° 25′
верхній —— ——— 81° 25′
среднее..... 81° 25′

Дѣленіемъ къ W:
нижній конецъ стрѣлки 78° 30′
верхній ——— ——— 78° 30′

среднее..... 78° 30′

Среднее наклоненіе стрѣлки = $79^0 57\frac{1}{2}'$

Постепенно увеличивавшаяся глубина моря и множество полыней противорѣчили близкому разстоянію, въ какомъ отъ насъ, по счисленію, находился берегъ, такъ, что дѣлали невозможнымъ, еслибы мы не были въ томъ увѣрены, самое предположеніе, что берегъ материка отстоитъ отъ насъ только на 90 верстъ. Такое замѣчаніе ведетъ къ заключенію, что наши неудачные опыты открытія предполагаемой земли нимало не опровергаютъ ея существованія, а только показываютъ, что мы, не смотря на всѣ усилія, не могли ея отыскать. Впрочемъ, не смѣю утверждать, чтобы непреодолимыя препятствія, встрѣченныя нами, и впредь сдѣлали подобныя попытки безуспѣшными. Необходимымъ считаю наконецъ замѣтить, что недавно взломанный около насъ ледъ былъ, по большей части, очень толстъ и покрытъ твердымъ снѣгомъ, а къ сѣверу казался онъ тонкимъ и обнаженнымъ; также, что сѣверные вѣтры всегда распространяютъ влажность въ воздухѣ. Отсюда можно съ достовѣрностью заключить, что свойства моря, по мѣрѣ удаленія его на сѣверъ, перемѣняются.

Къ вечеру, при свѣжемъ SSW вѣтрѣ, небо покрылось тучами. Ѣзда на SW весьма затруд-

нялась высокими торосами и глубокимъ снѣгомъ, что заставило насъ перемѣнить направленіе на SSO. Здѣсь мы замѣтили во льду полусогнившее сосновое бревно, изрубили его на мѣлкія части и взяли съ собою, благодаря судьбу за умноженіе нашего топлива. Проѣхавъ въ принятомъ направленіи 19-ть верстъ, встрѣтили непроходимые торосы, простиравшіеся до самаго Шелагскаго мыса, и увѣрились въ невозможности проникнуть далѣе. Утесы мыса рѣзко рисовались на горизонтѣ; ихъ оконечность запеленгована на SO 31°. Хотя небо совершенно было чисто и ясно, но ни на востокѣ, ни на сѣверѣ не видѣли мы признаковъ земли. Принимая въ соображеніе, что каждый, не совсѣмъ низменный берегъ бываетъ видимъ здѣсь въ разстояніи 50-ти верстъ, и что мы находились въ 80-ти верстахъ отъ Шелагскаго мыса, можно съ основаніемъ утверждать, что къ сѣверу отъ сего мыса, на разстояніи ста тридцати верстъ нѣтъ предполагаемой земли. Выше уже достаточно доказано, что на 300 верстъ къ сѣверу отъ Большаго Баранова Камня никакая земля также не существуетъ.

Мы имѣли корму собакамъ только на четыре дня, находясь въ 200-хъ верстахъ отъ нашего ближайшаго склада съ провіантомъ, что, при наступавшей притомъ веснѣ, побудило насъ обратиться назадъ. На слѣдующій день (23-го Апрѣля), мы проѣхали 26-ть верстъ, въ западномъ направленіи, черезъ торосы и рыхлый снѣгъ. Въ полдень находились подъ 70° 50′ широты и 2° 8′

счислимой долготы, къ западу отъ Шелагскаго мыса.

Послѣ полудня, въ меридіанѣ Пещанаго мыса, показалась намъ на югъ, нѣсколько выше истиннаго горизонта, низменная земля. Мы находились отъ Сибирскаго материка, по крайней мѣрѣ, въ 98-ми верстахъ, почему и могли понять, что явленіе происходило отъ обыкновеннаго въ полярныхъ моряхъ, и нами уже нѣсколько разъ замѣченнаго преломленія лучей свѣта.

Сегодняшній путь былъ совершенно подобенъ вчерашнему. Мы видѣли много медвѣжьихъ и песцовыхъ слѣдовъ, и проѣхавъ 35-ть верстъ, остановились на ночлегъ.

На слѣдующій день, полуденная высота солнца дала 70° 54′ широты; счислимая долгота 3° 12′ на западъ отъ Шелагскаго мыса. По трудной дорогѣ, черезъ торосы и глубокій рыхлый снѣгъ, проѣхали 38-мь верстъ. Вечеромъ многочисленныя стаи черныхъ утокъ тянулись высоко надъ нашею головою къ западу.

Не смотря на трудный путь, 29-го проѣхали мы 43 версты; вблизи отъ нашего ночлега нашли свѣжее осиновое бревно. Сегодня кончились наши остальные припасы и кормъ для собакъ, но какъ по счисленію, на вѣрность котораго можно было полагаться, мы находились на разстояніи дневнаго пути отъ склада съ провіантомъ, то на слѣдующій день, 27-го, смѣло продолжали

путь и подвигались довольно скоро, потому что торосы сдѣлались здѣсь рѣже и менѣе. Въ 10-ти верстахъ отъ склада встрѣтили слѣды г-на Матюшкина, въ началѣ поѣздки искавшаго здѣсь прохода на сѣверъ. Проѣхавъ всего до 40 верстъ, остановились на ночлегъ у склада съ провіантомъ. Недалеко отсюда нашли толстое сосновое бревно. Такимъ образомъ, имѣя средство обогрѣться и нѣсколько отдохнуть, а также накормить усталыхъ и голодныхъ собакъ, расположились остаться здѣсь на весь слѣдующій день. Судя по разрытымъ льдинамъ и сильно утоптанному снѣгу, должно было предполагать, что во время нашего 28-ми дневнаго отсутствія медвѣди дѣлали неоднократныя, но къ счастію безуспѣшныя попытки проникнуть къ нашимъ запасамъ. Мы нашли ихъ всѣ въ цѣлости.

Быстрое приближеніе теплаго времени и худое состояніе нашихъ нартъ дѣлали невозможнымъ продолженіе путешествія и заставили насъ возвратиться прежнею дорогою. Мы отправились по старому пути, между тѣмъ значительно поправившемуся, ибо рыхлый снѣгъ между торосами отвердѣлъ и сдѣлался совершенно плотнымъ, что намъ очень благопріятствовало, такъ, что 29-го Апрѣля проѣхали мы 55, а на слѣдующій день 50-ть верстъ, и 1-го Мая, вечеромъ, достигли берега. Здѣсь расположились мы ночлегомъ между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями.

Не смотря на чрезвычайную усталость, мы проснулись съ разсвѣтомъ и восхищались давно

невиданною землею, непокрытою снѣгомъ. Даже мореходецъ послѣ долгаго плаванія порадуется, увидѣвъ берегъ, а мы послѣ 46-ти дневнаго скитанія по пустыннымъ равнинамъ Ледовитаго моря, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, безпрестанно борясь съ опасностями и недостатками, часто не имѣя средствъ развести огонь и защищая оцѣпенѣвшіе отъ полярныхъ бурь и холода члены только легкою палаткою, съ радостью привѣтствовали землю и прибрежные холмы. Не смотря на ихъ дикость, они казались нашимъ утомленнымъ взорамъ живописными и прелестными. Зеленѣющій мохъ, низкіе кустарники и щебетаніе птичекъ показывали скорое наступленіе весны и наше возвращеніе въ оживленную страну. Радостно поздравляли мы другъ друга съ счастливымъ окончаніемъ трудовъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ исполняю я здѣсь сладостную для меня обязанность выраженіемъ искреннѣйшей благодарности моимъ ревностнымъ спутникамъ: г-мъ мичману *Матюшкину* и штурману *Козмину*, за ихъ неутомимое усердіе въ продолженіе всей поѣздки. Только ихъ дѣятельности и терпѣнію обязанъ былъ я тѣмъ, что наши проводники, слѣдуя примѣру офицеровъ, охотно и безъ ропота переносили всѣ труды и опасности.

Мая 4-го пріѣхали мы въ Походскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ другъ и сослуживецъ, лейтенантъ Анжу. Онъ прибылъ сюда съ своею экспедиціею съ Новой Сибири, чтобы черезъ Нижне-Колымскъ

возвратиться на Яну берегомъ. Неожиданное свиданіе въ отдаленныхъ льдистыхъ пустыняхъ доставило намъ великую радость. Она была однакожь помрачена видомъ бѣдствій и недостатковъ, насъ окружавшихъ. Шесть Тунгусскихъ семействъ, умирая съ голода, оставили свои степи, и напрягая послѣднія силы, пришли въ Походскъ, въ надеждѣ найдти здѣсь какую нибудь помощь и спасеніе отъ голодной смерти. Но здѣшніе жители сами были не въ лучшемъ положеніи. Истощивъ свой скудный запасъ, они питались самыми отвратительными предметами. Только близкое наступленіе весны и надежда на удачный ловъ рыбы поддерживали еще ихъ ослабѣвшія силы. Всеобщее уныніе и отчаяніе были ужасны. Мы раздѣлили весь остатокъ нашей провизіи между несчастными, и утѣшались мыслью, что спасли хоть немногихъ отъ голодной смерти.

Мая 5-го возвратились мы наконецъ въ Нижне-Колымскъ, послѣ 57-ми дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего 1,355 верстъ. Здѣсь нашелъ я новыя предписанія отъ г. Сибирскаго Генералъ-Губернатора, касательно занятій экспедиціи въ нынѣшнемъ году. Нашъ спутникъ докторъ Киберъ все еще былъ нездоровъ, страдая своею прежнею болѣзнью.

Нижне-Колымскъ, какъ мы и ожидали, былъ уже совершенно пустъ. Всѣ жители его разсѣялись по лѣсамъ и тундрамъ за промыслами. Въ мѣстечкѣ оставались только два постоянные жильца, *инвалидъ-казакъ* и *старуха-мѣщанка*

*

Сухомясиха, по обыкновенію, встрѣтившая насъ вкуснымъ пирогомъ и дѣятельною услужливостью старавшаяся изгладить въ насъ воспоминанія о понесенныхъ трудахъ и лишеніяхъ.

Мая 10-го шелъ первый дождь, но вскорѣ послѣ того выпалъ довольно глубокій снѣгъ. Мая 17-го на берегу, въ мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ вліянію солнца, показалась молодая трава, а 22-го тронулся по Колымѣ ледъ, въ нынѣшнемъ году покрывавшій рѣку 259-ть дней. Съ тѣмъ вмѣстѣ выступила изъ береговъ вода и принудила насъ, 26-го числа, оставить избу и расположиться со всѣми собаками, вещами и припасами, на ея плоской кровлѣ. Здѣсь, какъ будто на уединенной скалѣ среди океана, ожидали мы, единственныя живыя существа въ мѣстечкѣ, окончанія наводненія, приблизивъ къ себѣ карбасъ и яликъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ большей опасности спасаться на Пантелеевскую сопку, и при самой высокой водѣ составляющую безопасное убѣжище. Жители передъ отъѣздомъ на лѣтніе промыслы обыкновенно выставляютъ все свое движимое имущество на крыши; и теперь всѣ онѣ были завалены ящиками, боченками, санями, и проч.

Мая 31-го вода начала сбывать, и мы спустились въ избу, но еще долгое время, не смотря на безпрерывный огонь очага, жили въ холодной и сырой атмосферѣ.

═

ГЛАВА VI.

—

Путешествие по Каменной тундрѣ, лѣтомъ 1822 года.

—

Лѣтніе мѣсяца 1822-го года предположено было отдѣлить на описаніе морскаго берега отъ устья Колымы до Большаго Баранова Камня и повѣрку астраномическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ 1821-мъ году.

Когда весенній разливъ рѣкъ прекратился, я послалъ, 11-го Іюля, четырехъ надежныхъ людей въ деревню Пантелеевку, и оттуда велѣлъ ѣхать на лошадяхъ въ новый станъ нашъ, съ порученіемъ выстроить карбасъ, настрѣлять гусей и лебедей, и наловить, какъ можно болѣе, рыбы, всегда составлявшей главную часть зимнихъ запасовъ экспедиціи.

Іюня 23-го отправился я, съ лейтенантомъ Анжу, мичманомъ Матюшкинымъ и штурманомъ

Козьминымъ, внизъ по рѣкѣ, на катерѣ *Колыма*, и осмотрѣлъ рыбныя ловли въ селеніяхъ Крестовомъ, Черноусовѣ и Походскѣ. Здѣсь разстался съ нами лейтенантъ Анжу и поѣхалъ верхомъ, съ тремя проводниками, черезъ тундру къ берегамъ Индигирки. Іюня 26-го достигли мы скалистаго мыса *Крестъ*, на правомъ берегу Колымы, и застали тамъ два Русскія семейства, посѣтившія сію страну для рыбной ловли. Въ 15-ти верстахъ отсюда впадаетъ въ Колыму небольшая рѣчка *Пантелеевка*.

Мѣстоположеніе урочища во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ существенныя преимущества передъ Нижне-Колымскомъ, такъ, что перемѣщеніе сюда городка, вѣроятно, имѣло бы выгодное вліяніе не только на городскихъ, но и вообще на всѣхъ окружныхъ жителей. Возвышенный берегъ не покрывается здѣсь весеннею водою и представляетъ сухую площадь, гдѣ удобно могутъ помѣститься всѣ зданія Нижне-Колымска. Наносный лѣсъ, лучшаго качества, для строенія, попадается здѣсь во множествѣ, а берега и острова представляютъ отличныя пастбища, могущія доставлять лошадямъ достаточное количество сѣна на зиму. Вообще прозябеніе здѣсь гораздо сильнѣе и разнообразнѣе, нежели въ окрестностяхъ Нижне-Колымска. Лиственница достигаетъ порядочной высоты и стволъ ея гораздо вѣтвистѣе; окрестности изобилуютъ разными полезными травами и ягодами. Кромѣ того, Крестъ лежитъ въ центрѣ всѣхъ селеній и деревень, жители кото-

рыхъ нѣсколько разъ въ годъ должны посѣщать острогъ для покупки съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей. Перемѣщеніе острога изъ Нижне-Колымска въ Крестъ можно произвести легко, потому, что взаимное разстояніе ихъ всего 25 верстъ, внизъ по рѣкѣ, и переносъ немногихъ, достойныхъ того строеній, не можетъ стоить большихъ трудовъ и издержекъ. Наконецъ, положеніе Креста гораздо пріятнѣе и здоровѣе, а отъ близьлежащихъ холмовъ и лѣсовъ самый воздухъ здѣсь не столь суровъ и холоденъ, какъ въ Нижне-Колымскѣ. Словомъ, перемѣщеніе сюда мѣстечка было бы истиннымъ благодѣяніемъ и имѣло въ короткое время самыя выгодныя послѣдствія на всю страну.

Крутой берегъ, заворачивающійся здѣсь на NO 40°, состоитъ изъ твердой каменной глины, темно-краснаго и зеленаго цвѣта; послѣдняя, нерѣдко похожая на зеленый шиферъ, лежитъ слоями, по направленію отъ NO 60° къ SO 30° и по наклону къ горизонту подъ угломъ 65°.

Противный вѣтеръ задержалъ насъ цѣлый день, и только 28-го Іюля могли мы продолжать путь. На протяженіи 15-ти верстъ сѣверный берегъ крутъ и утесистъ. Скалы, того же образованія, какое подлѣ Креста, тянутся вдоль по теченію воды, но потомъ уклоняются во внутренность страны и примыкаютъ къ западному скату *Суровской* горы, омываемой Пантелеевскою, имѣющею свой источникъ въ такъ называемыхъ, *Бѣлыхъ Камняхъ*, и впадающею здѣсь въ Колы-

му, образуя устье въ 12-ть сажень шириною. Отсюда поплыли мы вверхъ по Пантелеевкѣ. Полная нартенная упряжка довольно быстро тянула лодку нашу бичевою противъ теченія воды. До деревни Пантелеевой, лежащей въ 17-ти верстахъ отъ устья, берега рѣки состоятъ изъ чернозема и обросли тальникомъ, ольховникомъ и мѣстами обгорѣлымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Продолжительная теплая погода наполнила воздухъ роями комаровъ, истинною язвою Сибирскихъ тундръ, такъ, что мы радовались, когда достигли деревни Пантелеевой и заперлись въ дымномъ сараѣ. Селеніе расположено на лѣвомъ берегу рѣки, среди пространной равнины, поросшей тучною травою и усѣянной озерами, обильными рыбою. Зимою живутъ здѣсь, въ восьми хижинахъ, семь семействъ, лѣтомъ по большей части переходящихъ на Колыму. Гора Пантелеева, съ ея раздвоенною вершиною, въ 8-ми верстахъ отсюда, на противоположномъ берегу рѣки.

Здѣсь встрѣтили мы неутомимаго купца Бережнаго, нашего спутника во второй поѣздкѣ по Ледовитому морю, и онъ выручилъ насъ изъ большаго затрудненія. Не смотря на всевозможныя старанія, не могъ я достать себѣ въ Нижне-Колымскѣ лошадей, необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія, и вѣроятно, провелъ бы все короткое лѣто въ тщетныхъ поискахъ, еслибы Бережной самъ не предложилъ намъ десять изъ своихъ лошадей, рѣшительно отказываясь отъ всякой за то платы. Онъ ѣхалъ къ Чаунской губѣ за ма-

монтовыми костями, и узнавъ, что г. Матюшкинъ также предполагаетъ посѣтить тѣ мѣста, добровольно вызвался ему сопутствовать.

Слѣдующій день занимались мы окончательными приготовленіями къ путешествію, и пользуясь свободнымъ временемъ и хорошею погодою, посѣтили Пантелееву гору. До самой вершины ея идетъ узкая дорожка, протоптанная здѣшними жителями, обыкновенно собирающими на горѣ, растущую тамъ въ изобиліи, голубицу (vaccinium uliginosum). Такою работою занимаются здѣсь дѣвушки, нестѣсненныя заботами хозяйства. Съ половины Августа, ежедневно, съ утра до ночи, на горѣ раздаются ихъ веселыя пѣсни.

Правый берегъ рѣки, на разстояніи шести верстъ, постепенно, но почти незамѣтно возвышается; далѣе неровности и возвышенія становятся значительнѣе и примыкаютъ къ подошвѣ сопки. Подымаясь на порядочную высоту, она защищаетъ собою отъ дѣйствія холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ равнину, на югъ лежащую, и много способствуетъ прозябенію. Густой лиственничный лѣсъ, покрывавшій южный скатъ горы и сосѣднюю равнину, пятьдесятъ лѣтъ тому сдѣлался жертвою пожара, истребившаго въ то время всѣ лѣса на сѣверъ отъ Анюя. Замѣчательно, что только за два года снова показался лиственничный подростъ, но молодыя деревья составляютъ уже, хотя невысокую, но прекрасную рощу, среди поля, испещреннаго цвѣтами. Выше, на горѣ, растутъ душица, богородская трава, ромашка,

а по камнямъ стелется сланецъ, и наконецъ тальникъ, ближе къ вершинѣ горы, являющійся только отдѣльными листочками. Между низменными кустарниками зеленѣетъ мохъ, но самая вершина сопки совершенно обнажена. Разительная противоположность голой, черной вершины съ подошвою горы, покрытою яркою зеленью лиственницы и испещренною пышными цвѣтами, дѣлаетъ видъ подгорья еще прелестнѣе.

Отсюда осмотрѣли мы окрестность. Отъ сѣверозапада до юга сливается съ горизонтомъ необозримая низменная тундра, изрѣзанная озерами, унизывающими лѣвый берегъ Колымы и устья обоихъ Анюевъ. Колыма, съ ея безчисленными, отчасти зеленѣющими, отчасти обнаженными островами, открывается отсюда на протяженіе 130-ти верстъ, до самого моря. Сѣверную часть горизонта заслоняла отъ насъ гряда плоскихъ горъ; за ними показывались покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ вершины *Сухарныхъ горъ*, а еще далѣе, на сѣверъ, черные зубчатые верхи прибрежныхъ скалъ Ледовитаго моря. На востокъ подымаются *Бѣлые Камни*. Хребетъ ихъ идетъ на OSO, а потому представляется отсюда отдѣльною горною купою. На юго-востокъ и югъ стелется низменная равнина, обставленная по горизонту цѣпью горъ, которыя тянутся по берегамъ рѣкъ Анюя и Тимкины. Такимъ образомъ съ Пантелеевой сопки открывается пространство около 300 верстъ въ поперечникѣ.

Самая вершина горы покрыта обломками чер-

наго аспида и изрѣдка бѣлаго гранита. Слои твердаго камня горы нигдѣ не показываются. Южный скатъ наклоненъ къ горизонту подъ угломъ 30°, а сѣверный идетъ гораздо крутѣе. Ущелій, и даже значительныхъ овраговъ, мы не замѣтили.

Кромѣ главной вершины, на западномъ скатѣ горы другое значительное возвышеніе, рядомъ небольшихъ холмовъ соединяющееся съ Суровою горою, какъ первая вершина такимъ же образомъ примыкаетъ къ Бѣлымъ Камнямъ. Высота главной вершины, взятая изъ Нижне-Колымска, равнялась 0° 48′ 45″, а разстояніе ея оттуда 14,758 саженямъ; слѣдственно, гора подымается на 1,491 Англійскихъ футовъ надъ горизонтомъ острога. При тихой, ясной погодѣ, въ 5-ть часовъ пополудни, термометръ Реом. показывалъ на вершинѣ горы $1\frac{1}{2}$°, а при подошвѣ горы 5° тепла.

Взявъ съ горы пеленги самыхъ замѣтныхъ пунктовъ окрестности, мы возвратились въ деревню. По полуденной высотѣ солнца, взятой 29-го Іюня, она лежитъ подъ 68° 57′ широты и 0° 40′ долготы, на востокъ отъ Нижне-Колымска. Склоненіе ручнаго пелькомпаса было $12\frac{1}{2}$° вост.

По закатѣ солнца ртуть въ термометрѣ тотчасъ спустилась ниже 0, а къ ночи густыя тучи облегли со всѣхъ сторонъ гору и поднялся сильный западный вѣтеръ. На разсвѣтѣ верхняя часть горы была покрыта снѣгомъ; въ долинѣ шелъ проливной дождь. Непогода задержала насъ здѣсь до 1-го Іюля. Тогда атмосфера очистилась и

воздухъ сдѣлался снова теплый, такъ, что мы могли продолжать путь. Г. Матюшкинъ отправился съ купцомъ Бережнымъ въ Островное на Малый Анюй, взять тамъ толмача Чукотскаго языка и ѣхать къ Чаунской губѣ. Мой путь лежалъ на сѣверъ къ Барановымъ Камнямъ, гдѣ, согласно съ моею инструкціею, должно было повѣрить опредѣленіе широты, сдѣланное капитаномъ Биллингсомъ въ 1787 году. Меня сопровождали штурманъ Козьминъ, матросъ и два Якута, съ шестью вьючными лошадьми.

Въ первый день проѣхали мы только 11-ть верстъ, по низменности, между горами Пантелеевою и Суровою, и остановились ночевать на сѣверномъ скатѣ Суровой, подлѣ небольшаго озера. Страна, насъ окружавшая, ни чѣмъ не защищенная отъ вліянія холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, представляла видъ самый унылый и пустынный. Лиственница, столь пышно и могущественно произрастающая за горою, превращается здѣсь въ низменный, изогнутый кустарникъ; мѣстами стелются тальникъ и березовый ерникъ, не болѣе фута вышиною. Обгорѣлые пни и кусты, слѣды пожара, дѣлаютъ картину еще печальнѣе. Въ долинахъ, между горами, грунтъ глинистый, но дно озера, подлѣ котораго мы остановились, было покрыто крупнымъ пескомъ, и отъ того озерная вода была чиста и прозрачна.

Не смотря на унылыя окрестности, мы провели однакожь вечеръ довольно пріятно. Воздухъ былъ теплый, небо ясное, и даже въ полночь термо-

метръ стоялъ на 5° тепла. Въ гладкой поверхности озера рисовались вершины Пантелеевой горы и Бѣлыхъ Камней. Я воспользовался спокойствіемъ воды, и взялъ секстанами угловую высоту видимыхъ горъ. Такимъ наблюденіемъ, съ помощію прежде взятыхъ пеленговъ и полуденныхъ высотъ, опредѣлилъ я слѣдующія возвышенія:

Средняя вершина Бѣлыхъ Камней.....	2,509	Англ. ф.
Восточная вершина Пантелеевой.....	$1,739^{3}/_{4}$	— —
Западная ——— ———.....	1,167	— —

Въ глубокихъ ущельяхъ Бѣлыхъ Камней лежало еще много снѣга, отчасти никогда нетающаго, отъ чего произошло и названіе сихъ горъ. Вершины ихъ не были покрыты снѣгомъ, что происходитъ не столько отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, или теплоты, сколько отъ сильныхъ порывистыхъ вѣтровъ, перѣдко среди зимы свѣвающихъ снѣгъ съ возвышеній. Такое обстоятельство весьма затрудняетъ здѣсь точное обозначеніе высоты снѣжной линіи. Извѣстно, что въ Сибирскихъ тундрахъ, открытыхъ вліянію солнечныхъ лучей, растаиваетъ слой земли не толще 4-хъ и 6-ти вершковъ. На берегу моря всегда находятся выкинутыя льдины, не тающія лѣтомъ, и тамъ же, а отчасти и въ долинахъ, снѣгъ лежитъ иногда отъ одной зимы до другой, и вѣроятно, море было бы сковано вѣчнымъ льдомъ, еслибы напоръ рѣчной воды и господствующіе здѣсь весною сильные вѣтры не разламывали его.

Іюля 2-го, по полуденной высотѣ солнца, мы

нашли 68° 41′ 49″ широты и 160° 51′ долготы, на востокъ отъ Гринвича. Магнитная стрѣлка склонялась на $12^1/_2$° къ востоку. Термометръ показывалъ 8° тепла.

Мы слѣдовали по теченію разныхъ ручейковъ, скатывающихся съ горъ Пантелеевой и Суровой, и впадающихъ въ рѣчку *Филиповку*, на берегахъ которой расположились мы ночевать, проѣхавъ сегодня всего 20-ть верстъ. Дорога шла по глинистому болоту, изрѣдка покрытому тальникомъ и изсохшими лиственничными кустами. На берегахъ рѣчки растутъ однакожь довольно высокія и прямыя ивы и лиственницы, а также попадаются голубица и княженика (rubus arcticus), у которой листья, какъ у земляники, а ягоды на подобіе малины, но она отличается нѣжнымъ ароматическимъ вкусомъ и запахомъ, такъ, что трудно повѣрить, что она созрѣваетъ въ здѣшнемъ климатѣ.

Рѣчка Филиповка вытекаетъ изъ Бѣлыхъ Камней, течетъ довольно быстро по песчаному дну и впадаетъ въ Колыму. Въ ней ловится въ изобиліи рыба *харіусъ*, изъ рода salmo thymallus. Филиповская долина въ прежнія времена славилась множествомъ *сохатыхъ*, или Сибирскихъ лосей. Большой лѣсной пожаръ, въ 1770 году, разогналъ ихъ, но въ послѣдствіи, когда лѣсъ снова началъ подростать, они опять появились, и въ короткое время такъ размножились, что въ 1812-мъ году рѣдкій охотникъ не убивалъ здѣсь полудюжины сохатыхъ. Десятеро жителей де-

ревни Пантелеевки на свою долю застрѣлили семьдесятъ. Нельзя утвердительно сказать, по какой причинѣ послѣ того сохатые опять исчезли, но упоминаемая мною была послѣдняя счастливая охота. Въ наше пребываніе появленіе сохатаго въ Колымскомъ округѣ почиталось уже рѣдкостью и составляло эпоху въ охотничьемъ промыслѣ. По Омолонѣ и къ югу оттуда лоси еще водятся, но въ маломъ количествѣ. Уходъ сего полезнаго звѣря имѣлъ самое пагубное вліяніе на жителей Колымскаго края, ибо они лишились въ немъ единственнаго пособія на случай неудачной рыбной ловли и оленьей охоты.

Іюля 3-го, при южномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ по утру 8°, а въ полдень $10\frac{1}{2}$° тепла. Не смотря на пріятность такой погоды, мы нетерпѣливо ожидали однакожь возвращенія холода, избавлявшаго насъ и лошадей отъ множества комаровъ. Полуденная высота солнца дала 68° 52′ 59″ широты, въ долг. 162° 4′ восточн. отъ Гринвича *. Магнитная стрѣлка склонялась на 13° къ востоку.

Слѣдуя извивистому теченію Филиповки, мы поѣхали на сѣверъ, имѣя въ виду Сухарныя горы. Проѣхавъ 10-ть верстъ, оставили мы берега рѣчки и направили путь нашъ на NW, чтобы переправиться черезъ горную гряду, связывающую Сухарныя горы съ *Ларіоновымъ Камнемъ*, стоящимъ на правомъ берегу Колымы. Не надѣясь

* Долготы считаны здѣсь вообще къ востоку отъ Гринвича, почему въ послѣдствіи особо о томъ упоминаемо не будетъ.

найдти вблизи хорошей травы для лошадей, я рѣшился остановиться здѣсь на ночлегъ. Тутъ, подъ 69° 5′ широты, прекращается высокоствольный лѣсъ и мѣсто его заступаетъ низменный, стелющійся кустарникъ, въ палецъ толщиною. Мы достигли предѣла *Каменной тундры*, необозримой голой равнины, усѣянной большими камнями и скалами и обставленной со всѣхъ сторонъ снѣжно-вершинными горами. Холодъ былъ здѣсь чувствителенъ и заставилъ насъ закутаться въ шубы. При захожденіи солнца ртуть въ термометрѣ спустилась на 1° ниже нуля.

На слѣдующій день поднимались мы на горный хребетъ, около девяти верстъ, до того мѣста, откуда начинается спускъ. Всю дорогу ѣхали мы по тропинкѣ, пробитой стадами оленей. На вершинѣ гряды, изъ полуденной высоты солнца, вывели 69° 5′ 22″ широты, въ 162° 6′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 15° къ востоку. При ясной погодѣ совершенно видны отсюда устья Колымы, но густой туманъ позволилъ намъ взять только два пеленга.

Сѣверный скатъ гряды, черезъ которую мы переѣхали, былъ совершенно различенъ отъ южнаго, который поднимается постепенно и едва замѣтно, когда сѣверный, напротивъ, круто спускается въ узкую низменную долину, идущую по направленію SW 56°, и состоящую изъ нѣсколькихъ параллельныхъ отлогихъ террасъ. Каменныхъ слоевъ мы не замѣтили, но все пространство бы-

ло усѣяно обломками бѣлаго гранита и чернаго шифера.

Направо отсюда подымаются *Сухарныя горы*, составляя узелъ, отъ котораго расходятся хребты и гряды, перерѣзывающіе всю страну. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сопокъ, идущихъ на NNO и покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Мы отправились далѣе по ихъ направленію, слѣдуя извилинамъ долины, замкнутой съ одной стороны Сухарными горами, а съ другой возвышеніями, обставляющими правый берегъ Колымы. Для отдыха лошадямъ остановились мы у небольшой рѣчки, *Каменной Виски*, впадающей въ Колыму, огибая сѣверный скатъ Ларіонова Камня. Въ 8-ми верстахъ отсюда переправились мы черезъ первый рукавъ Сухарнаго ручья, и остановились на ночлегъ, проѣхавъ еще 6-ть верстъ, у другаго рукава того же ручья, на лугу, поросшемъ сочною травою. Въ долинахъ лежало еще много снѣга и лошади наши шли черезъ него не проваливаясь. Ночью, при тихомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ $2^1/_2$° холода.

Іюля 5-го, по полуденному наблюденію, мы находились подъ 69° 17′ 55″ широты и 162° 03′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было $5^1/_2$° восточн. Мы переправились еще черезъ два довольно быстрые рукава Сухарнаго ручья. Сіи протоки, соединяясь, впадаютъ въ Колыму противъ Сухарнаго балагана. Въ долинѣ течетъ еще, такъ называемый, *Глубокій*

ручей, омывая противоположный скатъ невысокихъ холмовъ, идущихъ вдоль праваго берега Сухарнаго ручья, и впадая въ Колыму недалеко отъ Лаптева маяка. Берега Глубокаго ручья земляные, и въ нихъ находятъ промышленники много мамонтовыхъ костей. Переправясь черезъ холмы, достигли мы *Медвѣжьей рѣчки*, извивающейся по долинѣ, образованной скатами прибрежныхъ холмовъ и Сухарныхъ горъ, загибающихся здѣсь на юго-востокъ. Она значительнѣе предшествовавшихъ, до 10-ти саженъ шириною, и мѣстами такъ глубока, что черезъ нея нельзя переправляться въ бродъ. Здѣсь линяло множество дикихъ гусей и мы дополнили ими нашу мясную провизію, уже нѣсколько дней совершенно истощенную. На сухихъ пещаныхъ мѣстахъ растетъ здѣсь дикій лукъ, составившій весьма вкусную и здоровую приправу нашей похлебкѣ.

Мы ночевали у подошвы горы, примыкающей къ Барановымъ Камнямъ. Въ полночь, при 3° холода, шелъ снѣгъ. Къ утру, при ясномъ небѣ, ртуть поднялась на 5° тепла. Путь нашъ лежалъ черезъ прибрежные холмы, идущіе параллельно съ берегомъ моря. Они состоятъ изъ слоевъ льда и земли, и отдѣляются одинъ отъ другаго глубокими оврагами. Съ вершины одного изъ нихъ осмотрѣли мы Ледовитое море. На сѣверъ носились огромныя ледяныя горы, а на востокъ, при далеко выдавшемся въ море Большомъ Барановомъ Камнѣ, до самаго материка стоялъ неподвижный, сплошной ледъ.

Мы выѣхали на берегъ при Маломъ Барановомъ Камнѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 35 лѣтъ тому приставалъ во время своей экспедиціи капитанъ Биллингсъ и поставилъ, до нынѣ хорошо сохранившійся, деревянный крестъ, съ надписью: *1787 года, 12-го Іюля.* Для повѣрки сдѣланныхъ имъ тогда наблюденій остановились мы здѣсь на ночлегъ. Погода на слѣдующій день благопріятствовала нашимъ работамъ. При чистомъ небѣ и небольшомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ термометръ показывалъ 5° тепла.

По наблюденіямъ двумя секстантами полуденной высоты солнца широта мѣста вышла 69° 38′ 00″, при долготѣ по нашимъ прежнимъ наблюденіямъ 162° 49′.

Соотвѣтствующіе азимуты солнца показывали склоненіе ручнаго компаса на $12\frac{1}{2}$° къ востоку. Такое внезапное уменьшеніе склоненія казалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что по мѣрѣ увеличенія широты мѣста, оно здѣсь вообще увеличивается.

Для повѣрки другихъ наблюденій капитана Биллингса поѣхали мы на востокъ, вдоль скалистаго берега, по крутымъ изрытымъ тропинкамъ, гдѣ наши лошади неоднократно падали и заставляли насъ часто останавливаться. Такая дорога и безпрестанные, сильные порывы вѣтра въ глубокихъ оврагахъ затрудняли и замедляли наше путешествіе, такъ, что съ трудомъ достигли мы мѣста, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ наблюденія 29-го Іюня, а именно, устья небольшой рѣчки, впадающей въ бухту, на западной

сторонѣ Баранова Камня, тамъ, гдѣ онъ наиболѣе выдался въ море.

Западная сторона мыса состоитъ изъ простаго кварца, щетки котораго, правильныхъ кристалловъ, попадаются въ дюймъ величиною. Кажется, что кварцовый слой идетъ подлѣ моря на NO 20°—SW 20°, наклоняясь къ горизонту подъ угломъ 65°. На востокъ не видно каменныхъ слоевъ, но вся поверхность завалена грудами весьма плотнаго чернаго шифера, проросшаго кварцомъ. На самомъ берегу лежатъ неправильные слои бѣлаго мѣлко-зернистаго гранита; обломки его разбросаны и по горѣ.

При ясной погодѣ и 7° тепла, 8-го Іюля, мы продолжали наши наблюденія двумя инструментами, по коимъ полуденная высота солнца дала широту мѣста 69° 41′ 48, при долготѣ 163° 19′, а склоненіе магнитной стрѣлки было 13° на востокъ.

Окончивъ наши занятія, мы поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ свои наблюденія 6-го Іюля, руководствуясь для отысканія его картою, выданною намъ изъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Восточный скатъ горы, черезъ которую мы переправились, и отлогій берегъ, поросли тучною травою. На нихъ паслись значительныя стада дикихъ барановъ, во множествѣ здѣсь водящихся; съ неимовѣрною быстротою карабкаются они по крутымъ скаламъ мыса. Отъ нихъ, какъ выше было мною замѣчено, происходитъ и са-

мое название Барановыхъ Камней. Дорога черезъ гору была весьма утомительна, потому, что отъ подошвы до вершины покрыта она огромными глыбами бѣлаго гранита, составляющаго и кекуры на вершинѣ, видъ которыхъ четыреугольные параллелопипеды, отъ 50-ти до 60-ти футовъ вышиною, а сѣверныя и южныя стороны нѣсколько шире. На востокъ отъ гранита идетъ опять шиферъ, необразующій однакожь кекуръ, а вертикально упирающійся въ море продолговатымъ мысомъ (по здѣшнему *отпрядышемъ*), въ 30 футовъ вышиною.

Вообще у сихъ горъ отлогіе скаты на WNW и OSO, а на O и W крутые. У ложбинъ, по которымъ текутъ ручьи и рѣчки, впадающіе въ море, направленіе также на WNW. Съ вершины видно значительное пространство моря. Весь заливъ между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями былъ покрытъ неподвижнымъ льдомъ; огибая мысы, онъ простирался до предѣла горизонта. Вечеромъ было совершенное безвѣтріе, при чистомъ небѣ, а въ полночь термометръ показывалъ 5° тепла.

По полуденной высотѣ солнца, взятой 9-го Іюля, однимъ секстантомъ, мы опредѣлили 69° 40′ 34″ широты, при 163° 52′ долготы; склоненіе магнитной стрѣлки было $13\frac{1}{2}$° восточн. Мысъ Малаго Баранова Камня (за которымъ дѣлали мы наблюденія 8-го Іюля) лежалъ отъ насъ въ 7-ми Итальянскихъ миляхъ, по пеленгу на SW 89° 30′.

Не могу утверждать, чтобы мы определили широту *именно того самаго мѣста,* гдѣ наблюдалъ въ 1787 году капитанъ Биллингсъ. Берегъ здѣсь однообразенъ, вездѣ крутъ, безъ всякихъ мѣстныхъ, отличительныхъ признаковъ, и мы могли руководствоваться только однимъ показаннымъ у Биллингса разстояніемъ отъ Малаго Баранова Камня.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудилъ насъ отклониться отъ берега и приблизиться къ многочисленнымъ озерамъ, прорѣзывающимъ всю сію страну и составляющимъ любимое пристанище линяющихъ гусей. Намъ удалось въ короткое время застрѣлить ихъ 15-ть штукъ, что для настоящаго времени года, по увѣренію нашихъ проводниковъ, было весьма счастливою охотою. Въ прежнія времена, гусиная охота бывала здѣсь обыкновенно весьма изобильна, но съ нѣкотораго времени гуси предпочитаютъ, кажется, берега Индигирки, гдѣ туземцы убиваютъ ихъ тысячами на кормъ собакамъ, запасаясь на зиму. Гусей добываютъ здѣсь двоякимъ образомъ: бьютъ въ полѣ палками, или загоняютъ стаю ихъ въ пустой уросъ и рѣжутъ. Въ обоихъ случаяхъ, особенно въ первомъ, требуется навыкъ и большое проворство охотника. Линяющіе гуси, потерявъ перья изъ крыльевъ, не могутъ летать, но за то бѣгаютъ по тундрѣ, такъ скоро, что ихъ почти невозможно догнать. Видя опасность и не надѣясь уйдти, они ложатся на землю, протягиваютъ шею, и спрятавъ голову подъ мохъ, или подъ кочку, лежатъ неподвижно, какъ уби-

тые; неопытный охотникъ легко проходитъ мимо. Въ каждой большой стаѣ гусей свой вожатый, котораго всѣ другіе покидаютъ только при самой крайней опасности. Здѣшніе жители различаютъ четыре породы гусей: *бѣлый гусь*, прежде во множествѣ водившійся по берегамъ Ледовитаго моря, а нынѣ совершенно исчезнувшій; *гуменникъ*, обыкновенный дикій гусь, самый крупный изъ сѣрыхъ; *козарка* и *пискунъ*, оба гораздо менѣе другихъ породъ, такъ, что пискуны ростомъ немного выше домашней утки, или, по здѣшнему, *острохвостки*.

Нѣкоторыя изъ озеръ окружены довольно высокими земляными холмами, гдѣ находятъ много мамонтовой кости. Сія холмистая, усѣянная озерами равнина обставлена съ юга цѣпью горъ, далеко изгибающеюся внутрь страны и соединяющею Малый Барановъ Камень съ Большимъ, который издали походитъ на отдѣльный островъ.

Гусиная охота вывела насъ на берегъ въ 15-ти верстахъ на востокъ отъ Большаго Баранова Камня. Значительное пространство моря покрывалось еще сплошнымъ льдомъ. Здѣсь провели мы ночь, а на другой день (10-го Іюля), при совершенномъ безвѣтріи и при 7° тепла, поѣхали далѣе.

Капитанъ Биллингсъ сдѣлалъ свое четвертое и послѣднее наблюденіе на сѣверо-восточной оконечности Большаго Баранова Камня; туда и мы отправились, оставя обоихъ проводниковъ нашихъ на мѣстѣ, для продолженія охоты.

При устьѣ *Земляной рѣчки*, извивающейся меж-

ду горами, замѣтили мы многочисленную стаю гусей; увидѣвъ насъ, съ крикомъ бросились они въ море, переплыли черезъ полынью на твердый ледъ и быстро скрылись изъ вида. Въ послѣдствіи имѣлъ я случай замѣтить, что и олени, спасаясь отъ охотниковъ, переплываютъ на морской ледъ. Взбираясь на южный свѣсъ Большаго Баранова Камня, мы увидѣли въ небольшой долинѣ стадо дикихъ оленей, щипавшихъ молодую траву. Къ несчастію, лай собакъ нашихъ перепугалъ ихъ и намъ ни одного не удалось застрѣлить. Спустясь въ долину, замѣтили мы большіе клочья оленьей шерсти; вѣроятно, для линянья олени выбираютъ берега моря, гдѣ избавляются отъ преслѣдованія комаровъ.

По удобной дорогѣ, вдоль отлогаго берега, достигли мы горы, черезъ которую должно было намъ перебираться, ибо восточный и западный скаты Большаго Баранова Камня спускаются обрывами въ море. Черезъ южную гору перешли мы довольно легко, хотя крутость сѣверной стороны нѣсколько затрудняла спускъ, но переходъ черезъ сѣверную гору представлялъ намъ гораздо большія препятствія. Крутые скаты горы состояли здѣсь изъ каменныхъ, гладкихъ слоевъ и покрыты были множествомъ обломковъ гранита и аспида, скользившихъ изъ-подъ ногъ; скатываясь съ ужасной высоты въ море, они ежеминутно угрожали увлечь за собою всадниковъ и лошадей. Съ неимовѣрными усиліями продолжая путь цѣлые полчаса, я увѣрился въ не-

возможности достигнуть горной вершины и рѣшился попытаться обойдти гору съ юга, черезъ возвышеніе, связывающее ее съ южною горою, что намъ удалось, и мы выѣхали, по глубокому оврагу, снова на сѣверъ, къ берегу моря, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ скала поворачиваетъ къ SO.

По моему мнѣнію, здѣсь былъ тотъ самый пунктъ, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ свои наблюденія 21-го Іюля 1787 года. Мѣсто замѣтно тутъ потому, что высокая, скалистая, сѣверо-восточная сторона камня примыкаетъ здѣсь къ болѣе отлогому берегу, а къ западу отсюда, на высокомъ холмѣ, стоятъ нѣсколько кекуръ, самыхъ восточныхъ на всемъ пространствѣ берега.

Большой Барановъ Камень составляютъ собственно двѣ горы, соединенныя по направленію на NNO крутою грядою, но каждая изъ нихъ образуется также изъ двухъ возвышенностей, продолговатыхъ, по направленію WNW. Впрочемъ, издали сіи раздѣленія незамѣтны и весь мысъ представляетъ видъ длинной крыши, заостренной къ сѣверу. Восточная сторона скалы изъ чернаго шифера, а западная изъ бѣлаго гранита; направленія слоевъ нельзя было разсмотрѣть, ибо все пространство изрѣзано здѣсь щелями и покрыто множествомъ камней. Находящіеся на западъ кекуры, также изъ бѣлаго гранита, стоятъ въ два ряда, по направленію на NNO, и всѣ нѣсколько наклонены къ OSO.

Вечеръ сегодня былъ лучшій изъ всего лѣта.

Термометръ въ полночь показывалъ 10° тепла, при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи. Напротивъ, на другой день, Іюля 11-го, при 5° тепла, дулъ свѣжій западный вѣтеръ. Полуденными наблюденіями, двумя секстанами, найдена широта 69° 43′ 56″, при долготѣ 164° 10′. По соотвѣтствующимъ азимутамъ, склоненіе магнитной стрѣлки было 12° 35′ восточное.

Въ 2 часа по полудни густой туманъ покрылъ всю окрестность; вскорѣ пошелъ дождь, и такая погода стояла до 19-го Іюля. По счастію, мы успѣли уже повѣрить всѣ сдѣланныя Биллингсомъ наблюденія. Изъ слѣдующей таблицы яснѣе усмотрится разность широтъ, опредѣленныхъ въ 1787 и 1822 годахъ.

МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	1787 г.	ШИРОТЫ.	1822 г.	ШИРОТЫ.	РАЗНОСТЬ.
У северн. мыса Малаго Баранова Камня.	Іюня 29.	69° 27′ 26″	Іюля 8.	69° 41′ 48″	14′ 22″
Между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями	Іюля 6-го.	69° 27′ 43″	Іюля 9.	69° 40′ 34″	12′ 51″
На W сторонѣ Малаго Баранова Камня.	Іюля 12, 13.	69° 22′ 48″ 69° 22′ 44″	Іюля 7.	69° 38′ 00″	15′ 14″
У NO оконечности Большаго Баранова Камня.	Іюля 21.	69° 35′ 56″	Іюля 11.	69° 43′ 56″	8′ 00″
Въ Нижне-Колымскомъ острогѣ.		68° 17′ 14″		68° 31′ 51″	14′ 37″

Здѣсь надобно еще замѣтить, что Биллингсово наблюденіе 21-го Іюля дѣлано было съ корабля,

въ 3-хъ миляхъ на сѣверъ отъ Большаго Баранова Камня *, слѣдственно, разность въ широтѣ увеличится до 11-ти миль, если мѣсто нашего наблюденія 11-го Іюля находится именно на томъ самомъ меридіанѣ, гдѣ стоялъ корабль Биллингса. Въ противномъ случаѣ, самая малая разница въ долготѣ обоихъ пунктовъ произведетъ значительное различіе въ широтѣ, потому, что берегъ круто изгибается здѣсь по меридіану.

Выше было уже сказано, что нельзя съ точностью опредѣлить пункта, съ котораго наблюдалъ Биллингсъ; слѣдственно, только о трехъ изъ его наблюденій можно достовѣрно утверждать, что они были нами повторены, а именно: о первомъ, третьемъ и пятомъ, въ коихъ разность довольно одинакова, около 14′.

Склоненіе магнитной стрѣлки по всему берегу, отъ Нижне-Колымска до Большаго Баранова Камня, съ 1787 года уменьшилось почти на 5°.

МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	СКЛОНЕНІЕ 1787 г.	СКЛОНЕНІЕ 1822 г.	РАЗНОСТЬ
Въ Нижне-Колымскѣ.	14° 04′ O	9° 56′	5° 8′
Между Малымъ и Большими Барановыми Камнями.	17° 12′ O	12° 30′	4° 42′
У Большаго Баранова Камня.	17° 40′ O	12° 35′	5° 05′

* Описаніе путешествія капитана Биллингса, изданное секретаремъ экспедиціи Сауэромъ (Англійскій подл.), стр. 77.

Означенное здѣсь склоненіе отнесено къ ручному пелькомпасу, который показывалъ среднее между другимъ ручнымъ пелькомпасомъ и большимъ корабельнымъ.

Окончивъ наблюденія возвратились мы къ мѣсту ночлега 10-го Іюля. Земляная рѣчка выступила изъ береговъ отъ прибылой морской воды, нагнанной западными и сѣверо-западными вѣтрами. При южныхъ, напротивъ, вода всегда сбываетъ. Но впрочемъ, правильнаго прилива и отлива, ни намъ, ни туземцамъ не удавалось замѣчать.

Берегъ Ледовитаго моря наводитъ невольную задумчивость и уныніе на человѣка. Онъ тянется необозримою равниною, гдѣ утомленный однообразіемъ взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, и только мрачные утесы и огромныя льдины высоко подымаютъ свои голыя вершины. Нигдѣ не видно слѣдовъ дѣятельности человѣческой, и даже земля, какъ будто утрачиваетъ здѣсь свою производительную силу. Только въ краткій періодъ лѣта стада оленей и стаи гусей оживляютъ нѣсколько безмолвную тундру.

Мы поѣхали далѣе по усѣянной большими и малыми озерами низменности и переправились черезъ три ручья, текущіе параллельно одинъ къ другому; у берега, гдѣ встрѣчаются имъ кряжи небольшихъ холмовъ, раздѣляются они на нѣсколько рукавовъ и исчезаютъ между льдинами въ морѣ. На берегу послѣдняго изъ сихъ ручьевъ,

шире и глубже другихъ текущаго, врыто въ землю бревно, подобное найденному въ прошломъ году на Шелагскомъ мысѣ. Вѣроятно, они памятники Сибирскихъ жителей, посѣщавшихъ на кочахъ въ XVII-мъ столѣтіи здѣшнія страны. Здѣсь расположились мы ночевать (12-го Іюля), и найдя на берегу довольно травы, рѣшились остаться на мѣстѣ весь слѣдующій день для отдыха лошадей. Погода была суровая и непріятная. Рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ нагонялъ съ моря густой туманъ. Въ полдень термометръ показывалъ только 1° тепла, а ночью маленькія озера покрылись льдомъ. Подлѣ нашего ночлега лежало нѣсколько истлѣвшихъ мамонтовыхъ костей и китовыхъ ребръ*.

Іюля 14-го, при переправѣ черезъ рѣчку, близъ которой мы ночевали, лошадь г. Козьмина чего-то испугалась и сбросила его въ воду. Онъ вплавь достигъ другаго берега, и хотя тотчасъ перемѣнилъ платье и бѣлье, но не смотря на то, опасаясь, чтобы онъ не простудился при холодномъ вечернемъ воздухѣ и сильномъ дождѣ, рѣшился я не останавливаться до утра. Мы ѣхали и шли всю ночь, и безпрерывнымъ сильнымъ движе-

(*) Лучшаго качества мамонтовыя кости всего чаще попадаются на нѣкоторой глубинѣ, обыкновенно въ глинистыхъ холмахъ, въ черноземѣ рѣже, а въ пескѣ никогда. Чѣмъ тверже глина, тѣмъ лучше сохраняются кости. Замѣчено также, что въ холмахъ, защищенныхъ высокими горами, всегда можно найдти болѣе мамонтовыхъ костей, нежели при морскихъ берегахъ, или въ низменной тундрѣ.

ніемъ г. Козьминъ избавился отъ дальнѣйшихъ послѣдствій простуды.

Послѣ 18-ти часовъ пути, проѣхавъ всего 35 верстъ, достигли мы балагана экспедиціи, построеннаго въ прошломъ году при устьи Большой Баранихи. Строеніе находилось на лѣвомъ берегу рѣки и состояло собственно изъ одного жилаго покоя съ очагомъ и чулана для запасовъ. Устье Большой Баранихи около версты въ ширину, но такъ мѣлко, что при малой водѣ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ и въ самой срединѣ рѣки, показываются пещаныя мѣли. Берега совершенно различны одинъ отъ другаго: лѣвый пещанаго образованія и весьма отлогъ, а правый, напротивъ, крутъ и скалистъ. Весь горизонтъ отъ Ю. З. до Ю. В. обставленъ длинною цѣпью горъ, покрытыхъ отчасти вѣчнымъ снѣгомъ. Здѣсь источники Большой Баранихи, и другой, также Баранихою называемой рѣки, впадающей въ море въ 35-ти верстахъ западнѣе отсюда. Обѣ рѣки получили свои названія отъ того, что въ верховьяхъ ихъ водятся во множествѣ дикіе бараны, составляющіе предметъ довольно изобильной зимней охоты. На югъ подлѣ нашего балагана лежали небольшія озера, на берега коихъ къ 10-му Іюля обыкновенно собираются дикіе гуси. Въ 30-ти верстахъ на востокъ, около 1-го Августа появляются стаи лебедей и тамъ линяютъ. Недалеко отъ нашего стана нашли мы признаки прежняго Чукотскаго жилища: большія кучи обгорѣлыхъ оленьихъ

костей и роговъ, разные обломки домашней посуды, и между прочимъ, выдѣланную изъ базальта плошку для рыбьяго жира.

Присланные сюда въ началѣ лѣта изъ Нижне-Колымска работники были всѣ здоровы. Они прибыли двумя недѣлями прежде насъ и занимались постройкою лодки, вязаньемъ сѣтей и другими заданными имъ работами. По видимому, во время переѣзда съ ними ничего особеннаго не случилось, хотя они разсказывали намъ о ночныхъ нападенiяхъ и другихъ приключенiяхъ, существовавшихъ, вѣроятно, только въ воображенiи ихъ, зараженномъ врожденною боязнью Чукчей.

Послѣднiй переѣздъ нашъ былъ быстрѣе обыкновеннаго, а потому Якуты съ ихъ вьючными лошадьми отстали и уже поздно ночью прибыли въ станъ. Причиною медленности ихъ была особенно встрѣча съ чернымъ медвѣдемъ; появленiе его испугало лошадей; онѣ вырвались изъ рукъ проводниковъ, сбросили съ себя вьюки и разбѣжались по тундрѣ. Медвѣдь ушелъ однакожь, не причинивъ никакого вреда, но часть нашихъ вещей и провизiи попала въ воду и подмочилась, а одинъ термометръ изломался.

Мы проводили здѣсь время въ полезныхъ для экспедицiи занятiяхъ и ловили рыбу на зимнiе запасы, а когда погода неблагопрiятствовала ловлѣ, сѣдлали лошадей, выѣзжали на тундру, посѣщая берега моря и озеръ, стрѣляли гусей, убили чернаго медвѣдя, и главнѣйше осматрива-

ли окрестности и знакомились съ ними. Между прочимъ, предпринимали мы небольшое плаваніе на новопостроенной лодкѣ, но оно кончилось неслишкомъ удачно. Намъ хотѣлось попытаться ловить рыбу въ рѣчкѣ Козьмина, впадающей въ море, 20-ть верстъ къ востоку отъ Большой Баранихи. Несмотря на лѣто, только средина рѣки была свободна отъ льда, а у береговъ стояли толстыя и огромныя закраины. Когда возвращались мы къ стану, льды оторвались отъ берега, сперлись въ срединѣ рѣки и затерли нашу лодку. Мы провели на ней три дня подъ открытымъ небомъ, подвергаясь частымъ ливнямъ. Наконецъ южный вѣтеръ выгналъ льдины въ море и очистилъ намъ возвратный путь.

Рѣчка Козьмина не такъ широка, какъ Бараниха, но гораздо глубже ея. Рыбы въ ней много, и особенно омулей и красной рыбы, которая въ Колымѣ не попадается. Краснина очень вкусна, но вредна для здоровья; послѣ нея мы чувствовали тошноту и слабость во всемъ тѣлѣ.

Можно утвердительно сказать о сей части Ледовитаго моря, что она утратила свое прежнее богатство, слѣды котораго истлѣваютъ въ разныхъ мѣстахъ по берегу. Здѣсь валяются индѣ кучи китовыхъ усовъ, и нѣкоторые куски ихъ были еще такъ хороши, что мы съ пользою употребляли ихъ на невода. Также попадаются здѣсь цѣлые оставы китовъ, но хрупкость и ноздреватость ребръ ихъ доказываютъ ихъ глубокую древность. Даже наносный лѣсъ выкидывается

ным здѣсь рѣдко, и тотъ, который мы находили, былъ уже полуистлѣвшій. Весьма вѣроятно, что масса морскаго льда въ новѣйшія времена умножилась, и препятствуя вообще свободному движенію водъ, не допускаетъ къ берегу плавающихъ по морю предметовъ. Между прочими произведеніями природы, носящими на себѣ признаки древности, нашли мы здѣсь также полусгнившихъ, коротко хвостыхъ раковъ, называемыхъ въ Англіи Shrimps, и которыхъ не удавалось мнѣ нигдѣ болѣе видать въ Сибири. Здѣсь кстати замѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому, у берега моря и въ Колымѣ появилось здѣсь множество разноцвѣтныхъ молюсковъ, величиною съ человѣческую голову; они во множествѣ приставали къ сѣтямъ и неводамъ и употреблялись съ пользою для корма собакамъ, но въ наше время сіи молюски не показывались.

Произведенія прозябаемаго царства сей страны ограничиваются мхомъ и рѣдкою жесткою травою, да немногими цвѣтами. Туземцы увѣряютъ, что здѣсь показывается иногда, такъ называемая *морская капуста* (crambe maritima), но столь рѣдкаго явленія мнѣ не удалось видѣть.

Во все время нашего здѣсь пребыванія погода была пасмурная и туманная; дождь шелъ довольно часто и нѣсколько разъ выпадалъ порядочный снѣгъ. Самый теплый день былъ 24-го Іюля; въ полдень термометръ показывалъ 10°, а

въ полночь $9^1/_2$° тепла *. Столь теплая температура напомнила намъ благодатные лѣтніе дни и роскошныя ночи южныхъ предѣловъ нашего отечества. Ни малѣйшій вѣтеръ не нарушалъ тишины воздуха, и только по временамъ раскаты грома на востокѣ прерывали торжественное безмолвіе. Необходимымъ слѣдствіемъ такой теплоты былъ густой туманъ, покрывавшій всю окрестность, такъ, что въ 10-ти саженяхъ нельзя было различать предметовъ. Ночью на 26-е Іюля снова слышались отдаленные перекаты грома, а по утру ртуть въ термометрѣ поднялась до 16° тепла, но къ полудню спустилась уже на 9°. Въ 5-ть часовъ по полудни свѣжій западный вѣтеръ нанесъ сильный ливень и порядочную грозу. Вскорѣ послѣ того термометръ показывалъ только 2° тепла, а въ полночь 1° холода. Такія измѣнія температуры означали, кажется, переломъ лѣта. Послѣ того густой туманъ безпрестанно покрывалъ всю страну; термометръ въ полдень не подымался выше+3°, а по ночамъ обыкновенно морозило.

Когда погода позволяла, мы наблюдали температуру воды, выплывая для того на лодкѣ сажень сто въ море. Въ такомъ разстояніи, на глубинѣ $1^1/_2$ сажени, температура воды перемѣнялась отъ 1° до $3^1/_2$°, безъ всякой впрочемъ соот-

* Съ 6-го Іюля ртуть въ термометрѣ, по ночамъ, опускалась обыкновенно на 2° ниже точки замерзанія, а въ полдень стояла обыкновенно на 3° рѣдко на 7° тепла.

вѣтственности съ температурою воздуха, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Іюля.	ЧАСЫ.	СОСТОЯНІЕ АТМОСФЕРЫ.	Реомюръ въ тѣни	
			На воздухѣ	Въ водѣ.
19.	Полдень.	Ясно. NW тихій вѣтеръ.	+ 2	+ 3¹/₂
23.	Полдень.	Мало-облачно. WSW тихій вѣтеръ.	+ 8	+ 1
24.	Полдень.	Совершенно облачно. Безвѣтріе.	+ 10.	+ 2
30.	Полночь.	Туманно. Безвѣтріе. Отъ W теченіе.	+ 1¹/₂	3¹/₄
Августа 7.	Полдень.	Облачно. OSO тихій вѣт.	+ 5¹/₂	+ 3.
8.	Полдень.	Пасмурно. W крѣпкій вѣт.	+ 5³/₄	+ 3.
9.	Полдень.	Пасмурно. W крѣпкій вѣт.	+ 2³/₄	+ 1¹/₂

Морская вода здѣсь не очень солона, вѣроятно, отъ большаго количества прѣсной воды, вливающейся въ море изъ рѣкъ, а также и съ береговъ отъ таянія снѣга и льда. Прилива и отлива мы не замѣтили, но при западныхъ вѣтрахъ вода прибывала на 3 и 4 фута. При сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ море имѣло теченіе на западъ, но какъ сей вѣтеръ рѣдко бываетъ силенъ и продолжителенъ, то восточное теченіе здѣсь всегда господствуетъ.

Морской неподвижный ледъ безпрерывно сто-

ялъ на горизонтѣ, а ближе къ берегу плавали небольшія льдины. Въ тихую погоду ясно слышали мы трескъ ломающихся вдали льдовъ. Принимая притомъ въ соображеніе, что сѣверный вѣтеръ никогда не разводитъ здѣсь сильнаго волненія, можно достовѣрно положить, что на сѣверѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ прошломъ году зарывали нашъ провіантъ, находится вѣчный, неподвижный ледъ. Такимъ образомъ, предположеніе мое, основанное тогда на внѣшнемъ качествѣ и цвѣтѣ льда, подтверждается и послѣдовавшими наблюденіями.

Ночью на 21-е Іюля пріѣхалъ г. Матюшкинъ съ спутниками, провелъ съ нами цѣлую недѣлю и отправился далѣе, къ Чаунской губѣ.

Съ намѣреніемъ продлилъ я свое пребываніе на Большой Баранихѣ, чтобы взять разстоянія между солнцемъ и луною, показываемыя въ календарѣ до 1-го Августа. Но туманъ и облака безпрестанно застилали небо, и только 31-го Іюля, когда я собрался уже въ путь, сѣверо-восточный вѣтеръ очистилъ атмосферу. Мы воспользовались тѣмъ, желая опредѣлить положеніе балагана; долгота по 50-ти разстояніямъ вышла 166° 40′ 39″, а изъ нѣсколькихъ полуденныхъ высотъ солнца вывели мы среднюю широту 69° 30′ 41½″. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣтствующимъ азимутамъ, было 15° 25′ восточн.

Окончивъ наблюденія, оставилъ я, съ двумя провожатыми, балаганъ, и поѣхалъ къ верховью

Баранихи, чтобы оттуда возвратиться на Колыму через Анюй. Г-нъ Козьминъ, съ четырьмя работниками, остался на мѣстѣ, продолжать рыбную ловлю и заботиться о сохраненіи нашихъ запасовъ на зиму. По окончаніи всѣхъ работъ, онъ долженъ былъ возвратиться въ Нижне-Колымскъ кратчайшимъ путемъ. Первый день пути ѣхали мы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега рѣки, перебираясь черезъ невысокіе холмы и предполагая переправиться на другой берегъ рѣчки, впадающей въ Бараниху. Холмы и долины, гдѣ мы ѣхали, были покрыты безчисленнымъ множествомъ песцовыхъ норъ. Въ каждой было по нѣскольку молодыхъ песцовъ, или, по здѣшнему, *норниковъ*, такъ, что собаки наши не успѣвали ихъ душить, а провожавшій насъ Якутъ съ удивительнымъ проворствомъ сдиралъ съ нихъ шкуры.

Замѣчательно, что песцы плодятся во множествѣ только черезъ три года. Тунгусы, опытные охотники, ведутъ точный счетъ такого времени, и уже за два года предсказывали намъ, что въ 1822 г. будетъ много песцовъ.

Мы провели ночь на сухомъ зеленомъ лугу, въ 22-хъ верстахъ отъ балагана и 4-хъ отъ берега Баранихи. Къ великому удивленію проводниковъ моихъ показались недалеко отъ насъ два журавля. Сіи птицы рѣдко посѣщаютъ отдаленныя, сѣверныя страны, такъ, что даже немногимъ изъ здѣшнихъ жителей удавалось ихъ видать.

Августа 1-го находились мы по полуденному наблюденію, подъ 69° 22′ 57″ широты. Склоненіе ручнаго компаса, по соотвѣтствующимъ азимутамъ, было 15° на востокъ. Погода была теплая, но точно опредѣлить температуры не имѣлъ я средствъ; одинъ, уцѣлѣвшій термометръ остался у г. Козьмина, для продолженія наблюденій на берегу моря.

По мѣрѣ приближенія къ берегамъ Баранихи холмы становятся рѣже и ниже и наконецъ вовсе изчезаютъ, а вмѣсто ихъ разстилается пространная равнина, усѣянная множествомъ озеръ разной величины. Мы проѣхали 26-ть верстъ и остановились ночевать на лѣвомъ берегу рѣки, въ 38-ми верстахъ отъ ея устья. Здѣсь она до 20-ти саженъ въ ширину и течетъ довольно быстро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно переходить ее въ бродъ. Правый берегъ крутъ, скалистъ, покрытъ камнями шиферной породы и зеленаго порфира, между коими попадаются кремни, куски темно-красной яшмы и карніолы, довольно чистой воды и хорошаго цвѣта. Ночлегъ нашъ былъ при соединеніи двухъ главныхъ протоковъ Баранихи, изъ коихъ правый течетъ съ юго-востока, а лѣвый съ юга.

Августа 2-го небо было покрыто облаками; погода, при совершенномъ безвѣтріи, стояла теплая. Мы поѣхали на югъ, черезъ рядъ каменистыхъ холмовъ; они тянутся близъ лѣваго берега рѣки. Проѣхавъ пять верстъ, мы выѣхали снова къ рѣкѣ, у довольно высокаго, отдѣльнаго утеса, со-

ставленнаго изъ чернаго шифера и бѣлаго гранита. Каменные слои идутъ по направленію WNW и наклоняются къ NNO, подъ угломъ 60°; въ обломкахъ попадалось много кварца. У подошвы сего утеса рѣка круто поворачиваетъ съ запада. Мы переправились черезъ нее и слѣдовали по ручью, текущему съ юга и впадающему здѣсь въ Бараниху. Стоящіе на правомъ берегу невысокіе, отвѣсные холмы состоятъ также изъ чернаго шифера, гдѣ попадаются слои конгломерата, саженъ въ 25-ть толщины, направляясь на NW 30° и наклоняясь на NO 60°, подъ угломъ въ 50°. Переправясь черезъ цѣпь холмовъ, съ коихъ скатывается ручей, снова выѣхали мы на берега Баранихи, обмывающей южную подошву холмовъ, состоящихъ также изъ чернаго шифера, слои котораго направляются на NW 30°, съ наклоненіемъ на SW 60°, подъ угломъ въ 70° съ горизонтомъ.

Здѣсь рѣка также изъ двухъ притоковъ. Мы слѣдовали по лѣвому, въ 5-ть саженъ шириною, но довольно быстрому, и остановились на ночлегъ, проѣхавъ всего 22 версты. Съ двухъ сторонъ тянутся холмы; за ними чернѣютъ горы. Всю ночь и слѣдующее утро (3-го Августа) шелъ сильный дождь, при холодномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Въ полдень атмосфера прочистилась, и я взялъ полуденную высоту солнца, изъ коей вывелъ 68° 57′ 17″ широты; счислимая долгота была 0° 14′, на западъ отъ балагана на р. Баранихѣ, взятаго за пунктъ отшествія.

Въ 6-ти верстахъ отсюда достигли мы мѣста,

гдѣ сливаются три ручья, составляющіе верховья Баранихи. Мы поѣхали по берегамъ средняго. Долина здѣсь суживается и горы и утесы сближаются, такъ, что мы подошли наконецъ къ самой подошвѣ цѣпи, и для продолженія пути предстояло намъ или карабкаться по крутымъ обнаженнымъ утесамъ, или пробираться по мрачнымъ оврагамъ, заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ. Съ большими усиліями взобрались мы, уже поздно ночью, на вершину горы, несмотря на высоту, покрытую болотомъ, отчасти замерзшимъ. Не найдя здѣсь удобнаго мѣста для ночлега, мы поѣхали далѣе на утомленныхъ лошадяхъ. Изъ южнаго края болота вытекаетъ рѣчка *Погиндена*, впадающая въ Малый Анюй. Слѣдуя теченіемъ ея, спустились мы съ горы по отлогому скату. Здѣсь холмы разступаются и образуютъ широкую долину, гдѣ медленно течетъ рѣчка по болоту, поросшему стелящимся тальникомъ. Мы ночевали въ 7-ми верстахъ отъ хребта, черезъ который переправились. Передъ нами, на югъ, весь горизонтъ отъ востока до запада опоясывала высокая горная цѣпь, и къ ней примыкали ряды холмовъ, коими обставлена Погинденская долина.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся три источника Баранихи, находилъ я гранитные слои, а далѣе, въ горахъ и ущельяхъ, попадался твердый шиферъ, проросшій тостыми жилами кварца.

Августа 4-го была теплая и ясная погода; по полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ я 68° 46′

43″ широты; счислимая долгота равнялась 0° 29′, на западъ отъ балагана; склоненіе магнитной стрѣлки было 15° къ востоку.

Около полудня спустились съ восточныхъ холмовъ и прошли, почти подлѣ нашего ночлега, два безчисленныя стада (по здѣшнему, *пластины*) оленей; съ морскихъ береговъ возвращались они въ страны болѣе теплыя и въ тѣсныхъ рядахъ медленно подвигались на югъ, образуя собою заостренный впереди треугольникъ. Высокіе вѣтвистые рога ихъ представляли видъ подвижнаго лѣса. Впереди каждаго стада шелъ *вожатый*, животное огромнаго роста, и по увѣреніямъ нашихъ проводниковъ, всегда самка (по здѣшнему *важника*). За однимъ изъ стадъ крался голодный волкъ, по видимому, ожидавшій только случая броситься на какого нибудь изъ отставшихъ молодыхъ оленей; увидя насъ, онъ убѣжалъ въ горы. За другимъ стадомъ слѣдовалъ большой черный медвѣдь, но безъ всякихъ кровожадныхъ намѣреній; онъ разрывалъ по временамъ землю, ловилъ съ удивительнымъ проворствомъ мышей и ѣлъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Невинное гастрономическое препровожденіе времени такъ занимало огромнаго звѣря, что онъ и не замѣтилъ насъ. Съ трудомъ удерживали мы нашихъ собакъ, потому что лай ихъ и всякое наше движеніе могли испугать оленей и лишить Анюйскихъ промышленниковъ ожидаемой добычи. Проходъ оленьихъ стадъ задержалъ насъ два часа на мѣстѣ. Мы отправились потомъ за оле-

нями, и проѣхавъ 20 верстъ, остановились у подошвы цѣпи горъ, которую видѣли съ послѣдняго ночлега. Въ восточныхъ частяхъ ея начинается ручей, впадающій въ Погиндену, а на западъ поднимаются отвѣсныя, зубчатыя скалы. Погиндена поворачиваетъ здѣсь круто на западъ и течетъ по неширокой долинѣ, обставленной съ сѣвера и юга рядами горъ. Судя по большимъ, вѣтвистымъ кустарникамъ и сочной травѣ, климатъ здѣсь долженъ быть теплѣе и грунтъ менѣе болотистъ. На песчаныхъ мѣстахъ растетъ въ изобиліи дикій лукъ. Столь замѣтная перемѣна прозябенія и температуры, а также и болѣе быстрое теченіе рѣки, доказываютъ, что здѣсь начинается настоящій скатъ горнаго хребта. Мы расположились ночевать въ 5-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ Погиндена загибается на западъ, при устьи впадающаго въ нее ручья.

Августа 5-го свѣжій восточный вѣтеръ нагналъ на небо тучи и не позволилъ мнѣ взять полуденной высоты. По счисленію, мѣсто ночлега было подъ 68° 33′ широты и 0° 35′ долготы, на западъ отъ балагана.

Мы продолжали путь на западъ, слѣдуя изгибамъ Погиндены, которая здѣсь только въ 7-мь саженъ ширины, но глубока и весьма быстра. Русло перегорожено во многихъ мѣстахъ камнями, образующими водопады. Только по торчащимъ верхамъ сихъ камней можно переходить рѣку въ бродъ. Погинденская долина замкнута съ юга и съ сѣвера рядами горъ; южныя вскорѣ пони-

жаются и превращаются въ небольшіе холмы, а сѣверныя удерживаютъ свою высоту и отвѣсно спускаются на берега рѣки. Въ 12-ти верстахъ отъ ночлега нашего увидѣли мы, послѣ столь долгаго времени, первую рощу высокоствольнаго лѣса. Я воспользовался случаемъ, чтобы опредѣлить широту ея положенія и тѣмъ повѣрить и подтвердить сдѣланныя нами прежде наблюденія надъ предѣлами лѣсовъ. Мы съ г-мъ Матюшкинымъ уже имѣли случай замѣтить, въ двухъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ, что на востокъ отъ Нижне-Колымска высокоствольныя деревья не растутъ далѣе 68° 54′ широты, а также и г-нъ Козьминъ въ проѣздѣ своемъ черезъ Индигирскую тундру не встрѣчалъ лѣсовъ далѣе 68° 40′ широты. Но здѣсь линія лѣсовъ начиналась подъ 68° 36′ широты, вѣроятно, по причинѣ возвышеннаго положенія мѣста.

У края лѣсовъ, по южному берегу Погиндены, холмы состоятъ изъ шифера, отчасти глиммерной породы, пророснаго кварцовымм жилами. Подъ шиферомъ лежитъ слой конгломерата, въ 4 фута толщины. Вообще слои камня идутъ отъ NO къ SO, наклоняясь подъ угломъ 20° къ горизонтальной плоскости.

Проѣхавъ сегодня всего 30 верстъ, мы остановились ночевать на берегу рѣки, подлѣ небольшой лиственичной рощи. На другомъ берегу ея возвышались мрачныя, черныя скалы. Онѣ состояли изъ тѣхъ же каменныхъ породъ, изъ какихъ были южныя, но только слои здѣсь на-

правляются на NO 80°, наклоняясь къ SO 10°, подъ угломъ въ 30° съ горизонтомъ воды. Долина около двухъ верстъ въ ширину; южныя горы становятся выше; рѣка, шириною въ 10 саженъ, течетъ весьма быстро, образуя нѣсколько водопадовъ. Ночью лошади наши привлекли волка; онъ переплылъ рѣку, но испуганный лаемъ собакъ, удалился, прежде нежели мы успѣли взяться за ружья.

Августа 6-го небо очистилось. Рѣка широкими изгибами течетъ здѣсь по долинѣ, омывая попеременно подошвы горъ, стѣсняющихъ ее съ юга и сѣвера. На берегахъ зеленѣютъ высокія ивы, а между ними изрѣдка подымаются стройные тополи и темно-вершинныя лиственницы. Такая простая картина представляла намъ нѣчто неизъяснимо прелестное, и даже мрачныя скалы, мѣстами увѣнчанныя зеленымъ мхомъ, казались намъ менѣе угрюмыми. Вся окрестность напоминала благословенные края родины.

Проѣхавъ 24 версты пріятнѣйшею дорогою, мы остановились на ночлегъ. Долина расширяется здѣсь на 5 верстъ, а горы замѣтно становятся ниже; сѣверныя состоятъ изъ шиферной породы, сохраняя прежнее направленіе слоевъ. Берега и самое русло рѣки покрыты обломками шифера, кварца, конгломерата и зеленаго порфира.

На слѣдующее утро (7-го Августа) рѣзкій восточный вѣтеръ нагналъ тучи. Вскорѣ вѣтеръ ужасно скрѣпчалъ и дулъ такими сильными порывами, что мы едва сидѣли на лошадяхъ. Ту-

чи неслись съ неимовѣрною быстротою и наконецъ разразились проливнымъ дождемъ. Несмотря на такую погоду, мы продолжали путь, спѣша достигнуть населенныхъ странъ, потому, что наши съѣстные припасы почти уже совершенно истощились. Размоченная земля сдѣлалась столь топкою, что при всѣхъ усиліяхъ, мы проѣхали только 16-ть верстъ. Лошади наши едва двигались, а одна изъ нихъ была до того утомлена, что мы боялись ея лишиться, что заставило меня два дня оставаться на мѣстѣ. Между тѣмъ буря утихла; дождь шелъ однакожъ все 8-е число, а на 9-е выпалъ сильный снѣгъ и на холмахъ не таялъ. Наше положеніе было самое затруднительное. Рѣка отъ дождевой воды выступила изъ береговъ и затопила всю окрестность, такъ, что холмъ, гдѣ мы ночевали, превратился въ островъ и ежеминутно ожидали мы совершеннаго потопленія. По счастію, сильный холодъ 9-го Августа избавилъ насъ отъ опасности. Здѣсь начинается обгорѣлый лѣсъ, придавая Погинденской долинѣ унылый и обнаженный видъ береговъ Филиповки.

Августа 10-го, въ сильную мятель, отправились мы далѣе. Горы, главный предметъ моихъ наблюденій въ сей поѣздкѣ, недалеко отсюда сглаживаются. Потому рѣшился я ѣхать прямо на югъ, желая скорѣе достигнуть береговъ Малаго Анюя. Глубина и быстрота теченія Погиндены дѣлали тщетными всѣ наши попытки переправиться черезъ нее въ бродъ. Мы принуж-

дены были, въ 2-хъ верстахъ отъ ночлега, остановиться и ожидать убыли воды, у небольшаго порога, гдѣ переправа казалась удобнѣе. Ночью вода замѣтно сбыла и до разсвѣта поспѣшили мы перебраться на другой берегъ по мѣлководью, или, по здѣшнему, *шиверу*, образующему порогъ. Вода достигала до сѣделъ, но переправа наша кончилась благополучно.

Неподалеку отсюда впадаетъ въ Погинденy ручей, текущій съ юга. Скалистые берега его поросли густымъ тальникомъ и молодыми лиственницами, въ тѣни коихъ надѣялись мы найдти куропатокъ. Такое пріобрѣтеніе могло быть намъ тѣмъ пріятнѣе, что уже четыре дня питались мы только сухарями и чаемъ. Отправивъ одного изъ моихъ проводниковъ на охоту, съ другимъ поѣхалъ я кратчайшею дорогою черезъ холмы. Здѣсь, особенно въ Августѣ мѣсяцѣ, куропатки водятся во множествѣ, а потому мы были увѣрены, что охотникъ нашъ возвратится съ богатою добычею. Но уже приближалась ночь, а онъ еще не являлся. Мы начали уже безпокоиться, думая, не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія, тѣмъ болѣе, что на зовъ нашъ и выстрѣлы не получали отвѣта. Наконецъ, поздно ночью, нашли мы своего охотника. Утомясь отъ большихъ переходовъ и не надѣясь сыскать насъ, онъ преспокойно спалъ на берегу ручья. Вся добыча его состояла изъ одной куропатки, которая впрочемъ была послѣдняя изъ замѣченныхъ нами до самыхъ береговъ Анюя. Съ обманутыми

надеждами и голоднымъ желудкомъ, отправились мы далѣе.

Ручей, по берегу котораго былъ нашъ путь, отъ верховья до устья, $8^1/_2$ верстъ длины. На западномъ берегу его тянется рядъ невысокихъ скалъ изъ чернаго шифера, а на восточномъ болото, изрѣзанное плоскими холмами и поросшее стелющимися лиственничными кустарниками. Изъ холма, гдѣ начинается сей ручей, вытекаетъ на югъ другой, впадающій въ трехъ верстахъ отсюда въ небольшую рѣчку, текущую съ востока на западъ и составляющую одинъ изъ притоковъ Погиндены. Здѣсь остановились мы на ночлегъ. За низменными шиферными холмами поднимается на востокъ *Лобогенскій* хребетъ; вершины его украшены кекурами и съ него стекаетъ рѣчка Лобогена, впадающая въ Анюй. Мы продолжали путь черезъ невысокіе холмы и болота, переправились черезъ два ручья, текущіе въ Погиндену, и проѣхавъ всего 21 версту, остановились на ночлегъ среди болотистой, усѣянной озерами равнины, разстилающейся до берега Погиндены. Рѣка сія, въ 8-ми верстахъ разстоянія на западъ, казалась намъ едва замѣтнымъ ручейкомъ. Въ томъ же направленіи видны были *Лелединскія горы*, которыя тянутся грядою на SSO и выходятъ на берега Анюя въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Погинденою. На югѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи идетъ еще хребстъ островершинныхъ горъ.

Мѣсто нашего ночлега, по полуденному наблю-

денію, было подъ 68° 32′ 57″ широты и 2° 42′ счислимой долготы, на западъ отъ балагана. Склоненіе магнитной стрѣлки было $12^3/_4$° восточн.

Августа 13-го, проснувшись рано поутру, мы увидѣли, что изъ нашихъ четырехъ лошадей осталась подлѣ палатки только одна, и то самая старая и безсильная. Остальныя разбѣжались ночью, вѣроятно, испуганныя приближеніемъ волка или медвѣдя. Мы разошлись въ разныя стороны искать нашихъ бѣглецовъ, но напрасно. Поздно вечеромъ возвратились мы въ свою палатку, гдѣ не имѣли утѣшенія даже подкрѣпиться пищею, потому, что наканунѣ послѣдніія порціи сухарей были между нами раздѣлены и у насъ оставались только сахаръ и чай.

Къ потерѣ лошадей присоединилось еще несчастіе. Служившій намъ путеводителемъ Юкагиръ рѣшительно объявилъ, что онъ сбился съ дороги, и незнаетъ, гдѣ именно мы находимся; утверждалъ, что горы, насъ окружающія, ему совершенно незнакомы, а лежащія на югѣ островершинныя сопки нимало не похожи на тѣ, какія находятся на берегахъ Анюя подлѣ селенія Коновалова, зимовья Юкагировъ, и что потому мы должны быть еще очень далеко отъ лѣтовьевъ его народа. Неизбѣжныя при вычисленіяхъ ошибки заставили меня сомнѣваться въ вѣрности счислимой долготы, но нашъ Юкагиръ до того растерялся, что въ видимой нами рѣкѣ не узнавалъ Погниндены, и никакъ не могъ мнѣ сказать, когда именно слишкомъ далеко уклонились мы на востокъ

или на западъ. Наше положеніе, особенно по недостатку съѣстныхъ припасовъ, было самое критическое. Не смѣя терять времени, мы должны были по возможности спѣшить къ берегамъ Анюя, гдѣ есть нѣсколько селеній. Я рѣшился ожидать здѣсь лошадей до утра, и если онѣ не найдутся, продолжать путешествіе пѣшкомъ.

Августа 14-го поутру лошади не показывались. Мы связали наши палатки и вещи и положили ихъ въ безопасномъ мѣстѣ. Чайникъ, котелъ и инструменты мои навьючили на оставшуюся лошадь, и при проливномъ дождѣ и холодномъ вѣтрѣ пошли далѣе пѣшкомъ. Избѣгая по возможности болотистыхъ мѣстъ, мы шли по плоскимъ холмамъ. Излишне было бы описывать трудности нашего пути, то по вязкому болотистому грунту, поросшему сухимъ, колючимъ, стелющимся кустарникомъ, то по скользскимъ крутымъ скатамъ холмовъ, и наши переправы черезъ разлившіеся отъ дождевой воды ручьи, иногда по колѣна въ водѣ, а иногда по набросанному наскоро мосту. Въ теченіе 8-ми часовъ безпрерывныхъ усилій прошли мы только 15-ть верстъ и принуждены были остановиться на ночлегъ. Дождь перестал. Мы развели огонь, высушили, какъ могли, наши платья, вмѣсто ужина напились чаю и провели ночь подъ открытымъ небомъ. На другой день голодъ сталъ насъ мучить и ежеминутно усиливаться. Мы надѣялись въ норахъ полевыхъ мышей найдти кореньевъ и морошки, которыми обыкновенно запасаются онѣ

на зиму и чѣмъ нерѣдко спасаются Юкагиры отъ голодной смерти, но надежда насъ обманула, потому что мыши никогда не довѣряютъ своихъ запасовъ болотистому грунту. Наконецъ, мы прибѣгнули къ древесной корѣ: срубили молодую лиственницу, очистили верхніе слои коры, а мягкіе нижніе осторожно отдѣлили отъ дерева, разрубили на мѣлкія части и положили вариться въ котелъ съ водою. Прежде нежели поспѣло наше кушанье, употребляемое здѣсь въ голодные годы, надобно было нѣсколько разъ снимать съ воды сѣру, по мѣрѣ варенія коры всплывавшую на поверхность. Наконецъ образовался у насъ родъ жидкой каши, отъ примѣса соли и перца, получившей непротивный вкусъ, несмотря на вязкость и смоляность. Впрочемъ, сія пища, при умѣренномъ употребленіи, не имѣетъ вредныхъ послѣдствій. Во время обѣда нашего небо обложилось густыми облаками и весь день 15-го Августа шелъ дождь.

Мы отправились въ путь, не смотря на погоду. Холмы становились выше и чаще, по мѣрѣ нашего приближенія къ тому мѣсту, гдѣ, по моему счисленію, протекалъ Аниой. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега, переправившись въ бродъ, по грудь въ водѣ, черезъ быстрый ручей, достигли мы подошвы горной цѣпи, и съ большими усиліями взобрались по крутому скату на самую высокую сопку. Отсюда открылся намъ далекій видъ на окрестность. Горы тянулись къ юго-западу, а на югѣ лежала пространная долина,

гдѣ изгибался предѣлъ нашихъ страданій, давно искомый Анюй. Можно себѣ представить нашу радость. Юкагиръ узналъ долину, рѣку и свое зимнее жилище, Коновалово, забылъ усталость, голодъ и громко запѣлъ веселую *Андыльщину* (Юкагирскую любовную пѣсню). Меня болѣе всего радовала вѣрность моего счисленія.

Намъ оставалось пройдти еще $9\frac{1}{2}$ верстъ до рѣки, а отъ нея было еще двѣ версты до Коновалова, такъ, что мы надѣялись только къ вечеру быть въ селеніи, но подойдя къ рѣкѣ, отъ усталости не могли мы идти далѣе и рѣшились провести ночь подъ открытымъ небомъ и подъ сильнымъ дождемъ. Сегодня находились мы въ пути всего $11\frac{1}{2}$ часовъ, безпрестанно карабкаясь на высокія горы по крутымъ скользскимъ тропинкамъ.

Нашъ Юкагиръ рѣшился однакожь идти въ селеніе, съ тѣмъ, чтобы принести намъ съѣстныхъ припасовъ. Мы развели огонь и ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія посланнаго, но черезъ $1\frac{1}{2}$ часа пришелъ онъ съ пустыми руками. Всѣ чуланы и кладовыя жителей, находившихся еще на лѣтовьяхъ, были пусты: вѣрное доказательство, что и здѣсь народъ терпѣлъ голодъ.

Мы до того были утомлены, что не думали уже о лиственничной корѣ, а напились только чаю и провели ночь на сырой землѣ. На другой день (16-го Августа), рано поутру, отправились мы въ Островной острогъ, гдѣ можно было найдти людей и съѣстные припасы, но и здѣсь на-

*

дежда насъ обманула. Острогъ былъ еще пустъ. Жители его разошлись по окрестностямъ, занимаясь охотою и рыбною ловлею. Въ кладовыхъ не нашли мы ни крошки запасовъ. Съ горя сварили мы себѣ опять лиственничной коры и подкрѣпили ею силы свои. Отсюда послалъ я проводниковъ къ Обромской горѣ, гдѣ здѣшніе Юкагиры обыкновенно сторожатъ оленей, и велѣлъ просить у Князька съѣстныхъ припасовъ. Князекъ прислалъ мнѣ всю свою провизію, состоявшую изъ куска оленины, двухъ оленьихъ языковъ и одной рыбы. Во всей здѣшней сторонѣ свирѣпствовалъ голодъ; люди питались толчеными костями, оленьею шкурою, кореньями, и т. п. Весенній промыселъ оленей не удался, а время осенняго еще не наступало.

Нельзя было безъ состраданія смотрѣть на народъ, существованіе котораго зависитъ единственно отъ случая. Здѣшніе Юкагиры такъ бѣдны, что не могутъ пріобрѣсть себѣ неводовъ и сѣтей для рыбной ловли, и занимаясь съ незапамятныхъ временъ оленьею охотою, только въ ней находятъ средство пропитанія, съ года на годъ скудѣющее. Съ нѣкотораго времени олени, какъ будто наученные многолѣтними опытами, перемѣнили сроки своихъ переходовъ. Прежде переправлялись они черезъ Анюй лѣтомъ вплавь, а нынѣ переходятъ весною и осенью по тонкому льду, и потому охота сдѣлалась гораздо опаснѣе и часто бываетъ совершенно невозможна.—«Нынѣ и олень сталъ мудренъ,» говорятъ Юкагиры.

Здѣсь узналъ я, что въ острогѣ ожидаетъ меня казакъ, прибывшій изъ Якутска съ бумагами, письмами и деньгами для экспедиціи. Спѣша въ Нижне-Колымскъ, я долженъ былъ отмѣнить посѣщеніе Обромскихъ горъ и осмотръ прибрежныхъ Анюйскихъ скалъ. Отправивъ двухъ надежныхъ людей, верхомъ, за оставленными отъ насъ вещами, поплылъ я, 17-го Августа, въ лодкѣ, внизъ по быстрому Анюю. Извивистые берега его украшались еще зеленѣющими тополями.

Берега и окрестности Анюя посѣщены были въ 1821-мъ году г. Матюшкинымъ и съ достаточною подробностью описаны выше.

Августа 20-го возвратился я въ Нижне-Колымскъ, по 62-хъ дневномъ отсутствіи. Недѣлю спустя пріѣхалъ г. Козьминъ. Рыбная ловля на Баранихѣ кончилась не весьма удачно, такъ, что вся надежда наша оставалась на сельдей, въ безчисленномъ множествѣ поднимавшихся вверхъ по теченію Колымы.

Сентября 18-го рѣка покрылась льдомъ и установилась зимняя дорога, а 24-го возвратился г. Матюшкинъ, совершившій трудное путешествіе, до самыхъ Чукотскихъ кочевьевъ. Журналъ его составляетъ слѣдующую главу.

ГЛАВА VII.

—

Путешествіе мичмана Матюшкина, по тундрѣ, къ востоку отъ Колымы, лѣтомъ 1822-го года.

—

Въ наступившее лѣто 1822 года, начальникъ экспедиціи, въ сопровожденіи штурмана Козьмина, намѣревался посѣтить, такъ называемую, *Каменную тундру*, а мнѣ поручилъ осмотрѣть и описать страны къ сѣверо-востоку отъ Колымы лежащія. Мы выѣхали изъ Нижне-Колымска вмѣстѣ, 23-го Іюня, и 27-го числа достигли деревни Пантелеевки, гдѣ наши пути раздѣлялись. Здѣсь застали мы купца Бережнаго, сопутника нашего въ послѣдней поѣздкѣ; онъ отправлялся съ караваномъ къ Чаунскому заливу, для отысканія мамонтовыхъ костей и мѣновой торговли съ Чукчами. Путь мой былъ одинъ и тотъ же съ его путемъ, а потому, по просьбѣ Бережнаго, рѣшился я ѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

Іюня 1-го простились мы съ начальникомъ экспедиціи, переправились на правый берегъ Пантелеевки, навьючили лошадей и начали путешествіе. Сначала дорога шла по узкой тропинкѣ на Пантелеевскую гору, а на третьей верстѣ сворачивала на востокъ, къ такъ называемымъ *Камнямъ*. Сими поворотами избѣгли мы переправы черезъ притоки рѣкъ Пантелеевки и Упчины отъ безпрерывнаго, въ теченіе двухъ послѣднихъ дней дождя разлившихся и недававшихъ брода. До заката солнца ѣхали мы черезъ гряды утесистыхъ, поросшихъ лѣсомъ холмовъ и черезъ болотистыя долины, изрѣзанныя безчисленными ручейками и протоками. Въ сумерки переправились черезъ глубокую и быструю рѣчку *Пупшапъ*, вытекающую изъ Бѣлыхъ Камней и впадающую въ Пантелеевку, въ 10-ти верстахъ выше деревни сего имени. Слѣды вчерашней бури были видны по всей дорогѣ; вѣковыя деревья, вырванныя съ корнемъ, лежали длинными рядами и весьма препятствовали ѣздѣ. Къ ночи мы остановились, разбили палатку и пустили лошадей на лугъ.

На слѣдующій день (2-го Іюля) отправились далѣе. По мѣрѣ приближенія нашего къ Бѣлымъ Камнямъ, лѣсъ постепенно рѣдѣлъ и наконецъ превратился въ низменный кустарникъ, надъ которымъ изрѣдка торчали обгорѣлыя лиственничныя деревья. Болотистый грунтъ былъ покрытъ свѣжимъ зеленымъ мохомъ, а между кочками журчали безчисленные ручейки. На возвы-

шеніяхъ и холмахъ бродили стаи болотныхъ птицъ, которыя къ сѣверу отсюда не попадаются. Вообще произведенія животнаго и прозябаемаго царствъ постепенно исчезали и степь становилась мертвѣе и пустѣе; только тучи комаровъ роились надъ тундрою и мучили насъ и лошадей. Въ надеждѣ избавиться отъ ихъ преслѣдованія, мы расположились ночевать на возвышенномъ, ничѣмъ незащищенномъ отъ вліянія вѣтра холмѣ, но къ несчастію, вѣтеръ стихъ и наша предосторожность намъ не пособила. Напрасно закрывались мы сѣтками изъ лошадиныхъ волосовъ, окружали себя кострами изъ травъ и моха, запирались въ наполненную густымъ дымомъ палатку—ничто не могло защитить насъ отъ укушенія ужасныхъ враговъ. Наконецъ, темнота и прохлада ночи доставили намъ спокойствіе, но не на долго, ибо съ первыми лучами солнца появились мучители наши съ новою яростью.

На слѣдующее утро (3-го Іюля) мы спустились съ Бѣлыхъ Камней; замѣтно уменьшаясь, они тянутся на востокъ цѣпью плоскихъ холмовъ и идутъ къ югу, черезъ поросшую лѣсомъ и изрѣзанную рѣками холмистую долину. Лѣсъ становился гуще и гуще, такъ что наконецъ мы насилу могли подвигаться впередъ. Ѣхать по берегамъ рѣкъ было неудобно, потому что онѣ впадаютъ въ Анюй слишкомъ далеко на западъ отъ цѣли нашего путешествія, мѣстечка Островнаго. Мы блуждали по лѣсу, то направо, то налѣво, выбирая мѣста, гдѣ деревья стояли

не такъ часто, или слѣдуя по тропинкамъ, протоптаннымъ оленями. Къ ночи остановились на крутыхъ берегахъ одного изъ притоковъ Унчины, среди дремучаго лиственничнаго лѣса. Здѣсь, въ первый разъ послѣ отъѣзда нашего, встрѣтили мы слѣды людей, а именно нѣсколько ловушекъ для соболей и лисицъ.

Іюля 4-го, рано по утру, увидѣли мы за лѣсомъ двѣ горы, *Круги* и *Пунголь*, лежащія на берегу Анюя. Между ними проходила наша дорога. Впрочемъ, не смотря на близость, мы никакъ не могли надѣяться сегодня достигнуть рѣки. Лѣсъ становился на каждомъ шагу дремучѣе и непроходимѣе, и вѣроятно, нога человѣка никогда еще не проникала сюда. Единственный нашъ путеводитель, оленья тропа исчезла; корни, сучья и поваленныя деревья безпрестанно пересѣкали намъ дорогу.

Направляясь постоянно къ востоку, мы часто принуждены были переправляться черезъ быстрые ручьи, а иногда топорами прорубать себѣ путь, такъ что со всевозможными усиліями проѣзжали въ часъ неболѣе полуверсты. Не смотря на то, къ вечеру, противъ ожиданія, достигли мы безлѣсной долины, гдѣ уединенно возвышается отдѣльная гора Круги. * Къ востоку отсюда, за низменною цѣпью плоскихъ холмовъ, называемыхъ здѣсь *Девяти Сопочными*, лежитъ гора Пунголь, среди пространной долины, изрѣ-

* Должно замѣтить, что въ сѣверной Сибири всѣ отдѣльно стоящія горы, не смотря на ихъ образованіе, называются *Камнями*.

занной безчисленными озерами и рѣками. Дорога туда была весьма утомительна, и потому, не доѣхавъ пяти верстъ до горы Нунголя и лежащихъ тамъ Юкагирскихъ лѣтовьевъ, мы остановились на ночлегъ въ лѣсу.

Дорогою, при переправѣ черезъ небольшой ручей, замѣтили мы огромный мамонтовый клыкъ, вѣроятно, пуда въ два съ половиною вѣсомъ, который вполнѣ вознаградилъ бы Бережнаго за всѣ переносимыя имъ затрудненія. Къ сожалѣнію, послѣ ближайшаго изслѣдованія оказалось, что значительная часть клыка примерзла ко льду на днѣ ручья и безъ помощи длинныхъ, острыхъ пешней не могла быть отдѣлена. Къ досадѣ всего общества, по неимѣнію при себѣ необходимыхъ орудій, мы не могли воспользоваться нашею находкою.

На слѣдующее утро (5-го Іюля), въ 9-ть часовъ утра, достигли мы лѣтовья одного семейства Юкагирскихъ рыбаковъ, лежащаго при подошвѣ Нунголя, на берегахъ Анюя. По совѣту Юкагировъ, мы переправились здѣсь черезъ рѣку, потому что далѣе лѣсъ, по сю сторону Анюя, совершенно непроходимъ, берега необитаемы и переправа черезъ устье рѣки Погиндены въ настоящее время года невозможна.

Іюля 6-го продолжали мы путь по берегу Анюя, черезъ довольно густой лѣсъ. Между огромными лиственницами замѣтили нѣсколько памятниковъ прежнихъ временъ: гробницъ коренныхъ обитателей страны, Юкагировъ или Омо-

ковъ; въ настоящее время у нихъ здѣсь одно общее названіе *некрещеныхъ*. Подобно большей части кочевыхъ народовъ, племена сѣверо-восточной Сибири хоронили своихъ умершихъ въ большихъ четыреугольныхъ гробахъ, утвержденныхъ, для большей отъ хищныхъ звѣрей безопасности, на высокихъ столбахъ *. Почти всѣ видѣнныя нами гробницы уже обрушились. Бревна, поддерживающія и составляющія гробы, были, по видимому, обтесаны каменными топорами. Я надѣялся отыскать здѣсь какія нибудь древнія оружія, или принадлежности одежды; но кромѣ истлѣвшихъ костей и череповъ ничего не нашелъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ меня Юкагировъ утверждалъ, что въ могилахъ шамановъ попадаются иногда остатки идоловъ, а также разныя вещи изъ китоваго уса и мѣди.

За лѣсомъ лежала пространная, болотистая долина, вѣроятно, нѣкогда покрытая деревьями, что доказывали небольшія круглыя кочки, поросшія мхомъ; между ними извивались безчисленные ручейки. Дорога была ужасная. Лошади наши, то спотыкались на кочки и пни, то утопали въ болотѣ, такъ, что нѣсколько разъ

* Подобные ящики, утвержденные на высокихъ столбахъ, извѣстны здѣсь подъ именемъ *сайбъ*; нынѣ употребляются они уже не для погребенія мертвыхъ, а для сохраненія рыбы и другихъ запасовъ отъ дикихъ звѣрей. Говорятъ, что медвѣди пытались иногда перегрызать столбы, поддерживающіе такой ящикъ. Для отвращенія ихъ попытокъ принято здѣсь обыкновеніе натирать, или посыпать столбы порохомъ либо мѣлко истолченною сѣрою, что равно противно медвѣдямъ.

принуждены мы были ихъ развьючивать. Ѣзда не могла быть быстрою. Поздно вечеромъ достигли мы небольшаго селенія на правомъ берегу Анюя, въ 25-ти верстахъ отъ нашего послѣдняго ночлега. Сюда для рыбной ловли собралось тогда нѣсколько Чуванскихъ семействъ, потерявшихъ своихъ оленей. Но даже и сія обильная рыбою рѣка не избавила несчастныхъ отъ голода; у нихъ не было сѣтей и для ловли употребляли они весьма несовершенный родъ удочекъ и еще болѣе несовершенный родъ неводовъ, въ которые только чудомъ могла попасться рыба. Бѣдствія и нужды Чуванцовъ превосходятъ всякое описаніе. Мы подарили имъ часть нашихъ запасовъ. Одинъ видъ порядочной пищи привелъ голодныхъ дикарей въ истинное восхищеніе, а насытившись, они вдругъ предались самымъ страннымъ порывамъ радости и благодарности, до того, что мы едва могли ихъ успокоить и найдти время отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ. На слѣдующее утро, все народонаселеніе деревни провожало насъ на другой берегъ; женщины пѣли въ нашу похвалу сочиненные стихи, а мужчины стрѣляли въ честь нашу изъ ружей. Наконецъ, они разстались съ нами, повторяя увѣренія въ своей благодарности и долго еще доносились до насъ ихъ веселыя пѣсни. Несчастные забывали, что только сегодня они еще сыты, а завтра нужда и голодъ наступятъ съ новою силою, тѣмъ болѣе, что по общей безпечности ихъ никто незабо-

тился даже въ тотъ день закинуть уду, или запустить неводъ.

По высохшему руслу рѣки достигли мы довольно скоро лѣтовья, лежащаго на южномъ берегу Анюя, противъ горы Оброма. Нездоровье Бережнаго и утомленіе лошадей принудили насъ провести здѣсь два дня.

Іюля 10-го велѣли мы переправить нашихъ лошадей на правый, сѣверный берегъ Анюя, а сами, на небольшомъ плотѣ, поплыли по рѣкѣ въ Островное, куда вскорѣ послѣ насъ прибыли и лошади съ поклажею. Купецъ Бережной взялъ отсюда Чуванскаго Князька, знавшаго Чукотскій языкъ и согласившагося провожать насъ въ качествѣ переводчика. Разныя приготовленія къ поѣздкѣ заняли цѣлый день, и только 12-го числа отправились мы далѣе, вдоль сѣверозападнаго, лѣсистаго ската горы Оброма, переправились черезъ рѣчку Островную и недалеко оттуда расположились ночевать, проѣхавъ всего 15-ть верстъ.

На слѣдующій день небо покрылось тучами; атмосфера наполнилась густыми парами; наконецъ пошелъ дождь и продолжался безпрерывно цѣлую недѣлю. 13-го Іюля ѣхали мы по высокимъ лѣсистымъ холмамъ, до источниковъ ручья Коновалова, гдѣ переночевали, а на другой день, при сильномъ дождѣ, поѣхали далѣе. Къ вечеру передъ нами открылась пространная, голая долина, ограниченная съ противолежащей стороны лѣсомъ, раздѣленнымъ на отдѣльныя купы.

Намъ казалось, что онъ прорѣзывается извилинами значительной рѣки, которую почитали мы Погинденою. Къ сожалѣнію, достигнувъ лѣса уже поздно ночью, мы нашли только незначительный ручеекъ, черезъ который переправились, и потомъ переночевали.

До сего мѣста дорога наша вела насъ по обнаженной, мертвой равнинѣ. Мы не видали ни птицъ, ни другихъ животныхъ, и желали скорѣе достигнуть усѣянной озерами тундры, гдѣ можно было надѣяться найдти рыбу и гусей и ими дополнить истощенные наши запасы. Съ разсвѣтомъ поспѣшили мы далѣе и вскорѣ достигли холма, съ котораго открыли къ сѣверу унизанную островами и обильную рыбою рѣку Погиндену. Мы пріѣхали къ ней въ полдень, и долго и тщетно искавши брода, расположились на берегу, въ тѣни густой тополевой рощи. Лошади наши съ наслажденіемъ щипали сочную траву, а мы забросили сѣть и пошли искать удобнаго мѣста для перехода черезъ рѣку.

Берега Погиндены составляютъ рѣзкую противоположность съ пустынною печальною страною, доселѣ нами осмотрѣнною. Переходъ такъ внезапенъ, что кажется, какъ будто волшебствомъ переносится путникъ въ другую страну и другой климатъ. Вмѣсто однообразныхъ лиственницъ и безпрерывныхъ топкихъ болотъ видите здѣсь прекрасныя, свѣжею зеленью одѣтыя лужайки, съ густыми рощами высокоствольныхъ тополей, осинъ и особаго рода ивы, отличающейся свои-

ми длинными, тонкими сучьями. На возвышенныхъ берегахъ цвѣтутъ разныя благоухающія травы. Здѣсь нашли мы также много дикаго лука, составившаго очень вкусную приправу нашихъ кушаньевъ.

Не сыскавъ удобнаго для переправы мѣста, мы возвратились къ палаткѣ, вытащили изъ воды нашу сѣть, и—увы! она была пуста. Чрезвычайно недовольные двоякою неудачею, мы расположились здѣсь ночевать, въ надеждѣ, что къ утру вода въ рѣкѣ спадетъ. Такое явленіе въ Сибири очень обыкновенно, потому что даже лѣтомъ ночные морозы покрываютъ льдомъ ручьи и малые притоки большихъ рѣкъ, отъ чего въ нихъ вода по утрамъ всегда ниже, нежели вечеромъ.

Дѣйствительно, 16-го числа, рано поутру, нашли мы, что вода въ Погиндень сбыла на цѣлые два фута. Мы поспѣшили тѣмъ воспользоваться и выбрали для переправы мѣсто, гдѣ рѣка раздѣлялась на три *рассохи.* Первая изъ нихъ была совершенно суха, во второй вода достигала почти до сѣделъ, а въ третьей мы едва не потеряли одной изъ нашихъ вьючныхъ лошадей. Черезъ послѣднюю рассоху переправлялись мы по порогу; теченіе было весьма сильно, но гладкое каменистое дно представляло болѣе удобности переправѣ. Противопоставляя стремительному напору воды всю силу лошади, должно было идти наискозь противъ теченія рѣки, и такимъ образомъ мы всѣ счастливо достигли крутаго про-

тиволежащаго берега. Но пока передніія лошади карабкались на него, сила теченія повернула самую заднюю лошадь и повлекла ее съ собою. Она погибла бы непремѣнно со всѣми вьюками, еслибы не была привязана къ переднимъ лошадямъ ремнемъ, который былъ такъ крѣпокъ, что мы могли вытащить на берегъ несчастное животное.

Отсюда отправились мы далѣе на сѣверъ. Съ вершины обнаженнаго холма открылась передъ нами обширная болотистая равнина, усѣянная безчисленными озерами и орошаемая рѣчкою *Филатовою*, принадлежащею къ тремъ главнымъ притокамъ Погнидены. Почти параллельно съ нею тянется цѣпь лѣсистыхъ невысокихъ холмовъ, по которой мы слѣдовали, и переправившись черезъ болото, достигли береговъ Филатовой. На дорогѣ замѣтили нѣсколько пустыхъ Тунгусскихъ юртъ.

Филатова гораздо менѣе Погнидены и мѣстами неширe 10-ти саженъ, но ея теченіе чрезвычайно быстро и образуетъ, можно сказать, безпрерывные водопады. Она испещрена островами, а песчаные берега ея поросли низменнымъ ивнякомъ. Приближаясь къ холмамъ, рѣка круто изгибается, составляя на правомъ берегу высокіе мысы, гдѣ зеленѣютъ отдѣльныя купы лиственницъ. На одномъ изъ такихъ возвышеній расположились мы на ночлегъ; древесныя вѣтви защищали насъ нѣсколько отъ дождя, безпрерывно продолжавшагося.

Двѣ цѣпи горъ тянулись по обоимъ берегамъ рѣки, постепенно понижаясь, и въ 20-ти верстахъ на юго-западъ оканчивались высокою, зубчатыми утесами обставленною горою, извѣстною подъ именемъ *Шароховатаго Камня.* Далѣе горныя цѣпи превращаются въ ряды скалъ; большая часть ихъ такого страннаго образованія, что воображеніе находитъ здѣсь исполинскія фигуры людей, звѣрей, развалины строеній, и т. п. Господствующая каменная порода въ сей полосѣ шиферъ, проросшій кварцовыми жилами.

Не смотря на безпрерывный дождь, превратившійся ночью въ сильный снѣгъ, мы продолжали путь. Въ 10-ти верстахъ отъ ночлега достигли мы рѣки, которую наши проводники называли *Ѳедотихой.* Она течетъ по опушкѣ лѣса и впадаетъ съ правой стороны въ Филатову, подъ 69° 3′ широты.

Здѣсь оканчивается высокоствольный лѣсъ; на противоположной сторонѣ растетъ только ивовый кустарникъ, превращающійся наконецъ въ низменный, стелющійся ерникъ. Запасшись шестами для нашихъ палатокъ, мы отправились далѣе, и переправившись черезъ нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ Ѳедотиху, остановились ночевать у подошвы небольшаго холма, доставившаго намъ защиту отъ холоднаго вѣтра. Пока лошади наши выгребали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга, проводники собрали достаточное количество прутьевъ, такъ что мы могли сварить себѣ ужинъ и поддерживать небольшой огонь. Ночью

громкій лай собаки разбудилъ насъ: большой черный медвѣдь приближался къ палаткѣ, но испуганный лаемъ собакъ побѣжалъ и вскорѣ скрылся въ кустарникахъ. Темнота не позволила намъ преслѣдовать бѣгущаго.

Холодная дождливая погода не слишкомъ благопріятствовала нашему путешествію. Іюля 18-го густой туманъ покрылъ всю окрестность; въ ста шагахъ нельзя было различать предметовъ. Горы по правому берегу рѣки, вдоль которыхъ мы слѣдовали, казались выше и крутѣе лежащихъ на сѣверъ; мѣстами, гдѣ позволялъ туманъ, мы видѣли, что вершины горъ были скалисты и покрыты снѣгомъ.

Отъ безпрерывнаго дождя и снѣга разлившіеся ручьи, пѣнясь, вырывались изъ ущелій южной цѣпи горъ и прорѣзывали во всѣхъ направленіяхъ долину; она постепенно становилась уже, и наконецъ уподобилась высохшему руслу рѣки; по обѣимъ сторонамъ отвѣсно подымались ряды скалъ, увѣнчанныхъ зубцами страннаго образованія. Между горами зіяли мрачныя пропасти и ущелья; вся земля завалена была осколками камней. Вообще вся долина являла дикій видъ и произвела на насъ унылое впечатлѣніе. Юкагиры увѣряли, что злые духи основали здѣсь свое лѣтнее жилище. Несмотря на такое мнѣніе, туземцы, принимая большія мѣры для защиты себя отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ, посѣщаютъ осенью сію долину для охоты за дикими баранами. Всего изобильнѣе водятся сіи

животныя на берегахъ Березовой, получившей отъ того названіе Малой Баранихи. Нѣсколько времени слѣдовали мы между скалами, по извивистымъ берегамъ рѣки, но рѣзкій вѣтеръ, вырывавшійся съ неимовѣрною силою изъ ущелій и овраговъ, ежеминутно грозилъ снести въ пропасть лошадей и сѣдоковъ и принудилъ насъ остановиться. Для ночлега выбрали мы мѣсто подъ навѣсомъ скалы, защищавшей насъ отъ безпрерывнаго снѣга.

Къ утру вѣтеръ стихъ и мы могли отправиться далѣе. Долина, постепенно раздвигаясь, достигла наконецъ 10-ти верстъ ширины; съ тѣмъ вмѣстѣ, обставлявшія ее горы понижались и въ 20-ти верстахъ отъ ночлега превратились въ отдѣльные земляные холмы. Теченіе Березовой сдѣлалось спокойнѣе; изрѣдка попадались небольшія, свойственныя тундрѣ озера. Къ вечеру расположились мы ночевать при подошвѣ невысокаго холма. Долина была здѣсь уже около двадцати верстъ въ ширину.

За труды сегодняшней поѣздки были мы съ купцомъ Бережнымъ нѣсколько награждены: онъ нашелъ прекрасный мамонтовый рогъ, а мнѣ удалось застрѣлить жирнаго лебедя. Моя добыча въ настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ была гораздо драгоцѣннѣе находки моего спутника, потому что наши запасы были очень уже скудны и ограничивались немногими сухарями.

На другой день, по утру, мы были разбужены громкимъ крикомъ стада дикихъ гусей, въ безчисленномъ множествѣ плескавшихся недале-

20, XII. 820

ко отъ насъ, въ озерѣ. Мы поспѣшили вооружиться палками, осѣдлали лошадей и окружили озеро, въ надеждѣ на богатую добычу. Собака наша бросилась въ воду и выгнала птицъ на берегъ; въ короткое время намъ удалось убить палками 75 гусей. Не привыкши владѣть палкою такъ искусно, какъ туземцы, и не зная всѣхъ хитростей дикихъ гусей, я убилъ только одного. Быстрота и проворство, съ какими туземцы преслѣдуютъ разбѣгающихся въ разныя стороны гусей, безпрерывно дѣйствуя палкою по всѣмъ направленіямъ, заслуживаютъ удивленіе. Вообще гусиная охота представляетъ оригинальную и необыкновенную картину, нѣсколько напоминающую поколку оленей въ водѣ.

Обрадованные столь значительнымъ приращеніемъ нашихъ съѣстныхъ припасовъ, мы нагрузили ими лошадей и отправились въ путь. Сегодня былъ первый ясный день съ самаго отъѣзда изъ Островнаго. Мы спѣшили воспользоваться благопріятною погодою и достигнуть морскаго берега, по мнѣнію нашего проводника, бывшаго отъ насъ въ 30-ти верстахъ, но въ полдень я взялъ полуденную высоту солнца, и къ общей радости моихъ спутниковъ, нашелъ, что мы находились только въ 5-ти верстахъ отъ моря. Дѣйствительно, переправившись на правую сторону Березовой и перейдя цѣпь невысокихъ и плоскихъ холмовъ, мы достигли морскаго берега и расположились ночевать въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ устья рѣки.

Твердый, блестящій, бѣлый ледъ покрывалъ море до краевъ горизонта и только въ заливахъ была вода. Ночью сильный вѣтеръ развелъ волненіе и выбросилъ на берегъ огромныя льдины; холодъ былъ весьма чувствителенъ.

Іюля 21-го, рано по утру, отправились мы далѣе на востокъ, по морскому берегу. Обходя болотистыя устья многихъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ здѣсь въ море, и занимаясь по дорогѣ гусиною и песцовою охотою, подвигались мы весьма медленно, и только въ полночь прибыли къ балагану экспедиціи, гдѣ нашли начальника нашего съ его сопутниками.

Приготовленія къ дальнѣйшему путешествію задержали насъ здѣсь нѣсколько дней. Наконецъ, 31-го Іюля оба каравана отправились въ путь. Начальникъ экспедиціи поѣхалъ на югъ, къ верховьямъ Большой Баранихи, а мы переправились на лодкѣ, устроенной г. Козьминымъ, черезъ три устья сей рѣки, до того мѣста, куда лошади наши были отправлены за нѣсколько дней. Здѣсь были мы принуждены остановиться, потому, что Чуванскій Князекъ, сопровождавшій насъ въ качествѣ Чукотскаго толмача, внезапно занемогъ. Наши простыя лекарства, водка, чай и перецъ, соединенныя съ діэтою и спокойствіемъ, оказали желаемое дѣйствіе на больнаго. Черезъ сутки былъ онъ почти здоровъ, и 1-го Августа могли мы продолжать путь.

Правый берегъ Баранихи, гдѣ мы находились, совершенно отличнаго образованія противъ лѣ-

ваго. Вмѣсто обрывистыхъ спутанныхъ кряжей, скалъ и утесовъ, затруднявшихъ прежде наше путешествіе, тянутся здѣсь параллельные ряды невысокихъ холмовъ. По скатамъ ихъ ѣхали мы на ZO. За нами, на краю горизонта, рисовались черные зубцы утесовъ и скалъ.

Періодъ линянья гусей окончился и безчисленными стаями летѣли они на югъ, но столь высоко, что были внѣ нашихъ выстрѣловъ. Напротивъ, намъ удалось убить 18-ть лебедей. Они линяютъ не стадами, какъ гуси, а попарно, и изрѣдка по четыре на одномъ озерѣ.

Въ 10-ти верстахъ отъ рѣчки, значительнѣйшей изъ впадающихъ въ море на востокъ отъ Баранихи, замѣтили мы развалившійся холмъ. Все пространство, отъ подошвы его до морскаго берега, на разстояніи полуверсты, было, въ полномъ смыслѣ слова, *усѣяно* остовами разныхъ допотопныхъ животныхъ. Мой спутникъ надѣялся получить здѣсь богатую добычу, но не смотря на самыя тщательныя изысканія, не могъ онъ найдти ни одного мамонтоваго клыка. По большому количеству челюстей сего животнаго заключили мы, что другіе, болѣе счастливые промышленники посѣщали уже здѣшнія мѣста прежде насъ и завладѣли всѣми драгоцѣнностями. Наше предположеніе въ послѣдствіи оправдалось. Недалеко отсюда, на небольшой долинѣ, замѣтили мы слѣды, гдѣ нѣкогда горѣли костры и стояли палатки; вокругъ валялось много полуиспорченныхъ кусковъ мамонтовыхъ клыковъ.

Вѣроятно, партія промышленниковъ очищала и приготовляла здѣсь къ перевозу свою добычу.

На другомъ берегу рѣки переправились мы черезъ рядъ холмовъ и достигли долины, по которой течетъ рѣчка *Козьминка*, среди безчисленныхъ озеръ. На правомъ берегу ея встрѣтились мы совершенно неожиданно съ штурманомъ Козьминымъ. По недостатку рыбы въ Большой Баранихѣ, онъ переѣхалъ на лодкѣ сюда, и въ первую ночь послѣ своего пріѣзда произвелъ весьма обильную ловлю. На слѣдующее утро сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ къ берегу и въ рѣку столько льдинъ, что рыбная ловля не могла продолжаться.

Козьминка, при низкой водѣ, до 25-ти саженъ шириною и отъ 4-хъ до 5-ти саженъ глубины. Мнѣ кажется, что Козьминка не рѣка, а узкій, далеко впадающій въ землю заливъ. Мое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что проводники наши, преслѣдуя птицъ, удалились на 20-ть верстъ отъ моря и замѣтили, что мнимая рѣка нисколько не уменьшалась, ни въ ширинѣ, ни въ глубинѣ, и что вода въ ней имѣла вкусъ соленый, отвратительный и не годилась ни на питье, ни для пищи.

Августа 3-го разлучились мы съ г-мъ Козьминымъ; онъ остался еще на мѣстѣ. Съ помощью его работниковъ выстроили мы небольшую лодку, необходимую намъ для переправы черезъ встрѣчающіяся рѣки. Нашъ караванъ состоялъ теперь изъ 6-ти человѣкъ: купца Бережнаго,

Чуванскаго Князька, по имени Мордовскаго, трехъ Якутовъ и меня. Подъ нами было 16-ть верховыхъ и вьючныхъ лошадей. Мы слѣдовали въ прежнемъ направленіи. Ручей, впадающій въ Козьминку и небольшія озера были покрыты льдомъ неломавшимся подъ нами. Мы ночевали у подошвы холма.

На другой день, намѣреваясь съ возвышенія осмотрѣть окрестность, я отдѣлился отъ моихъ товарищей, и пробираясь среди холмовъ, выѣхалъ на рѣчку, текущую по WSW направленію На ней плескалось цѣлое стадо линяющихъ гусей. Оставивъ лошадь на холмѣ, приблизился я съ подвѣтренной стороны къ безпечнымъ птицамъ и бросился на нихъ съ палкою. Привыкнувъ уже нѣсколько владѣть моимъ оружіемъ и ознакомившись съ хитростью гусей, довольно счастливо охотился я и убилъ нѣсколько штукъ. Бережной, безпокоясь о судьбѣ моей, послалъ Якута отыскивать меня. Онъ подоспѣлъ очень кстати и мы возвратились къ каравану съ богатою добычею.

Августа 4-го провели мы ночь на краю глубокой долины, нѣкогда, вѣроятно, составлявшей дно озера. Лошади нашли здѣсь хорошую траву, а крутые обвалы и земляные холмы, обставлявшіе долину, обѣщали Бережному богатую добычу мамонтовыхъ костей. Онъ рѣшился прожить здѣсь нѣсколько дней. Къ сожалѣнію, успѣхъ несоотвѣтствовалъ ожиданію. Мы нашли много костей, но собственно мамонтовыхъ клыковъ добы-

ли мало. Охота наша была счастливѣе. На берегу озера удалось намъ застрѣлить двухъ оленей; они, казалось, принадлежали къ постоянно живущимъ въ сѣверѣ и на зиму въ лѣса неудаляющимся. Въ послѣдствіи встрѣчали мы на берегу моря небольшіе табуны такихъ оленей.

Съ высоты обвала, гдѣ былъ расположенъ нашъ ночлегъ, показывались на востокъ, въ 100 верстахъ отъ насъ лежавшія, высокія горы: *Вайванпинъ, Гейла, Раутанъ* и *Шелагскій мысъ*, или *Ерри*, какъ называютъ его туземцы. Островершинные утесы, коими обставлены восточные и южные берега Чаунской губы, ясно рисовались на горизонтѣ, и я могъ запеленговать нѣкоторыя изъ нихъ.

Проведя здѣсь два дня въ напрасныхъ изысканіяхъ, Бережной рѣшился ограничить свое путешествіе только торговлею съ Чукчами, прекративъ дальнѣйшіе поиски мамонтовыхъ костей. Не теряя болѣе времени въ изслѣдованіи качества сосѣднихъ холмовъ, отправились мы, 7-го Августа, далѣе на юго-западъ, черезъ земляные яры и покрытыя льдомъ озера. Послѣ небольшаго перехода достигли западнаго устья Чаунской губы, доселѣ почитаемой рѣкою и называемой *Большою*.

Здѣсь долженъ я упомянуть о замѣчательномъ явленіи, свойственномъ, кажется, только самымъ отдаленнымъ полярнымъ странамъ. Начиная отъ береговъ Баранихи, а особенно отъ Козьминки, вся страна изрѣзана безчисленными глубокими

озерами разной величины, отдѣленными одно отъ другаго узкими, иногда нешире фута, плотинами. Линія поверхности воды столь притомъ неравна (иногда на 2 фута и болѣе), что подземное сообщеніе между сосѣдними озерами невозможно. Самыя плотины на верху покрыты тонкимъ слоемъ чернозема, но далѣе состоятъ, вѣроятно, какъ и весь грунтъ, изъ никогда нетающаго льда. Тѣмъ можно объяснить чрезвычайно холодную температуру воды въ сихъ озерахъ. При семъ предположеніи одно обстоятельство требуетъ однакожь поясненія, а именно: отъ чего узкія массы мерзлой земли, раздѣляющія озера, не таютъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и безпрерывнаго соприкосновенія съ водою?

Чаунская губа состоитъ изъ двухъ устьевъ, образующихъ островъ *Оіонъ* (по прежнимъ картамъ *Саббадей*), на сѣверѣ оканчивающійся низменнымъ пещанымъ мысомъ. Вообще весь островъ, кажется, пещанаго свойства; на немъ не видно ни кустовъ, ни травы, и только изрѣдка зеленѣетъ мохъ. Западное устье, гдѣ мы находились, менѣе восточнаго и въ малую воду глубина его не болѣе 2-хъ футовъ, а потому въ прошломъ году Бережной переправился черезъ него въ бродъ. Въ настоящее время, отъ продолжительныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, вода была однакожь высока, и заливъ, раздѣляющій материкъ отъ острова, простирался до 15-ти верстъ въ ширину.

Мы слѣдовали вдоль скатовъ прибрежныхъ

холмовъ, по узкой пещаной полосѣ, покрытой раковинами. Здѣсь расли широколистная капуста и другія морскія травы, а также изрѣдка попадались полипы и скорлупа шримсовъ.

Съ самаго утра дулъ сильный восточный вѣтеръ. Небо было совершенно чисто. Въ полдень показалось прекрасное небесное явленіе и проводники наши почли его за предвѣстіе непогоды: около солнца появились четыре побочныя солнца, соединенныя между собою радугами яркихъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ составлялся кругъ, поперечникъ котораго равнялся 40°. Кромѣ того, черезъ самое солнце и черезъ два изъ побочныхъ, проходила горизонтально радуга, длиною около 80°, а на оконечностяхъ ея стояли, перпендикулярно къ горизонту, двѣ небольшія радуги съ обратными, весьма слабыми цвѣтами. Явленіе продолжалось два часа и потомъ исчезло. Вѣтеръ мало помалу стихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пошелъ снѣгъ и началась мятель.

На ночь остановились мы въ узкой долинѣ, гдѣ нашли хорошій лугъ для лошадей и довольно много наноснаго лѣса. На скатѣ холма, подлѣ котораго расположились мы лагеремъ, земля растаяла только на 3 вершка.

Августа 8-го продолжали мы путь по низменному берегу. Направо отъ насъ пролегалъ крутой яръ, отъ 3-хъ до 7-ми саженъ вышины. Въ немъ нельзя было надѣяться найдти мамонтовыхъ костей, ибо онъ казался новѣйшаго образованія и состоялъ изъ волоконъ разныхъ кореньевъ и

ерника *. Въ одномъ изъ обваловъ видѣли мы разрѣзъ небольшаго обсохшаго озера. Оно было отъ 4-хъ до 6-ти футовъ глубиною. На днѣ его лежалъ довольно толстый и гладкій слой льда, надъ нимъ находился другой слой, а пространство между обоими было пусто. Верхній слой льда былъ покрытъ землею, на которой росла трава и мѣстами стлался ерникъ.

Къ полудню достигли мы небольшой рѣки, впадающей двумя устьями въ Чаунскій заливъ; она была неширока, но столь глубока, что мы переправили лошадей вплавь, а сами съ поклажею переѣхали на вѣткѣ. Полагаю, что рѣка сія только второе устье Козьѣники, и мнѣніе мое подкрѣпляется быстрымъ теченіемъ ея отъ запада.

Переправившись черезъ рѣку, мы продолжали путь среди низменныхъ холмовъ и безчисленныхъ маленькихъ озеръ. Дорога была чрезвычайно затруднительна. Восточный вѣтеръ перешелъ на NW, сильно скрѣпчалъ и ночью на 9-е Августа покрылъ снѣгомъ всю окрестность. Мятель, сопровождаемая дождемъ, сдѣлалась столь густа, что мы не могли различать даже окружавшихъ насъ предметовъ. На верховьяхъ одной рѣки замѣтили мы множество слѣдовъ медвѣдей. Недалеко отсюда выѣхали мы опять къ морю. На берегу лежала доска, съ деревянными гвоздями, вѣроятно, остав-

* На семъ обвалѣ нашелъ я, въ двухъ саженяхъ надъ поверхностью моря, полуистлѣвшій наносный лѣсъ; свѣжій попадается только на низменномъ берегу, что и можно счесть доказательствомъ убыли и здѣсь мало по малу моря.

шаяся отъ какого нибудь разбитаго судна. Непогода продолжалась, но дорога, хотя часто пересѣкаемая рѣчками и ручьями, была гладка и удобна, состоя изъ крупнаго песка. Мы подвигались довольно скоро, вдоль отвѣсной гряды шиферныхъ утесовъ, проросшихъ толстыми кварцовыми жилами.

Къ вечеру небо прояснилось и вѣтеръ перешелъ къ сѣверу. Несмотря на то, ледъ въ Чаунскомъ заливѣ не показывался; вѣроятно, отмѣли, находящіяся при входѣ въ заливъ, были тому причиною. Въ морѣ, недалеко отъ берега, находится уединенный утесъ, похожій издали на корабль, идущій въ полвѣтра; судя по дымчато-сѣрому цвѣту, онъ долженъ быть кварцоваго образованія. Недалеко отъ ночлега, при переправѣ черезъ неширокую, но быструю рѣку, одинъ изъ нашихъ Якутовъ опрокинулся съ лодкою, и не умѣя плавать, вѣроятно, утонулъ бы, еслибы не успѣлъ схватиться за брошенный ремень и такимъ образомъ выбраться на берегъ.

Августа 12 продолжали мы путь по морскому берегу. Онъ здѣсь крутъ, возвышенъ и составляетъ собственно скатъ Вайванинской горы. Намъ попадалось довольно наноснаго лѣса, а въ оврагахъ лежалъ глубокій снѣгъ. На ночь остановились мы при подошвѣ холма. Ночью подошли къ нашему стану четыре медвѣдя, но испуганные лаемъ собаки убѣжали.

Августа 13-го отправились мы далѣе, въ юго-восточномъ направленіи, черезъ холмы. Съ воз-

вышенія можно было осмотрѣть весь Чаунскій заливъ. Берегъ его образовывалъ, недалеко отъ нашего послѣдняго ночлега, мысъ. Послѣ 7-ми часовъ быстрой ѣзды достигли мы низменнаго песчанаго берега моря; съ южной стороны обставленъ онъ рядомъ крутыхъ, зубчатыхъ утесовъ. Отставши отъ товарищей, я ѣхалъ стороною и внезапно наткнулся на медвѣдя, съ жадностью терзавшаго тюленя. Я хотѣлъ удалиться, но не успѣлъ. Медвѣдь оставилъ свою добычу и съ ревомъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Надобно было защищаться. Все мое оружіе состояло изъ охотничьяго ножа. Но не смотря на то, и вспомнивъ повѣрье охотниковъ, что медвѣди боятся пристальнаго взгляда, я слѣзъ съ лошади и пошелъ смѣло на звѣря. Не знаю, чѣмъ кончилась бы наша схватка. Моя твердая поступь, пристальный взоръ и обнаженный ножъ не дѣлали никакого впечатлѣнія на звѣря, съ возраставшею яростію ко мнѣ приближавшагося. Къ счастью, подоспѣла наша собака, съ громкимъ лаемъ бросилась на него и прогнала устрашеннаго непріятеля. Я поспѣшилъ завладѣть оставленнымъ отъ медвѣдя тюленемъ и соединиться съ товарищами.

Наше положеніе становилось весьма затруднительно. Около шести недѣль бродили мы по пустынямъ, но главной цѣли поѣздки нашей, Чукотской земли, не могли еще достигнуть. Разныя неблагопріятныя обстоятельства замедляли наше путешествіе, а между тѣмъ холодное вре-

мя года приближалось, и мы опасались, чтобы не пришлось намъ окончить поѣздки нашей зимнимъ путемъ, а къ нему мы совершенно не были приготовлены. Бережной рѣшился потребовать отъ нашего вожатаго, Чуванскаго Князька, объявленія, гдѣ именно мы находимся и скоро ли можемъ надѣяться встрѣтить Чукчей? Послѣ многихъ отговорокъ оказалось, что я давно предвидѣлъ и предсказывалъ, а именно: Чуванецъ объявилъ, «что онъ надѣялся здѣсь найдти Чукчей, а теперь совершенно не знаетъ, гдѣ искать ихъ самихъ и ихъ землю.» Можно себѣ представить нашъ гнѣвъ и нашу досаду при такомъ открытіи! Я былъ еще такъ счастливъ, что исполнилъ возложенное на меня порученіе, описавъ осмотрѣнную страну, а Бережной, за всѣ труды и лишенія, былъ вознагражденъ нѣсколькими мамонтовыми клыками. Главная цѣль нашего путешествія: знакомство и мѣновая торговля съ Чукчами, осталась недостигнутою. Сообразивъ всѣ обстоятельства, Бережной рѣшился наконецъ отказаться отъ своего намѣренія, и прямою дорогою, черезъ тундру, возвратиться въ Нижне-Колымскъ. Вполнѣ полагаясь на многолѣтнюю опытность и совершенное знаніе мѣстности моимъ товарищемъ, я нимало не противорѣчилъ ему, и мы отправились, 14-го Августа, въ обратный путь. Отсюда повернули мы на востокъ, въ надеждѣ достигнуть горы, подобно обрывистому мысу подымавшейся надъ тундрою. Съ вершины ея хотѣли мы осмотрѣть о-

крестность и опредѣлить нашъ путь. Проѣхавъ 20-ть верстъ, мы приблизились къ горѣ. Съ одной стороны подмывалась она быстрою и глубокою рѣкою, черезъ которую не безъ труда мы переправились. Усталость и темнота принудили насъ расположиться ночевать на другомъ берегу рѣки у подошвы горы.

Съ первыми лучами утренняго солнца, мы увидѣли неожиданное и пріятное явленіе. Случай велъ насъ лучше проводника: мы находились въ предѣлахъ Чукотской земли. Передъ нами, въ долинѣ изгибалась рѣка *Таушиео*, а на берегахъ ея стояло множество юртъ. Мы поспѣшили туда, но юрты были пусты. Все увѣряло насъ, что здѣсь недавно еще находились жители; вѣтеръ не разнесъ еще золы съ мѣстъ, гдѣ горѣли костры; вокругъ нихъ валялись кости и разные остатки съѣстныхъ запасовъ, даже волки, немедленно приходящіе послѣ людей, на оставленныя имъ мѣста, не успѣли всего очистить. Вѣроятно, обитатели долины только что оставили сіе мѣсто и находились еще не вдалекѣ. Я пошелъ на гору, которую нашъ проводникъ, снова утверждавшій, что знаетъ страну, называлъ *Гейлы*, въ надеждѣ съ вершины ея осмотрѣть окрестности; но мы не успѣли дойдти до средины высоты, какъ внезапный туманъ спустился на землю и обхватилъ весь небосклонъ. Такое обстоятельство и сигнальные выстрѣлы оставшихся въ долинѣ товарищей принудили насъ поспѣшить внизъ. Г. Бережной, оставшись при своемъ намѣреніи,

слѣдовалъ вверхъ по теченію рѣки; мы сѣли на лошадей и вскорѣ догнали караванъ.

Долина, орошаемая рѣкою Таунисо, довольно широка и усѣяна безчисленными озерами. Съ боковъ, обставлена рядами плоскихъ холмовъ; постепенно возвышаясь, они превращаются наконецъ въ утесы, обрывомъ спускающіеся въ долину. На мѣстахъ, нѣсколько защищенныхъ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, стелется по землѣ низменный березнякъ; онъ служилъ намъ топливомъ.

Въ продолженіе всего пути вверхъ по рѣкѣ, 16-го Августа, встрѣчали мы много мѣстъ, гдѣ нѣкогда стояли Чукотскія юрты, но самыхъ жителей нигдѣ не видали. Между прочимъ, замѣтили мы также большія стада оленей, позволявшихъ къ нимъ приближаться, изъ чего заключили мы, что то были, вѣроятно, домашнія животныя отсутствующихъ жителей. Въ послѣдствіи предположеніе наше оправдалось; олени дѣйствительно принадлежали Чукчамъ, которые насъ видѣли, но по боязни скрывались отъ насъ.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ морскаго берега, воздухъ становился теплѣе, а вечеромъ появились и комары. Къ счастію, сильный сѣверозападный вѣтеръ разогналъ мучителей. Мѣстами росли здѣсь по долинѣ разныя ягодныя растенія, какъ то: *шикша* (Empetrum), *голубель* (Vaccinium uligiinorum) и морошка (Rubus chamaemorus); но по причинѣ холоднаго лѣта, на нихъ не было плодовъ и, вѣроятно, онѣ даже не цвѣли.

Грунтъ былъ сплошь болотистый, усѣянный моховыми кочками, а между ними стоялъ тонкій ледъ.

Августа 17-го порывистый сѣверо-западный вѣтеръ, съ сильнымъ снѣгомъ и дождемъ, не позволилъ намъ продолжать путешествія. Мы остановились, но при сильной бурѣ не было возможности, ни разбить палатки, ни развести огня. Ночью, вмѣсто снѣга и дождя, наступилъ порядочный морозъ. Промокшія платья наши промерзли, и мы весьма страдали отъ холода, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ съ большою силою.

Съ разсвѣтомъ 18-го Августа, поспѣшили мы отправиться въ путь, надѣясь движеніемъ согрѣть нѣсколько наши оцѣпенѣвшіе члены. Отъ ночнаго мороза всѣ озера покрылись толстымъ льдомъ, а болота такъ скрѣпили, что не проламывались подъ лошадьми; рѣка дала также большіе забереги. Мы провели ночь при соединеніи двухъ притоковъ рѣки; меньшій изъ нихъ шелъ съ юга, а другой съ запада.

Августа 19-го сдѣлали мы небольшой переходъ, боясь слишкомъ утомить лошадей, которымъ предстоялъ трудный путь черезъ высокій хребетъ. Всю ночь провели мы безъ огня. Нѣсколько сухихъ, черствыхъ сухарей, были нашею единственною пищею.

На другой день повернули мы къ западу; по нашему направленію тянулось нѣсколько многочисленныхъ стадъ оленей. Въ долинѣ, между двумя рѣками, замѣтили мы порядочно уѣзжан-

ную дорогу; по ней, какъ въ послѣдствіи узнали мы, Чукчи отправляются въ Островное. Я предполагалъ было слѣдовать по сей дорогѣ, потому, что по моему счисленію, она должна была вывести насъ на сѣверъ отъ тундры. Но товарищи мои не согласились съ моимъ мнѣніемъ, и рѣшились слѣдовать вверхъ по рѣкѣ, которая привела насъ въ дикую пустыню. Наполненная парами и туманомъ атмосфера ежеминутно измѣняла видъ окрестности. Мы находились въ глубокой долинѣ; окружавшія насъ скалы безпрестанно принимали самыя разнообразныя и странныя формы. Внезапно густой туманъ скрылъ весь небосклонъ, и только мѣстами можно было различать черные зубчатые верхи утесовъ. Плескъ низвергавшихся со всѣхъ сторонъ водопадовъ, грохотъ отторгнутыхъ волнами камней, свистъ и завываніе вѣтра въ ущельяхъ, и наконецъ, постепенно сгущавшійся туманъ, закрывшій отъ насъ даже ближайшіе предметы, наводили невольный ужасъ. Подвигаться впередъ, при совершенномъ незнаніи мѣстности, было опасно и затруднительно. Мы замѣтили наконецъ, что земля подъ нами становится круче, а шумъ волнъ постепенно отдаляется. Мы попали въ узкій оврагъ, который могъ довести насъ въ пропасть. Оставалось слѣзть съ лошадей и вести ихъ за поводья. Два часа карабкались мы вверхъ по рыхлому грунту; камни и песокъ катились изъ-подъ ногъ, угрожая увлечь съ собою и насъ и лошадей. Въ ежеминутной опасности сорваться съ ужасной высо-

ты, ощупью добрались мы до вершины горы, гдѣ оканчивалась тропинка. Передъ нами лежала пропасть; туманъ скрывалъ ее глубину. Одинъ за другимъ, собрались всѣ наши спутники на небольшой площадкѣ горы. Напрасно смотрѣли мы въ мрачную бездну, наполненную туманомъ, и напрасно напрягали взоры вдаль — выхода не было! Положеніе наше становилось ужасно; впереди была пропасть, и возвратиться назадъ, къ лугамъ, черезъ разстояніе около 30-ти верстъ, при совершенномъ изнеможеніи лошадей, было невозможно. Изъ мучительной неизвѣстности были мы выведены раздавшимся невдалекѣ отъ насъ топотомъ и хорканьемъ оленей. Мы поспѣшили за утѣшительными звуками, и вскорѣ увидѣли большую движущуюся массу. Она разсѣялась отъ нашего приближенія и скрылась въ туманѣ. По слѣдамъ мы замѣтили, что большая часть оленей побѣжала къ ущелью на юго-западъ. Мы пошли туда же, ведя нашихъ лошадей. Узкая, крутая щель, изгибаясь въ скалѣ, вывела насъ на вершину хребта, который всѣ почитали предѣломъ тундры, несмотря на мои увѣренія, что онъ долженъ лежать гораздо южнѣе. Здѣсь мы вышли изъ тумана, какъ море, волновавшагося подъ нами. Густыя массы паровъ, медленно клубясь, набѣгали на утесы, и сопка, на которой мы стояли, уподоблялась острову среди необозримаго океана.

При всей трудности, путь сюда могъ почесться

легкимъ, въ сравненіи съ опасностями и препятствіями, ожидавшими насъ при спускѣ съ хребта. Саженъ сто перпендикулярной высоты вела насъ извилистая тропа оленей, и здѣсь равно надобно было удивляться осторожному и хитрому ходу ихъ и цѣпкости нашихъ лошадей. Далѣе тропа исчезла на рыхломъ пескѣ и осколкахъ камней, безпрестанно катившихся изъ-подъ насъ въ бездну, и падавшихъ въ озеро, лежащее на днѣ ея. По крутому скату сводили мы нашихъ лошадей, то опираясь на нихъ, то поддерживая ихъ. Поздно ночью достигли мы песчаныхъ береговъ, и не смотря на совершенное изнуреніе, должны были идти еще далѣе. Наконецъ, на берегу ручья, свергавшагося со скалы и впадающаго въ озеро, нашли мы хорошій лугъ и расположились на ночлегъ. Лошади наши были обезпечены, но за то мы сами находились въ жалкомъ положеніи. Общій, самый подробный обзоръ всѣхъ мѣшковъ и кармановъ доставилъ намъ только нѣсколько старыхъ, сухихъ сухарей и немного рыбы. Подѣлившись поровну крохамъ, легли мы спать чрезвычайно голодные, но большая часть въ сладкой увѣренности, что переходъ черезъ горы совершенно конченъ, голая тундра осталась за нами, и поутру достигнемъ мы Анюя и лѣсовъ, гдѣ насъ ожидали защита отъ непогоды и всякаго рода съѣстные припасы. Мнѣ казалось, что граница тундры еще далеко передъ нами; но моему мнѣнію никто не вѣрилъ. Не смотря на голодъ, спали мы очень хорошо,

и многіе видѣли уже во снѣ жареныхъ гусей и жирную уху.

Съ разсвѣтомъ все наше общество поднялось и приготовилось къ дальнѣйшему путешествію, но первый взглядъ на окрестности увѣрилъ меня, что къ сожалѣнію, я былъ правъ. Крутой и высокій хребетъ горъ, составляющій предѣлъ тундры, опоясывалъ всю южную часть небосклона. При вчерашнемъ туманѣ мы заблудились, взяли не ту дорогу; переправились съ неимовѣрными трудами и опасностями черезъ сѣверо-западную вѣтвь главнаго хребта, и вышли на одинъ изъ источниковъ Баранихи. Всевозможными доводами старался я увѣрить Бережнаго и другихъ въ нашей ошибкѣ и необходимости обратиться назадъ, но напрасно. Служившій намъ переводчикомъ Чуванецъ утверждалъ, что совершенно знаетъ страну, называлъ по именамъ каждую гору, рѣчку и долину, и не смотря на многократныя доказательства его невѣденія, одержалъ верхъ. Г. Бережной, какъ хозяинъ лошадей, рѣшился идти впередъ, и мы отправились.

Въ дурномъ расположеніи духа и съ голоднымъ желудкомъ продолжали мы путь—я въ полной увѣренности, что принятое нами направленіе было неправильно, а Бережной въ сомнѣніи и безпокойствѣ о послѣдствіяхъ. Весьма медленно подвигались мы, и шли почти всю дорогу пѣшкомъ, ведя нашихъ утомленныхъ лошадей. Къ вечеру достигли подошвы высокаго кряжа скалъ и остановились на небольшой равнинѣ,

поросшей тучною травою. Дикій лукъ и нѣсколько корней, вырытыхъ Якутами изъ мышиныхъ норъ, были нашею единственною пищею.

Августа 22-го, съ разсвѣтомъ, мы увидѣли въ направленіи, которому слѣдовали, густой морской туманъ, что открыло глаза моимъ странникамъ, и даже Чуванецъ признался, что онъ заблудился и совершенно не знаетъ страны, гдѣ мы находимся. Бережной и Якуты пришли въ отчаяніе, думали, что мы попали въ Чукотскую землю, и были въ нѣсколькихъ стахъ верстъ отъ Анюевъ, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, съ утомленными лошадьми, и должны неминуемо здѣсь погибнуть.

Тогда всѣ увѣрились наконецъ въ справедливости моихъ предположеній и обратились ко мнѣ съ просьбою вывести ихъ отсюда, обѣщая во всемъ безпрекословно мнѣ повиноваться. Хотя при сжатомъ голодномъ желудкѣ человѣкъ не можетъ быть слишкомъ чувствителенъ къ подобной чести, однакожь я радовался, что дѣло приняло такой оборотъ, и что я имѣлъ возможность освободиться изъ самаго непріятнаго положенія. По моему счисленію, находились мы въ двухъ дняхъ пути отъ Малаго Анюя и его прибрежныхъ лѣсовъ. На третьи сутки обѣщалъ я привести караванъ нашъ къ рѣкѣ, и 23-го Августа отправились мы въ путь.

Пройдя 15-ть верстъ по глубокому, мрачному оврагу, бока котораго, перпендикулярно спускав-

шіеся, скрывались отъ насъ двумя и тремя слоями облаковъ, мы вышли къ небольшой рѣчкѣ. Она быстро текла къ сѣверу и привела насъ къ большому озеру, берега котораго были обставлены огромными черными скалами. Обогнувъ озеро съ западной стороны, и подвинувшись еще 10-ть верстъ, мы рѣшились остановиться на ночлегъ, разложили огонь и, по привычкѣ, повѣсили котелъ, но — варить намъ было нечего. Пока всѣ мы, молча и угрюмо, сидѣли около костра, одинъ изъ Якутовъ отозвалъ меня въ сторону и, показывая изъ-подъ одежды своей утку, которую, отставъ отъ товарищей, случайно убилъ онъ камнемъ, сказалъ мнѣ: «Возьми, тойонъ, и съѣшь одинъ; ты сильно усталъ.» — Я поблагодарилъ Якута за его добросердечіе, и безъ всякаго приготовленія бросилъ утку въ общій котелъ. Хотя похлебка наша была очень водяниста, и каждому изъ насъ досталось по самому незначительному кусочку утки, однакожъ свѣжая пища нѣсколько подкрѣпила наши силы. За то, кромѣ перьевъ, отъ утки ничего не осталось, не только внутренности, даже кости ея были нами съѣдены.

Вечеръ былъ ясенъ. Ни одно облако не показывалось на темно-голубомъ, усѣянномъ звѣздами небѣ, и мы заснули въ сладкой надеждѣ, что завтра погода будетъ благопріятна для нашей поѣздки. Ночью поднялся сильный вѣтеръ, и 23-го, по утру, когда мы проснулись, вся окрестность была покрыта глубокимъ снѣгомъ. Стараясь нѣсколько согрѣться и обсушиться, мы раз-

ложили огонь изъ шестовъ нашей палатки, поймали лошадей и пошли далѣе, прямо въ горы.

Мы шли по теченію ручья, по колѣно въ снѣгу и весьма медленно подвигались къ югу. Дорога становилась круче и привела насъ наконецъ на остроконечный гребень хребта. Туманъ, облака и густая вьюга скрывали всю окрестность. Мы расположились отдыхать на снѣгу. Вскорѣ показалось солнце и туманъ разсѣялся. Насъ окружали со всѣхъ сторонъ крутыя, покрытыя снѣгомъ горы. Послѣ долгаго исканья, нашли мы на южной сторонѣ мѣстечко, казалось, удобное для спуска. Крутая и узкая разщелина упиралась въ пропасть. Пустивъ лошадей нашихъ однѣхъ впередъ, мы начали спускаться за ними, и здѣсь вполнѣ почувствовали мы благодѣтельность выпавшаго снѣга, безъ котораго не было намъ возможности сойдти съ горъ; снѣгъ неоднократно поддерживалъ насъ, когда мы скользили, и спасалъ отъ ушибовъ при паденіяхъ.

До наступленія темноты, всѣ счастливо достигли подошвы хребта, и только иные изъ насъ порядочно но неопасно ушиблись. Наши лошади были также хотя изранены при паденіи на остроконечные камни, но могли за нами слѣдовать. Мы поздравляли другъ друга съ счастливымъ переходомъ черезъ горы, и расположились на снѣгу, подъ которымъ лошади нашли себѣ траву. Въ надеждѣ достигнуть завтра Анюя, всѣ мы скоро заснули; но уже ночью голодъ, послѣ трехъ-дневнаго поста, при безпрестанныхъ усп-

ліяхъ, началъ насъ мучить и вскорѣ сдѣлался нестерпимъ. Замѣчательны были разныя впечатлѣнія, которыя такое мучительное чувство производили на всѣхъ насъ: иной молился; другой беззаботно пѣлъ унылыя пѣсни; третій прыгалъ и кричалъ; нѣкоторые стояли неподвижно, устремивъ въ землю безжизненные взоры, а иные говорили, но безъ всякой связи. Якутъ, прежде съ особеннымъ уваженіемъ, даже со страхомъ подводившій мнѣ лошадь, обнималъ меня и полуплача, спрашивалъ: «Скоро придемъ къ Анюю?» Я старался всѣхъ утѣшить, обѣщая къ вечеру достигнуть рѣки и лучшихъ странъ. Но одно благое Провидѣніе было нашимъ руководителемъ. Безъ всякой побудительной причины, повелъ я моихъ товарищей къ высокой цѣпи холмовъ. Съ трудомъ добрались мы до ихъ вершины и вдругъ увидѣли передъ собою обширную долину и разбросанныя по ней купы деревьевъ! Какъ на морѣ, послѣ долгаго и затрудительнаго плаванія, крикъ: «Земля, земля!» возбуждаетъ радость и дѣятельность на кораблѣ, такъ и здѣсь видъ деревьевъ подѣйствовалъ, будто электрическій ударъ, на утомленное общество. *Лѣсъ*! *Лѣсъ*! раздалось со всѣхъ сторонъ, и мы радостно погнали лошадей впередъ. Анюй, а съ нимъ и конецъ нашихъ страданій, были недалеко.

Утомленныя лошади, не раздѣляя нашей надежды, едва передвигали ноги, спотыкаясь на каждомъ шагу. Такъ дотащились мы до лѣса, проѣхали еще двѣ версты, и расположились под-

лѣ небольшаго озера на хорошемъ лугу. Голодъ мучилъ насъ. Я предложилъ убить одну изъ лошадей. «Нѣтъ,» сказалъ одинъ изъ Якутовъ, «лошади наши измучены, покрыты нарывами и ранами; ихъ кровь воспалена, и мы заболѣемъ, если станемъ ѣсть ихъ мясо.»—Но мы умремъ съ голода. —«Ну, Богъ поможетъ!» Протяжно едва слышными голосами повторили мы всѣ: «Богъ поможетъ!» перекрестились, и не заботясь о палаткѣ и огнѣ, бросились на сырой пещаный берегъ. Съ трудомъ удалось мнѣ уговорить Якута закинуть сѣть въ озеро. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы погрузились въ крѣпкій сонъ.

Когда мы проснулись (25-го Августа), солнце уже высоко стояло на небѣ. Сѣть наша лежала въ водѣ. Ни кто не смѣлъ къ ней коснуться. Казалось, всѣ боялись, что ловъ окажется неудаченъ, что привело бы насъ въ совершенное отчаяніе. Наконецъ я рѣшился и велѣлъ тащить сѣть. Мы принялись за работу. Взоры всѣхъ устремились на мутную воду; сѣть показалась. Она была тяжелѣе обыкновенной, въ ней что-то двигалось; мы поймали трехъ большихъ и нѣсколько малыхъ рыбъ. «Господь помогъ!» вскричали всѣ и преклонили колѣни съ молитвою, а потомъ вскочили, и радостно обнимаясь, поздравляли другъ друга. Огонь тотчасъ развели; котелъ закипѣлъ и за жирною ухою, съ дикимъ лукомъ и другими травами, мы забыли перенесенныя нами лишенія и были вполнѣ счастливы.

Лошади наши также подкрѣпили свои силы

на тучномъ лугу, и мы отправились далѣе. Вскорѣ показался вдали *Анюй*, но путь нашъ къ нему пересѣкалъ ручей, стремившійся изъ озера. Переправа черезъ него, на утомленныхъ и безсильныхъ лошадяхъ, была опасна, и признаюсь, я не согласился бы повторить ее. Рѣка была не мѣлка, такъ, что вода иногда покрывала сѣдлы, и русло ея было покрыто огромными остроконечными камнями. Лошади на каждомъ шагу спотыкались и оступались, и еслибы которая изъ нихъ упала, то вѣроятно была бы не въ состояніи подняться. Но мы счастливо переправились, и проѣхавъ еще 5-ть верстъ, переплывая и переходя черезъ нѣсколько рѣчекъ, достигли наконецъ давно искомаго, желаннаго Анюя. При устьѣ небольшаго ручейка расположились мы ночевать. Надъ нашими головами летѣло два стада гусей, а надъ ними несся соколъ. Внезапно устремился онъ на стадо; одинъ изъ гусей свернулся и упалъ мертвымъ на землю; а мы поспѣшили завладѣть добычею сокола, благодаря Провидѣніе за столь неожиданную помощь.

Августа 26-го расположились мы лагеремъ въ небольшой тополевой рощицѣ, на мысу, образуемомъ соединеніемъ рѣкъ *Анюя* и *Шичутины*. Отпустивъ лошадей на лугъ, покрытый высокою, сочною травою, еще до наступленія ночи устроили мы заколъ на Шичутинѣ и поставили тамъ нашъ неводъ. Спустя не болѣе часа послѣ того, неводъ началъ утопать; мы поспѣшили его вытащить и нашли въ немъ до двухъ сотъ рыбъ

разной величины. Тотчасъ разложили мы большой огонь и всѣ принялись варить и жарить нашу добычу; а довольно сильный морозъ позволилъ намъ даже полакомиться свѣжею *стругашиною*.

Подкрѣпившись изобильнымъ, сытнымъ обѣдомъ, снова принялись мы за ловлю, и работая всю ночь, наловили до 800 рыбъ. Заря играла уже на восточной части неба, когда мы легли отдыхать.

Еслибы случай привелъ насъ къ рѣкѣ недѣлею ранѣе или позже, вѣроятно, наша рыбная ловля не была бы столь удачна. Мы вышли на Аніюй именно въ тотъ самый періодъ, когда рыба ищетъ для зимовки глубокихъ мѣстъ, уходя изъ небольшихъ рѣчекъ и притоковъ, при сильной стужѣ нерѣдко совершенно вымерзающихъ. Днемъ здѣсь рыба не попадается, потому, вѣроятно, что лежитъ на днѣ, или что видитъ заколъ и сѣти. Такъ 27-го Августа неводъ нашъ пролежалъ въ водѣ цѣлый день понапрасну, а ночью, напротивъ, наловили мы до 2000 рыбъ.

Запасы наши были теперь весьма богаты, и не смотря на ненасытность Якутовъ, ежедневно умножались. Узнавши на опытѣ весь ужасъ голода, мы рѣшились устроить здѣсь складъ изъ оставшейся у насъ рыбы, для другихъ путешественниковъ, которые могутъ придти сюда во время менѣе счастливое для рыбной ловли. На двухъ лиственницахъ была нами устроена сайба, и въ нее положили мы около 5000 рыбъ. Вполнѣ насту-

пившіе морозы обезпечивали наши запасы отъ порчи. Подлѣ сайбы поставили мы большой деревянный крестъ. Впослѣдствіи два Чуванца разсказывали намъ въ Нижне-Колымскѣ, что цѣлое семейство ихъ земляковъ, томимое голодомъ, вышло на Анюй, нашло нашъ складъ и нѣсколько мѣсяцевъ питалось нашею рыбою.

Постройка сайбы заняла насъ цѣлый день 29-го Августа. Между тѣмъ лошади наши видимо поправлялись на занесенномъ снѣгомъ, но тучномъ лугу.

Августа 30-го, день незабвенный, который каждый Рускій, подданный Александра I-го, встрѣчалъ съ веселіемъ и торжествомъ, рѣшились и мы, вдали отъ нашихъ собратій, праздновать, сколько позволяли намъ наши средства. Рано по утру, Бережной прочелъ приличныя молитвы; наши полудикіе проводники стояли съ благоговѣніемъ во все время молитвы и служенія и искренно молились Богу за *Бѣлаго царя и Сына солнца* (такъ называютъ они Императора). Къ обѣду Якуты наготовили множество рыбы, во всевозможныхъ видахъ, съ приправою дикаго лука и другихъ травъ и кореньевъ. По неимѣнію водки, Бережной раздѣлилъ между проводниками остававшійся у него табакъ, а въ заключеніе, по предложенію моему, Якуты стрѣляли въ цѣль изъ луковъ, при чемъ мой большой охотничій ножъ и хорошая узда были назначены наградами побѣдителямъ. Не смотря на скудость средствъ нашихъ къ должному торжеству дня, истин-

ное веселье господствовало въ нашемъ обществѣ, и громкія пѣсни проводниковъ до самой ночи раздавались въ долинѣ. Благопріятное открытіе заключило нѣкоторымъ образомъ сегодняшнее торжество. Мы располагались на другой день ѣхать далѣе. Якуты наши пошли ловить лошадей, и нашли въ лѣсу Чуванскую сайбу, гдѣ отсутствующіе жители оставили нѣсколько зимней одежды. Такая находка была для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что морозы ежедневно усиливались, а наши платья совсѣмъ не были приспособлены къ зимнему путешествію. Взявъ изъ сайбы для каждаго изъ насъ по мѣховой рубашкѣ и по парѣ рукавицъ и сапоговъ, мы оставили тамъ въ замѣнъ достаточное количество табаку, пороха и свинца. Кромѣ того поставили мы здѣсь крестъ, въ направленіи къ построенному нами складу съ рыбою. Такіе простые указатели попадаются весьма часто въ странахъ, гдѣ кочуютъ Сибирскіе народы. Не смотря на видимую недостаточность подобныхъ указателей, они бываютъ совершенно понятны для туземцовъ и всегда достигаютъ своего назначенія.

Съ разсвѣтомъ, 31-го Августа, навьючили мы нашихъ отдохнувшихъ лошадей, и взявъ съ собою изъ съѣстныхъ припасовъ до тысячи рыбъ, отправились далѣе. Крутыя горы принуждали насъ сегодня по нѣскольку разъ переправляться черезъ Анюй, что было весьма легко, ибо отъ сильныхъ морозовъ и вѣтровъ вода въ рѣкѣ значительно спала. Къ вечеру переправились мы че-

резъ рѣку *Ебундонъ* и переночевали на лѣвомъ берегу его. Стужа усиливалась; ледъ въ небольшихъ рѣчкахъ не ломался подъ нами, и даже на Анюѣ неглубокія мѣста покрылись льдомъ.

Сентября 1-го шли мы черезъ холмы и долины, почти всю дорогу пѣшкомъ, въ надеждѣ нѣсколько согрѣться. Чуванская зимняя одежда не защищала насъ отъ холода. Анюй составляетъ здѣсь большой изгибъ вправо; онъ оставался у насъ въ сторонѣ за густымъ лѣсомъ.

Сентября 3-го, мы снова выбрались на Анюй и ѣхали 12-ть часовъ шибкою рысью, надѣясь достигнуть Юкагирскаго лѣтовья, но темнота принудила насъ остановиться на ночлегъ въ лѣсу. Здѣсь, и на дорогѣ сюда, видѣли мы нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей, гдѣ Юкагиры обыкновенно сторожатъ стада оленей. Казалось, что охота ихъ была несчастлива; около шалашей не было видно, ни роговъ, ни другихъ остатковъ убитыхъ животныхъ.

Рано поутру были мы разбужены говоромъ и пѣснями Юкагирскихъ женщинъ; онѣ проводили ночь недалеко отъ насъ, за холмомъ, и стерегли заколъ, устроенный для рыбной ловли на рѣкѣ *Елошбалъ*. Новости, разсказанныя ими, были для насъ нерадостны: по берегамъ Колымы и обоихъ Анюевъ свирѣпствовалъ голодъ. Оленья охота и рыбная ловля равно были неудачны, и все народонаселеніе здѣшней страны съ трепетомъ ожидало ужасной наступавшей зимы.

Въ 5-ти верстахъ отсюда находились юрты

встрѣченныхъ нами Юкагирокъ на лѣвомъ берегу Елошбала. Тамъ жило ихъ пять семействъ. Насъ приняли радушно и отвели намъ самый большой балаганъ. Якуты наши были въ восторгѣ, что наконецъ нашли людей, съ терпѣливымъ вниманіемъ слушавшихъ разсказы ихъ объ нашемъ путешествіи, опасностяхъ, какимъ мы подвергались, мужествѣ и рѣшимости, оказанныхъ при разныхъ случаяхъ всѣми членами нашего общества. Какъ обыкновенно въ сѣверной Сибири, Якуты хвастали безсовѣстно и лгали ужасно. Присутствіе наше нимало не стѣсняло Якутовъ, а напротивъ, неоднократно призывали они насъ въ свидѣтели, и, казалось, сами твердо вѣрили справедливости своихъ разсказовъ.

Бережной объявилъ мнѣ, что онъ намѣренъ прожить здѣсь нѣсколько недѣль, отдохнуть отъ труднаго путешествія и дать лошадямъ время оправиться и собраться съ силами на здѣшнемъ хорошемъ лугу. Окончивъ осмотръ тундры, я рѣшился посвятить, остававшееся до наступленія зимы время, описанію Малаго Анюя до Нижне-Колымска, на протяженіи 500 верстъ. Съ сею цѣлью, велѣлъ я сколотить мнѣ изъ осиновыхъ бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями, плотъ *, и придѣлать для управленія его два ве-

* Такіе плоты строются слѣдующимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ, довольно толстыхъ шестовъ (легкихъ деревъ, главнѣйше осинъ и тополей), связываются тончайшими ихъ концами, которые и составляютъ верхній конецъ плота, а толстые концы шестовъ располагаются отъ него, какъ радіусы круга, въ нѣкото-

сла. Къ 6-му Сентября плотъ мой былъ приготовленъ, и я отправился на утломъ суднѣ моемъ далѣе. Лоцманомъ въ порогахъ и отмѣляхъ Анюя отпустилъ со мною старый Юкагиръ своего сына, мальчика лѣтъ пятнадцати, а въ замѣнъ того позволилъ я отцу пользоваться на охотѣ моимъ ружьемъ, порохомъ и свинцомъ.

Проплывъ 5-ть верстъ, мы замѣтили на берегу дикаго оленя. Мой проводникъ, хорошій стрѣлокъ, убилъ его стрѣлою. Обрадованные столь неожиданнымъ приращеніемъ съѣстныхъ припасовъ, мы привязали добычу къ плоту и поплыли далѣе. Къ вечеру достигли мы скалы *Черевокъ*, обрывомъ упирающейся въ рѣку. Здѣсь, въ настоящее время года, обыкновенно находится нѣсколько Юкагирскихъ лѣтовьевъ, но къ несчастію, мы никого не нашли, что было тѣмъ досаднѣе, что мы забыли взять съ собою огниво, и принуждены были провести холодную ночь безъ огня, довольствуясь, вмѣсто теплой пищи, ножными жилами и мозгомъ убитаго оленя, которые ѣдятъ сырьемъ, почитая величайшимъ лакомствомъ.

До восхода солнца, мы уже отправились въ путь. Трудно представить себѣ путешествіе затруднительнѣе нашего. Неуклюжій плотъ не слу-

ромъ разстояніи одинъ отъ другаго; промежутки между ними наполняются другими мѣлкими шестами, и все перевязывается и переплетается ивовыми прутьями. Такимъ образомъ устроенный плотъ имѣетъ видъ огромнаго клина, и при своей остроконечной формѣ плаваетъ хорошо и быстро.

шался веселъ и безпрестанно задѣвалъ за камни и отмѣли, и то вертѣлся среди рѣки, то шелъ кормою впередъ. Силы наши были недостаточны управлять столь неповоротливымъ судномъ. При спускахъ съ высокихъ пороговъ, плотъ нашъ погружался переднимъ концомъ въ волны, и вода покрывала насъ, такъ, что мы были насквозь промочены. Въ такомъ положеніи, безпрестанно цѣпляясь за мокрыя бревна, чтобы не упасть въ рѣку, провели мы день, и къ вечеру причалили въ устье Лабунгены, впадающей съ сѣвера въ Аниой. Ночь провели мы опять безъ огня.

Въ полдень 8-го Сентября, увидѣли мы на берегу дымъ и поспѣшили туда, надѣясь найдти тамъ людей, но—напрасно. Въ замѣнъ того нашли мы тлѣющій костеръ, разложенный, вѣроятно, во время ночи охотниками, или рыбаками. Тотчасъ воспользовались мы счастливою находкою, развели большой огонь и сварили себѣ славную похлебку изъ оленины. Подкрѣпившись, и высушивъ по возможности наши платья, поѣхали мы далѣе, но зная изъ опыта, какъ непріятно проводить холодныя ночи безъ огня, устроили на плоту родъ очага, и въ немъ цѣлый день поддерживали небольшой огонекъ, что было возможно потому, что отсюда пороги прекращаются и Аниой принимаетъ спокойное, хотя и быстрое теченіе. Впрочемъ, предосторожность наша оказалась лишнею. Къ ночи достигли мы подошвы горы Обромъ, гдѣ находились лѣтовья нѣсколькихъ Юкагирскихъ семействъ. Къ несчастью, они

могли намъ предложить только шалашъ изъ вѣтвей и огонь, и—ничего болѣе, потому что сами терпѣли голодъ и уже два дни ничего не ѣли. Угостивши нашихъ хозяевъ олениною, мы провели здѣсь ночь весьма спокойно, въ сравненіи съ предыдущими. На другой день отправились мы далѣе, но за сильнымъ вѣтромъ и противнымъ волненіемъ, достигли только до залива *Мунголь*. Сентября 11-го мы ночевали въ Плотбищѣ, а 12-го въ Маломъ Вѣтренномъ. Всю сію страну посѣщалъ уже я съ докторомъ Киберомъ въ прошломъ году. Тогда жилъ здѣсь довольный, и по своимъ понятіямъ, счастливый народъ, но теперь все было мертво и пусто. Въ покинутыхъ хижинахъ гнѣздились птицы, голодные волки рыскали кругомъ. Печальная картина Сѣвера! Немногіе, неистребленные еще голодомъ жители разсѣялись по тундрѣ, отыскивая себѣ пропитаніе. Въ Маловѣтренномъ нашли мы нѣсколько Юкагировъ, едва похожихъ на людей. Они принадлежали къ богатому нѣкогда семейству Коркина, который въ прошломъ году такъ гостепріимно угощалъ насъ. И нынѣ, не смотря на совершенную нищету свою, онъ предложилъ намъ все, что могъ—немного рыбы. Боясь оскорбить старика, мы должны были хоть отвѣдать его пищи. Несчастные жители принимались за пищу только однажды въ 48 часовъ! Нѣкогда здоровый, сильный народъ, теперь едва таскался и былъ болѣе похожъ на мертвецовъ, нежели на людей.

Нашъ плотъ отъ долгаго плаванія весьма по-

страдалъ и не могъ противостоять большимъ льдинамъ, которыя неслись по рѣкѣ. Добродушный Коркинъ, видя мое затрудненіе, предложилъ мнѣ свой карбасъ, на которомъ и отправился я далѣе. Вѣтеръ былъ попутный; мы поставили парусъ, и въ короткое время достигли Молоткова, гдѣ нѣсколько Юкагирскихъ семействъ рыбною ловлею снискивали себѣ скудное пропитаніе.

Не смотря на быстрое теченіе, Анюй далъ уже большіе забереги и мѣстами покрылся тонкимъ льдомъ; онъ ломался однакожь отъ напора нашего карбаса. Зимніе морозы приближались. Первое обитаемое мѣстечко, Байково, лежитъ отсюда въ 100 верстахъ. Опасаясь замерзнуть на рѣкѣ прежде, нежели достигнемъ его, я рѣшился, на всякій случай, нанять въ Молотковѣ семь собакъ съ нартою, и взять ихъ съ собой на лодку.

Съ разсвѣтомъ 15-го Сентября, мы выѣхали изъ Молоткова и мѣстами съ трудомъ и опасностью пробивались сквозь ледъ. Не смотря на то, проѣхали мы 50-ть верстъ, и къ ночи достигли Русскаго острова, покрытаго густымъ, высокоствольнымъ лиственничнымъ лѣсомъ. Недалеко отъ него, двѣ большія льдины затерли нашу лодку, и съ трудомъ, промокши насквозь, выбрались мы на берегъ, вытащивъ съ собою собакъ, парту и наши вещи. Здѣсь предстояло намъ прожить нѣсколько дней, а потому тотчасъ устроили мы себѣ шалашъ изъ шестовъ и вѣтвей, покрыли его сверху мхомъ, снѣгомъ и облили водою, такъ, что составили себѣ довольно прочное и

теплое жилище. Привязавъ собакъ вокругъ шалаша, и обезопасивъ тѣмъ себя отъ внезапнаго нападенія медвѣдей, мы развели огонь, сварили ужинъ и провели ночь весьма хорошо.

Два дни прожили мы на островѣ. Ледъ былъ такъ еще тонокъ, что 17-го Сентября спутникъ мой проломился на немъ и едва спасся.

Наконецъ, 18-го Сентября можно было ѣхать далѣе, и мы счастливо переправили свою нарту на южный берегъ рѣки. Собаки наши были еще очень слабы, такъ что едва тащили пустыя сани. Мы подвигались медленно, и въ два дни проѣхали только 15-ть верстъ. Не смотря на сильные морозы, ледъ былъ еще тонокъ и два раза проламывался подъ нартою.

Сентября 20-го ледъ нѣсколько скрѣпъ; собаки по хорошей дорогѣ бѣжали скорѣе. Въ 15-ти верстахъ отъ ночлега замѣтили мы на лѣвомъ берегу дымъ. Я поспѣшилъ туда, въ надеждѣ найдти людей, но въ срединѣ рѣки ледъ подо мной проломился, и только съ помощью шеста удержался я надъ водою. Къ счастью, подоспѣлъ Юкагиръ и на нартовомъ ремнѣ вытащилъ меня на твердый ледъ. Обходомъ мы достигли берега и встрѣтили тамъ бѣдное семейство Ламутовъ. Они лишились оленей, своего единственнаго богатства, и перешли сюда для рыбной ловли. Ламуты были счастливѣе Юкагировъ, имѣя у себя порядочный запасъ сушеной и мерзлой рыбы, и уступили намъ ее достаточное количество, для насъ и нашихъ собакъ. Ночью подулъ, такъ на-

зываемый, *теплый вѣтеръ*, и принудилъ насъ оставаться два дни на мѣстѣ. Только 23-го Сентября отправились мы далѣе, и не безъ опасности достигли деревни Байковой. Здѣсь еще лѣтовало одно Русское семейство изъ Нижне-Колымска.

Наконецъ, 24-го Сентября возратился я въ Колымскій острогъ, послѣ 94-хъ дневнаго отсутствія.

═

ГЛАВА VIII.

—

Четвертая поѣздка по льду и опись берега до острова Колючина. Отъѣздъ. Встрѣча съ Чукчами на Шелагскомъ мысѣ. Сказанія о землѣ на Северъ. Путь по морю. Полыньи и тонкій ледъ. Поворотъ. Опасное положеніе. Потеря части запасовъ. Выѣздъ на берегъ. Встрѣча съ г. Матюшкинымъ. Извѣстіе о Шалауровѣ. Продолженіе описи морскаго берега до острова Колючина. Замѣчанія о Чукчахъ. Недостатокъ путевыхъ припасовъ и крайнее изнуреніе собакъ. Возвращеніе. Заключеніе.

—

Зима 1822-го и 1823 гг., по понятіямъ здѣшнихъ обитателей, была гораздо умѣреннѣе обыкновеннаго, потому что термометръ только однажды (10-го Января) спустился на 37° мороза, и сѣверныя сіянія показывались рѣдко и слабо. Не смотря на то, нельзя было рѣшиться предпринять зимою путешествіе по Ледовитому морю, гдѣ стужа сама по себѣ сильнѣе, а при совершенномъ недостаткѣ прочнаго жилища и топлива, гораздо чувствительнѣе. Потому отложилъ я путешествіе до наступленія болѣе умѣреннаго времени года, а между тѣмъ занимался затруд-

нительными и продолжительными сборами и приготовленіями къ поѣздкѣ, или сидя въ моей хижинѣ, у ярко пылающаго чувала, за толстыми ледяными окнами, приводилъ въ порядокъ и записывалъ сдѣланныя въ теченіе прошлаго лѣта наблюденія и описи.

Пріѣздъ г-на Тарабукина, бывшаго Верхоянскаго Окружнаго Исправника, занявшаго туже самую должность въ Колымскѣ, произвелъ весьма пріятную перемѣну въ однообразіи нашей жизни. Дѣятельный чиновникъ сей, принимая живѣйшее участіе въ успѣхѣ нашей экспедиціи, и зная при томъ очень хорошо здѣшнюю страну, всячески старался намъ быть полезнымъ.

Въ прошломъ году рыбная ловля была весьма изобильна, и собаки, въ которыхъ мы всего болѣе нуждались для нашей поѣздки, съ прекращеніемъ заразы, оправились и снова размножились. Г. Тарабукинъ употребилъ сіи и другія благопріятныя обстоятельства въ нашу пользу, ни мало не стѣсняя тѣмъ обитателей, а напротивъ, доставляя имъ отъ того выгоды. Большіе запасы корма для собакъ были перевезены въ станъ нашъ у Большой Баранихи, къ Малому Баранову Камню и въ Сухарное, а также въ Походскъ, Черноусову, Малое Чукочье и въ Нижне Колымскъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ семъ отношеніи были мы обезпечены.

Зная на опытѣ, какъ мало можно надѣяться на вспомоществованіе окрестныхъ жителей, при всемъ стараніи могущихъ доставить только не-

большое число собакъ, годныхъ для дальняго и продолжительнаго путешествія, я не ограничился Колымою, а обратился къ прибрежнымъ жителямъ рѣкъ Индигирки, Хромы и Яны, у которыхъ собаки обыкновенно бываютъ очень хорошо выѣзжены. Для вѣрнѣйшаго успѣха, объѣхалъ я самъ сіи страны и остановился на нѣкоторое время въ Устьянскѣ, гдѣ сопутникъ мой, лейтенантъ Анжу, оказалъ мнѣ дѣятельное вспомоществованіе. Мнѣ удалось уговорить племена, живущія по берегамъ упомянутыхъ рѣкъ, выставить для предлежащаго путешествія нашего 15-ть хорошихъ нартъ, съ самыми надежными собаками и провіантомъ на два мѣсяца. Обезпеченный и съ сей стороны, возвратился я въ концѣ 1822 года въ Нижне-Колымскъ, и съ увѣренностію могъ надѣяться, что для успѣшнаго окончанія нашей экспедиціи, не представится уже никакого существеннаго и неудобо отклонимаго препятствія.

Употребивъ въ пользу время, до нашего отъѣзда остававшееся, отправилъ я 30-го Января 1823-го года, штурмана Козьмина, на двухъ нартахъ, къ Медвѣжьимъ островамъ, для точнѣйшаго опредѣленія положенія Крестоваго острова, и чтобы увѣриться въ существованіи предполагаемаго въ томъ краю другаго острова подъ тѣмъ же названіемъ. Февраля 17-го, не смотря на сильные морозы, окончилъ г. Козьминъ свое чрезвычайно трудное путешествіе и представилъ мнѣ подробныя описи, какъ Медвѣжьихъ острововъ

вообще, такъ и Крестоваго особенно. Онъ убѣдился, что другой Крестовый островъ не существуетъ; по крайней мѣрѣ, всѣ разъѣзды и старанія г. Козьмина найдти его, были тщетны.

Между тѣмъ мы безпрестанно занимались приготовленіями къ нашему послѣднему большому путешествію по льду, которымъ должно было довершить исполненіе даннаго намъ порученія. Не только люди, собственно для экспедиціи назначенные, но и всѣ жители мѣстечка, работали дѣятельно; старыя нарты тщательно исправлялись, новыя приготовлялись, дорожныя палатки приводились въ порядокъ, и проч. Мало по малу, собралось столько нартъ, съ надлежащимъ числомъ собакъ, что согласно моему желанію, нашелъ я возможнымъ раздѣлить экспедицію на двѣ части, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ г. Матюшкина, должна была описать Чукотскій берегъ до Сѣвернаго мыса, тогда, какъ я съ другою частію, хотѣлъ предпринять путешествіе по льду въ Ледовитое море, чтобы еще разъ попытаться отыскать предполагаемую тамъ большую землю. Берега твердой земли обѣщали болѣе предметовъ для изысканій естествоиспытателя, нежели льдины и торосы Ледовитаго моря, потому докторъ Киберъ отправился съ г-мъ Матюшкинымъ. Мнѣ сопутствовалъ штурманъ Козьминъ.

Получивъ извѣстіе, что собаки и нарты съ береговъ Индигирки и Хромы прибыли въ Походскъ, поспѣшилъ я съ г-мъ Тарабукинымъ

осмотрѣть и принять ихъ. Къ сожалѣнію оказалось, что большею частію собаки были изнурены, и не могли выдержать путешествія по Ледовитому морю, а потому принуждены мы были отпустить ихъ обратно. Лучшихъ взяли мы съ собою въ Сухарное, гдѣ, съ 14-го Февраля, 60 собакъ, т. е. пять упряжекъ, выбранныхъ изъ всего Колымскаго округа, откармливались и приготовлялись къ поѣздкѣ. Съ ними и съ лучшими изъ остальныхъ нартъ оставили мы, 26-го Февраля, Сухарное и направили путь на востокъ по берегу. Марта 1-го догналъ насъ посланный нарочно изъ Нижне-Колымска казакъ, и привезъ мнѣ отъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора бумаги, заключавшія въ себѣ инструкцію для занятій экспедиціи въ семъ году. Стоитъ замѣтить, что сіи бумаги пролетѣли, можно сказать, огромное разстояніе, до 11,000 верстъ, между С. Петербургомъ и устьемъ рѣки Березовой, въ Ледовитое море, не болѣе, какъ въ 88 дней, включая еще и тѣ дни, пока по полученнымъ изъ столицы предписаніямъ, составлялась въ Иркутскѣ моя инструкція. Для проѣзда такого разстоянія съ обыкновенною почтою надобно, по крайней мѣрѣ, $6^1/_2$ мѣсяцовъ. Я воспользовался случаемъ и послалъ Начальству съ возвращавшимся казакомъ отчетъ о нашихъ работахъ, который не могъ быть однакожъ слишкомъ подробенъ, ибо составлялся на льду, подъ открытымъ небомъ, при 22° холода. Съ тѣмъ же казакомъ отправилъ я двѣ изъ моихъ Индигирскихъ нартъ, ибо меж-

ду собаками ихъ оказались признаки болѣзни. Отославъ казака, продолжали мы путь съ 19-тью партами, и въ тотъ же вечеръ достигли балагана у Баранихи, выстроеннаго нами въ прежнее путешествіе. Здѣсь нашли мы благодѣтельную защиту отъ мороза, усилившагося до 33°.

Не теряя времени, занялись мы не совсѣмъ легкою работою: раздѣлять и поровну нагружать на парты съѣстные припасы и другія вещи, теперь привезенныя нами и прежде сюда присланныя. Изъ съѣстныхъ припасовъ взяли мы $7^1/_2$ пудовъ ржаныхъ сухарей, 6 пудовъ свѣже-замерзшаго мяса, 3 пуда съ половиною крупы, пудъ *затурану* *, 1260 штукъ юколы, 224 омуля, 12 гусей, 12 фунт. чаю, 10 фунт. сахару, 15 фунт. леденцу, 8 кружекъ виннаго спирта, 20 ф. соли, 20 ф. масла, пудъ Черкасскаго табаку, 5 пудовъ рыбьяго жира и 88 штукъ сухихъ березовыхъ дровъ. Для корма собакъ ** назначалось до 7000 штукъ юколы, 4000 сельдей и еще нѣсколько другой рыбы.

Кромѣ того, должны мы были взять съ собою еще слѣдующія вещи: *уросъ*, т. е. палатку изъ оленьихъ кожъ, съ принадлежностями, двѣ пѣшни, двѣ лопаты, два топора, чайникъ и котелъ съ треножникомъ, 5 ружей, 5 пикъ, 100 бое-

* *Затураномъ* называется мука, зажареная въ маслѣ или въ рыбьемъ жирѣ, которую кипятятъ потомъ въ водѣ и пьютъ, какъ чай.

** Ежедневною порціею корма для каждой собаки назначалось 1 юкола и 3 сельди, или 2 юколы.

выхъ патроновъ, карманный фонарь и нѣсколько восковыхъ свѣчь, два секстана, два искуственныхъ ртутныхъ горизонта, карманный хронометръ, фунтъ ртути и лотъ съ линемъ, размѣреннымъ на футы. Все это помѣщалось на нашихъ 19 нартахъ.

Три дни занимались мы разборомъ и нагрузкою. Марта 4-го все было готово, но сильный штормъ отъ WNW препятствовалъ намъ отправиться въ путь. Вѣтеръ дулъ такими порывами, что неоднократно угрожалъ опрокинуть нашъ балаганъ, и при томъ холодъ увеличился до 25°. Хижина доставляла намъ еще хоть какую нибудь защиту, но собаки наши оставались цѣлый день подверженныя всей ярости вихря, который, взвѣвая густыя массы снѣгу, затемнялъ воздухъ. На другой день должны мы были отрывать изъ снѣжныхъ бугровъ нарты и собакъ.

Марта 5-го буря утихла, и мы поѣхали далѣе. Безъ всякихъ, замѣчанія достойныхъ приключеній, достигли мы 8-го Марта Шелагскаго мыса, гдѣ счастливый случай сблизилъ насъ съ народомъ, знакомство котораго до сихъ поръ тщетно старались мы пріобрѣсть.

На двухъ нартахъ опередилъ я съ г-мъ Козьминымъ нашихъ товарищей, желая отыскать удобное мѣсто для ночлега, на узкомъ перешейкѣ, къ югу отъ мыса лежащемъ, какъ вдругъ изъ-за торосовъ появился Чукча, на легкихъ санкахъ, запряженныхъ двумя оленями. Онъ остановился въ

нѣкоторомъ разстояніи и закричалъ намъ что-то; но видя, что мы не понимаемъ, сдѣлалъ рукою знакъ; мы подошли къ нему, и не зная Чукотскаго языка, не могли съ нимъ объясняться. Желая однакожь воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, и завести ближайшее знакомство съ симъ народомъ, я всячески старался знаками удержать Чукчу, надѣясь, что между тѣмъ пріѣдетъ переводчикъ, оставшійся назади съ другими нартами. Не знаю, понялъ ли меня нашъ новый знакомецъ, но онъ вышелъ изъ саней, не показывая нималѣйшей боязни и недовѣрчивости, вынулъ свою *гамзу* (трубку) и потребовалъ отъ насъ табаку. Я поспѣшилъ исполнить его желаніе; онъ очень спокойно расположился курить. Но вскорѣ послѣ того, проговорилъ нѣсколько разъ слово: *Камакай* (что означаетъ старшину или начальника), вскочилъ въ сани свои и скрылся между торосами. Вечеромъ, когда все общество собралось и расположилось лагеремъ, посѣтили насъ трое Чукчей; двое изъ нихъ ѣхали въ саняхъ, а третій бѣжалъ подлѣ нихъ, погоняя оленей. Приближаясь къ лагерю, Чукчи, сидѣвшіе въ саняхъ, дѣлали обѣими руками разныя странныя движенія и знаки, желая, вѣроятно, показать, что они пришли безъ оружія и съ дружелюбнымъ намѣреніемъ. Они остановились не далеко отъ лагеря, и малорослый Чучка, лѣтъ 60-ти, закутанный въ мохнатую кухлянку, безбоязненно подошелъ къ намъ, объявляя, что онъ *Камакай* Чукотскихъ племенъ, обитающихъ по бере-

гамъ Чаунскаго залива. Его смѣлыя и быстрыя движенія обнаруживали сильное тѣлосложеніе, а маленькіе блестящіе глаза выражали мужество и самонадѣянность. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія: *Торома* *, велѣлъ онъ вынуть изъ своихъ саней жирный бокъ тюленя и кусокъ свѣжаго медвѣжьяго мяса, и подарилъ мнѣ ихъ, какъ произведеніе своей страны. Я привелъ его въ нашу палатку, угощалъ табакомъ, рыбою и проч., и онъ велъ себя такъ непринужденно и спокойно, какъ будто бы мы были съ нимъ старые знакомцы. Черезъ переводчика разговаривалъ я съ нимъ, и съ удовольствіемъ слушалъ его замѣчанія.

Всего болѣе желательно ему было знать, что насъ побудило въ такое холодное время года предпринять столь дальнюю поѣздку? Потомъ спрашивалъ онъ: много ли насъ и вооружены ли мы? Отвѣчая ему на вопросы, всячески старался я объяснить, что наше посѣщеніе совершенно мирное. Не смотря на то, казалось, что внезапное появленіе наше возбудило въ дикарѣ недовѣрчивость, и проницательные взоры его слѣдили за каждымъ движеніемъ нашимъ. Впрочемъ, онъ былъ очень скроменъ, и съ добродушною откровенностью отвѣчалъ на всѣ наши вопросы. Между прочимъ, желали мы знать, видѣли ли Чукчи деревянный крестъ, поставленный нами въ 1820 году на горахъ Шелагскаго мыса? «Мы видѣли

* Торома есть испорченное русское слово: *здорово*, перенятое Чукчами у Русскихъ на Островной ярмаркѣ.

вашъ крестъ и не тронули его,» отвѣчалъ Камакай, и разсказалъ, что онъ первый увидѣлъ крестъ и тѣмъ болѣе удивлялся такому явленію, что въ окрестностяхъ не замѣтно было никакихъ слѣдовъ недавняго посѣщенія. На слѣдующую весну тюленья и медвѣжья охоты были особенно удачны; Чукчи приписали это вліянію креста и принесли ему на жертву бѣлаго оленя. Напротивъ того, другой крестъ, поставленный священникомъ Слѣпцовымъ на берегу Чаванской или Чаунской рѣки, былъ ими сломанъ и сожженъ, потому что жителямъ тѣхъ мѣстъ показалось, будто со времени сооруженія его рѣка сдѣлалась малорыбною. Также разсказывалъ онъ намъ, что Чукчи не имѣютъ постояннаго жилища на Шелагскомъ мысѣ, но обыкновенно собираются туда въ Мартѣ мѣсяцѣ, для охоты за бѣлыми медвѣдями, которыхъ, вооруженные одними копьями, съ удивительною смѣлостью преслѣдуютъ и умерщвляютъ они среди самыхъ неприступныхъ тороссовъ. Старикъ выдавалъ себя за потомка древнихъ *Шелаговъ*, или, какъ Чукчи обыкновенно называютъ, *Чавановъ*, много лѣтъ тому назадъ, двинувшихся на западъ по морскому берегу, и болѣе невозвращавшихся. Отъ имени сего народа рѣка и заливъ получили названіе *Чаванскихъ*, или *Чаунскихъ*. Часа черезъ два, гость нашъ разстался съ нами, очень довольный, какъ казалось, ласковымъ пріемомъ и полученными при прощаньи подарками.

На слѣдующій день, 9 Марта, Камакай посѣ-

тилъ насъ съ своими женами, дѣтьми и съ однимъ молодымъ Чукчею, котораго представилъ намъ, какъ своего племянника. Мы предложили гостямъ чаю, но они только отвѣдали его, и съ видимымъ отвращеніемъ вылили остальное, а потомъ каждый вырѣзалъ себѣ по большому куску свѣжаго, твердаго снѣгу и принялся жевать его *, чтобы истребить чайный вкусъ и прохладиться. Сахаръ имъ весьма понравился. Замѣчательно, что несмотря на чрезмѣрное употребленіе табаку, который Чукчи безпрестанно курятъ, нюхаютъ и жуютъ, они несовершенно притупили свой вкусъ. Племянникъ Камакая разсказалъ намъ, что онъ ѣлъ много сахару на ярмаркѣ въ Островномъ, когда его тамъ крестили. Мы сдѣлали ему нѣсколько вопросовъ объ его крещеніи; но кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, онъ ничего не помнилъ, и даже забылъ данное ему имя. Жена его, также крещеная, хотя знала, что мужа называютъ *Николаемъ*, а ее *Агафьею*, и показывала намъ данные имъ кресты; но тѣмъ ограничивались всѣ ея воспоминанія. Проводники наши поспѣшили показать ей, какъ должно креститься и кланяться въ землю, что она, къ радости гордаго своего мужа, очень скоро переняла. Маленькій сынъ ея, мальчикъ лѣтъ десяти, воспользовался тѣмъ, что всеобщее вниманіе было обращено на такую сцену и спряталъ очень искусно

* Въ послѣдствіи часто замѣчали мы, что большой кусокъ свѣжаго снѣгу, несмотря на сильный холодъ, составляетъ всегда лакомство для Чукчей, и послѣ каждаго кушанья служитъ имъ, какъ будто десертомъ.

въ свою широкую кухлянку пару ножей, нѣсколько бисеру и другихъ мелочей. Нежелая нарушать добраго между нами согласія, я притворился, будто бы не замѣчаю воровства.

Камакай былъ, въ своемъ родѣ, довольно образованный человѣкъ. Узнавши цѣль нашей поѣздки, и увѣрившись, повидимому, что мы не имѣемъ намѣреній, опасныхъ свободѣ народа его, а напротивъ желаемъ только точнѣе узнать положеніе и свойство береговъ, чтобы открыть, какимъ путемъ могутъ Русскіе доставлять Чукчамъ табакъ и другіе товары, онъ описалъ намъ подробно, не только границы земли своей отъ Большой Баранихи до Сѣвернаго мыса, но даже нарисовалъ углемъ на доскѣ положеніе Шелагскаго мыса, называя его *Ерри*. Въ Чаунскомъ заливѣ назначилъ онъ островъ *Араутанъ* совершенно правильно, по формѣ и положенію, а къ востоку отъ ~~него~~ М. Шелагскаго другой маленькій островъ, который въ послѣдствіи и нашли мы; онъ утверждалъ увѣрительно, что кромѣ сихъ двухъ, на всемъ протяженіи нѣтъ никакихъ болѣе острововъ. На вопросъ нашъ, не существуетъ ли какая нибудь земля на морѣ къ сѣверу отъ Чукотскихъ береговъ? подумавъ нѣсколько, разсказалъ онъ слѣдующее: «Между мысомъ *Ерри* (Шелагскимъ) и *Ир-Кайпіо* (Сѣвернымъ), близь устья одной рѣки, съ невысокихъ прибрежныхъ скалъ въ ясные лѣтніе дни бываютъ видны на сѣверѣ, за моремъ, высокія, снѣгомъ покрытыя горы, но зимою однакожъ ихъ не видно. Въ прежніе годы

приходили съ моря, вѣроятно, оттуда, большія стада оленей, но преслѣдуемыя и истребляемыя Чукчами и волками, теперь они не показываются. Самъ онъ однажды преслѣдовалъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, цѣлый день, стадо оленей на своихъ саняхъ, запряженныхъ двумя оленями, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, морской ледъ сдѣлался столь неровенъ, что онъ принужденъ былъ возвратиться.» По мнѣнію Каймакая, видѣнныя съ береговъ горы находились не на острову, а на такой же пространной землѣ, какъ его родина. Отъ отца своего слышалъ онъ, что въ давнія времена, одинъ Чукотскій старшина, съ своими домочадцами, поѣхалъ туда на большой кожаной байдаркѣ, но что̀ тамъ нашелъ онъ, и вообще возвратился ли онъ оттуда, неизвѣстно. Онъ полагалъ, что отдаленная сѣверная страна населена и доказывалъ мнѣніе свое тѣмъ, что за нѣсколько лѣтъ, на берега острова Араутана, въ Чаунскомъ заливѣ, выбросило мертваго кита, раненаго дротиками, съ остреемъ изъ шифера; а какъ Чукчи не имѣютъ такихъ оружій, то должно предполагать, что такіе дротики употребляются жителями неизвѣстной страны *. Основываясь на томъ, что съ высоты даже Шелагскихъ горъ не видно на сѣверѣ никакой земли, Камакай полагалъ, что она противъ того мѣста, гдѣ

* Извѣстно, что Алеуты бьютъ китовъ острогами съ шиферньмъ остреемъ; а какъ киты плаваютъ очень скоро, то можно полагать, что упоминаемый здѣсь китъ раненъ былъ на Алеутскихъ островахъ.

видны высокія, снѣгомъ покрытыя горы, образуетъ мысъ, далеко вдающійся въ море.

Я сдѣлалъ старику нѣсколько подарковъ, за готовность его, съ которою отвѣчалъ онъ на наши вопросы, увѣряя, что если такіе разсказы окажутся истинными, то само Правительство не преминетъ доставить ему приличное награжденіе. Онъ былъ за все очень благодаренъ и просилъ меня походатайствовать, чтобы *Бѣлый Царь* прислалъ ему желѣзный котелъ и мѣшокъ табаку, которыхъ ему недостаетъ для совершеннаго счастія. Я долженъ былъ обѣщать, что употреблю съ моей стороны всѣ усилія, и помогу ему достигнуть цѣли его желанія. Тогда Камакай и его спутники простились съ нами, весьма довольные знакомствомъ и пріемомъ.

Марта 9-го числа, воспользовавшись ясною погодою, взялъ я полуденную высоту, и 22-мя лунными разстояніями опредѣлилъ положеніе перешейка подъ 70° 2′, 59″ широты и 171° 3′ 15″ восточной долготы отъ Гринвича. Склоненіе стрѣлки въ ручномъ пейль-компасѣ по азимутамъ, при соотвѣтствующихъ высотахъ солнца, найдено 18° 3′ восточн.

На слѣдующій день продолжали мы путь черезъ перешеекъ, направляясь къ восточной сторонѣ Шелагскаго мыса. Къ морозу въ 26° присоединился столь сильный вѣтеръ отъ NW *t* N, что многія нарты были имъ опрокинуты и повреждены, а другія отстали и потеряли изъ вида передовыя сани; къ тому поднялась густая

мятель, совершенно препятствовавшая отличать покрытый снѣгомъ берегъ отъ морской поверхности, такъ что, вѣроятно, многіе изъ нашихъ спутниковъ заблудились бы во льдахъ, еслибы увеличивающіеся торосы не показывали имъ отдаленія земли.

Берегъ, на протяженіи 18-ти верстъ, обставленъ крутыми скалами, мало по малу понижающимися до устья ручейка. Здѣсь мы остановились исправить поврежденныя нарты и привести все въ порядокъ; 11-го числа вѣтеръ затихъ и сдѣлался перемѣнчивымъ; термометръ показывалъ по утру 19°, а вечеромъ 25° мороза. Въ полдень достигли мы скалы *Козьмина* и опредѣлили ея положеніе въ 70°, 00′ 55″ широты, по полуденной высотѣ солнца, и въ 171° 55′ счислимой долготы восточн. отъ Гринвича. Магнитная стрѣлка склонялась на 18° къ востоку.

Отъ сей скалы берегъ покрытъ холмами, между которыми лежали большія кучи китовыхъ реберъ, но очень мало было наноснаго лѣса. Переѣхавъ черезъ устье еще одного ручья, мы расположились на ночлегъ, въ 24-хъ верстахъ, при устьѣ значительной рѣки, протекающей среди горъ и называемой Чукчами *Верконъ*. Рѣка сія при впаденіи въ море 1½ Италіянскихъ мили шириною. Лѣвый берегъ ея низменъ и покрытъ крупнымъ пескомъ, а правый, напротивъ, скалистъ и образуетъ крутой мысъ, обрывисто выдающійся въ море, и возвышающійся до 280 футовъ отвѣсно. Я назвалъ его *мысомъ Кибера*.

На скалѣ находится конусовидная гора, называемая Чукчами *Еконинъ.* /Еконинъ./

Версты три съ половиною сѣвернѣе мыса Кибера скалистый островъ, обставленный огромными торосами, и $2^1/_2$ верстъ въ окружности. Не зная, что Чукчи называютъ его *Амгаотонъ*, я именовалъ его *Шалауровымъ*, въ память путешественника, своею предпріимчивостію, терпѣніемъ и смертью въ сихъ краяхъ вполнѣ заслуживающаго, чтобы имя его, хоть такимъ образомъ, было сохранено для потомства. На сѣверѣ и западѣ Шалаурова острова, скалы подымаются на 15 саженъ высоты; западная сторона ихъ склоняется отлого къ морю и покрыта вся китовыми ребрами, лежащими здѣсь въ небольшихъ отдѣльныхъ кучкахъ. Они составляютъ слѣды хижинъ народа, нѣкогда здѣсь обитавшаго и питавшагося рыбою и морскими млекопитающими, преимущественно китами, употребляя ихъ огромныя ребра вмѣсто бревенъ и шестовъ при сооруженіи хижинъ. Говорятъ, что языкъ сего народа былъ непонятенъ кочующимъ оленнымъ Чукчамъ, и много сходствовалъ съ нарѣчіемъ осѣдлыхъ Чукчей на берегахъ Берингова пролива, доселѣ живущихъ въ землянкахъ, устроенныхъ на китовыхъ ребрахъ, съ однимъ только входомъ съ верху. Впрочемъ, достаточно доказано, что осѣдлые Чукчи составляютъ съ Алеутами и Гренландцами одно поколѣніе, распространенное такимъ образомъ по берегамъ Ледовитаго моря, отъ

восточныхъ краевъ Америки до Шелагскаго мыса.

Марта 13-го дулъ слабый западный вѣтеръ, и хотя покрылъ весь небосклонъ туманомъ, но не произвелъ никакого влiянiя на температуру. Термометръ показывалъ по утру 19°, а вечеромъ 25° мороза.

Нагрузившись, сколько можно болѣе, наноснымъ лѣсомъ, здѣсь нами найденнымъ, оставили мы берегъ и направили нашъ путь по льду, прямо на сѣверъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ берега зарыли мы, съ извѣстными предосторожностями, часть нашихъ запасовъ въ ледъ, который былъ здѣсь не толще $1^1/_4$ аршина. Глубина моря была 5 саженъ; грунтъ жидкiй, зеленый илъ. Разгруженныя нарты отослали мы отсюда въ Колымскъ.

Марта 14-го, проѣхавъ 17 верстъ къ NNO (при 25° и 28° мороза), по довольно гладкому льду, были мы остановлены огромными торосами, чрезъ которые надлежало пешнями прорубать дорогу. До поздняго вечера работали мы съ величайшими усилiями, и подвинувшись версты на три впередъ, принуждены были остановиться на ночлегъ отъ усталости и для исправленiя поврежденныхъ нартъ.

На слѣдующiй день, при 20° холода и пасмурной погодѣ, ѣзда была еще затруднительнѣе вчерашней. Мы работали пешнями цѣлый день въ безконечныхъ торосахъ, и подвинулись только на 5 верстъ. Нарты наши, устроенныя совсѣмъ

не для такого пути, пришли въ самое жалкое положеніе, и мы принуждены были остановиться и хоть нѣсколько привесть ихъ въ порядокъ. Сегодня, на срединѣ дороги, нашелъ я глубину моря въ 19-ть саженъ; грунтъ состоялъ изъ песку, смѣшаннаго съ глиною.

Торосы становились все выше и плотнѣе, а между ними лежали огромные бугры рыхлаго наноснаго снѣга. Увѣрившись въ невозможности проникнуть далѣе съ тяжело нагруженными нартами, я рѣшился оставить здѣсь большую часть нашихъ запасовъ и отослать назадъ восемь нартъ. Мы вырубили во льду двѣ ямы и положили въ нихъ провіанта и корма для собакъ на 23 дня. На 4-хъ нартахъ хотѣлъ я съ г-мъ Козьминымъ и пятью проводниками пробираться далѣе на сѣверъ. Мы нагрузили сани наши, какъ можно легче, и взяли съ собою только на пять дней провіанта и нѣсколько дровъ.

Сильный западный вѣтеръ, затемнявшій воздухъ мятелью, не позволялъ намъ однакожъ предпринять немедленно дальнѣйшее путешествіе къ сѣверу. Ночью на 18е число вѣтеръ перешелъ къ WNW, постепенно крѣпчая, превратился въ штормъ и разломалъ около нашего лагеря ледъ. Мы очутились на большой льдинѣ, саженъ пятдесятъ въ поперечникѣ. Отъ сильнаго вѣтра ледъ съ шумомъ трескался, щели расширялись и нѣкоторыя простирались до 15-ти саженъ ширины. Льдина, на которой находились мы, носилась по морю. Такъ провели мы часть ночи, въ те-

минутѣ и ежеминутномъ ожиданіи смерти. Наконецъ наступило утро и вѣтеръ сплотилъ нашу льдину съ другими, такъ, что вечеромъ 18-го Марта были мы снова на неподвижной ледяной поверхности. Море подъ нами было въ 19 саженъ глубиною, при глинистомъ грунтѣ.

Буря затихла 19-го, и небо прояснилось, но на сѣверѣ поднимались густыя испаренія, по видимому, изъ открытаго моря, отнимая у насъ надежду проникнуть далеко къ сѣверу. Несмотря на то, мы не оставили нашего намѣренія, и рѣшились попытаться проложить себѣ дорогу, среди окружающихъ насъ торосовъ. Безпрерывно, въ теченіе цѣлаго дня работали мы, обходили огромныя трещины, еще несомкнувшіяся, и переправлялись чрезъ другія, покрытыя уже тонкою ледяною корою. Весьма медленно подвигались мы, и отъѣхавъ десять верстъ, остановились на ночлегъ у высокой льдины, имѣя въ виду Азіятскій берегъ.

Марта 20-го числа погода была ясная; вѣтеръ затихъ, сѣверная часть горизонта покрывалась темнымъ голубымъ отливомъ; термометръ показывалъ 19° холода. Огромные, одинъ на другой нагроможденные торосы, стояли стѣною, и совершенно отняли у насъ возможность проникнуть далѣе. Мы рѣшились взять направленіе на WNW, но проѣхавъ верстъ 8-мь, встрѣтили огромную щель, повидимому, только что затянутую тонкимъ и совершенно гладкимъ ледянымъ слоемъ. Обойти ее не было возможности, ибо она простира-

лась къ WNW и OSO до краевъ видимаго горизонта. Тутъ расположились мы на ночлегъ, на 19½ саженяхъ морской глубины; дно моря составлялъ глинистый грунтъ, смѣшанный съ пескомъ.

На слѣдующее утро, первымъ занятіемъ нашимъ было осмотрѣть окрестности и изыскать средства къ продолженію пути. Торосы, находившіеся на сѣверномъ краю щели, были, по видимому, прежняго образованія, и казались намъ менѣе круты и плотны, а потому надѣялись мы проложить себѣ между ними дорогу далѣе къ сѣверу. Но проникнуть туда не было инаго средства, какъ только переѣхать по тонкой ледяной корѣ, покрывавшей щель. Мнѣнія моихъ проводниковъ были различны. Я рѣшился на сіе предпріятіе, и при невѣроятной скорости бѣга собакъ, удалось намъ оно лучше, нежели мы ожидали. Подъ передними санями ледъ гнулся и проламывался, но сабаки, побуждаемыя проводниками, и чуя опасность, бѣжали такъ скоро, что сани не успѣвали погружаться въ воду, и быстро скользя по ломавшемуся льду, счастливо достигли до противоположнаго края. Остальныя три нарты ѣхали въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ казался надежнѣе, и также всѣ благополучно переправились на другую сторону. Здѣсь принуждены мы были дать отдыхъ утомленнымъ собакамъ.

Довольно благопріятное качество льда дозволило намъ проѣхать 24 версты въ направленіи NNO, черезъ торосы и глубокій снѣгъ. Поль-

зуясь свѣтомъ прекраснаго Сѣвернаго сіянія на NO части горизонта, мы ѣхали долѣе обыкновеннаго, и уже поздно вечеромъ расположились ночлегомъ среди торосовъ.

Марта 22-го, по утру, небо было ясно, но къ полудню вѣтеръ перешелъ на западъ, скрѣпчалъ и поднялъ сильную мятель. Сегодняшняя поѣздка наша была безпрестанно прерываема полыньями, и неоднократно подвергались мы опасности утонуть. Края подобныхъ, непокрытыхъ льдомъ, мѣстъ, обыкновенно бываютъ занесены глубокимъ снѣгомъ, такъ, что передовыя собаки часто погружались въ воду, и только съ величайшими усиліями удерживали мы нарты на поверхности льда. Осторожно проѣхали мы впередъ 20 верстъ, по направленію къ NO, гдѣ нашелъ я 21 сажень глубины на илистомъ и мелкопесчаномъ грунтѣ. Мы подвинулись еще на 10 верстъ, и переночевали на группѣ торосовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ большими щелями и представлявшихъ видъ скалистаго острова. Ночью поднялся сильный вѣтеръ отъ WNW, и расширивъ щель, привелъ насъ въ самое затруднительное положеніе. Къ счастью, вѣтеръ затихъ, и мы поспѣшили покинуть нашъ островокъ и перебраться на твердый ледъ, устроивъ себѣ изъ небольшихъ льдинъ родъ моста.

Къ ненадежности морскаго льда присоединялось еще другое неудобство, а именно недостатокъ корма для собакъ. Я рѣшился отправить двѣ нарты къ послѣднему складу нашихъ запа-

совъ, чтобы употребить оставленные для нихъ провіантъ и кормъ, а съ остальными двумя нартами проникнуть еще далѣе на сѣверъ.

Марта 23-го продолжалъ я путь на двухъ нартахъ, не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько для собственнаго успокоенія, и исполняя все зависѣвшее отъ нашихъ усилій и обстоятельствъ. До полудня было ясно и тихо, но къ вечеру вѣтеръ усилился, небо покрылось тучами и по всему протяженію горизонта отъ NW до NO подымались густыя темноголубыя испаренія, непреложное доказательство открытаго моря. Мы видѣли совершенную невозможность проникнуть далеко на сѣверъ, но несмотря на то, продолжали путь. Отъѣхавъ 9 верстъ, встрѣтили мы большую щель, въ самыхъ узкихъ мѣстахъ до 150 саженъ шириною. Она простиралась на O и на W до краевъ видимаго горизонта и совершенно преграждала намъ путь. Усиливавшійся западный вѣтеръ болѣе и болѣе расширялъ сей каналъ, а быстрота теченія въ немъ, на востокъ, равнялась $1\frac{1}{2}$ узламъ. Мы взлѣзли на самый высокій изъ окрестныхъ торосовъ, въ надеждѣ найдти средство проникнуть далѣе, но достигнувъ вершины его, увидѣли только необозримое открытое море. Величественно-ужасный и грустный для насъ видъ! На пѣнящихся волнахъ моря носились огромныя льдины и, несомыя вѣтромъ, набѣгали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежавшую. Можно было предвидѣть, что сила волненія и удары ледяныхъ

глыбъ скоро сокрушатъ сію преграду, и море разольется до того мѣста, гдѣ мы находились. Можетъ быть, намъ удалось бы по плавающимъ льдинамъ переправиться на другую сторону канала, но то была бы только безполезная смѣлость, потому что тамъ мы не нашли бы уже твердаго льда. Даже на нашей сторонѣ, отъ вѣтра и силы теченія въ каналѣ, ледъ началъ трескаться и вода, съ шумомъ врываясь въ щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ѣхать далѣе.

Съ горестнымъ удостовѣреніемъ въ невозможности преодолѣть поставленныя природою препятствія, исчезла и послѣдняя надежда открыть предполагаемую нами землю, въ существованіи которой мы уже не могли сомнѣваться. Должно было отказаться отъ цѣли, достигнуть которой постоянно стремились мы въ теченіе трехъ лѣтъ, презирая всѣ лишенія, трудности и опасности. Мы сдѣлали все, чего требовали отъ насъ долгъ и честь. Бороться съ силою стихій и явною невозможностью было безразсудно, и еще болѣе— безполезно. Я рѣшился возвратиться.

Положеніе мѣста, откуда принуждены мы были возвратиться, было подъ 70° 51′ сѣверной широты и 175° 27′ долготы, въ 150-ти верстахъ по прямой линіи отъ берега, скрытаго отъ насъ туманомъ. Глубина моря была $22^1/_2$ сажени, на илистомъ грунтѣ.

Мы поѣхали по прежней дорогѣ, и несмотря на то, что должны были обходить многія вновь

образовавшіяся щели, въ короткое время проѣхали 35 верстъ и остановились на ночлегъ среди торосовъ. Здѣсь ледъ также былъ изчерченъ во всѣхъ направленіяхъ трещинами, но вѣтеръ примѣтно стихалъ, и онѣ уже не казались намъ опасными.

На другой день, рано по утру, отправились мы далѣе, при легкомъ западномъ вѣтрѣ и $17^1/_2{}^0$ мороза. Были причины спѣшить. Проложенная нами дорога во многихъ мѣстахъ загромождалась огромными новыми торосами, и все доказывало, что во время нашего отсутствія вся сія ледяная поверхность находилась въ движеніи. Черезъ многія широкія трещины, неудобныя для обхода, должны мы были переправляться на льдинахъ. Иногда онѣ были такъ малы, что не могли помѣстить на себѣ нартъ со всею упряжкою; мы сталкивали собакъ въ воду и онѣ переплывали на другую сторону, таща за собою льдину съ нартою. Сильныя теченія дѣлали подобныя переправы нерѣдко весьма опасными. Въ одной изъ трещинъ, недалеко отъ нашего послѣдняго склада съ провіантомъ, стремленіе воды по направленію OSO равнялось 4-мъ милямъ въ часъ. Температура воды была здѣсь $1^3/_4{}^0$, а воздуха 10^0 холода.

Послѣ многихъ трудныхъ и опасныхъ переходовъ, поздно вечеромъ достигли мы нашего склада съ провіантомъ, куда за день передъ тѣмъ прибыли уже двѣ нарты, отосланныя нами пре-

жде. Всѣ зарытые нами припасы нашлись въ цѣлости.

Марта 25-го, слабый восточный вѣтеръ нагналъ густой туманъ и закрылъ отъ насъ берегъ. По утру было 15°, а вечеромъ только 10° холода. Съ перемѣною вѣтра, многія трещины закрылись, а въ другихъ теченіе остановилось. Не смотря на то, растрескавшійся, рыхлый ледъ, при самомъ умѣренномъ вѣтрѣ могъ совершенно разломаться и сдѣлать наше положеніе ненадежнымъ. Нельзя было обращать вниманія на утомленіе собакъ, и я рѣшился, не теряя времени, перевезть всѣ наши съѣстные припасы на твердую землю. Пока занимались мы нужными приготовленіями, лучшій проводникъ мой почувствовалъ вдругъ столь сильную боль въ крестцѣ, что не могъ подняться съ мѣста; это заставило насъ пробыть здѣсь цѣлый день. Больной, оставаясь въ спокойствіи, отъ тренія водкою и жиромъ получилъ нѣкоторое облегченіе. Вообще о проводникахъ моихъ долженъ я сказать, что при величайшихъ опасностяхъ, были мужественны и хладнокровны, и безъ ропота переносили всѣ лишенія и тягости путешествія. Недалеко отъ насъ встрѣтили мы слѣды двухъ песцовъ, что возбудило въ проводникахъ врожденную страсть къ охотѣ. Скоро были сдѣланы и поставлены двѣ, довольно хитро придуманныя ловушки. Одинъ изъ песцовъ попался, а другаго, вѣроятно, долгое время и тщетно искавшаго добычи, нашли мы недалеко отъ насъ издохшимъ отъ голода.

Морозъ съ каждымъ днемъ замѣтно уменьшался. Марта 26-го при слабомъ SSO вѣтрѣ, было по утру 2°, а вечеромъ 8°. Нашъ больной чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но не могъ еще занять мѣста вожатаго на нартѣ, ибо для того требовалось слишкомъ сильное движеніе. Между тѣмъ, часъ отъ часу увеличивавшаяся ненадежность льда заставляла насъ поспѣшить перебраться на берегъ. Г-нъ Козьминъ, всегда готовый принять на себя все полезное для экспедиціи, вызвался самъ управлять нартою, а свое мѣсто уступилъ больному проводнику. Спѣша скорѣе перевезти наши запасы на берегъ, велѣлъ я, изъ взятыхъ нами матеріаловъ для починки саней, построить пятую нарту. Мы запрягли въ нее собакъ, отдѣленныхъ по возможности изъ другихъ нартъ, и ввѣрили ее управленію нашего толмача.

Несмотря на то, что мы нагрузили сани, сколько можно болѣе, надобно было значительную часть запасовъ нашихъ оставить на мѣстѣ; впрочемъ мы надѣялись еще разъ сюда возвратиться и взять остальное.

Едва проѣхали мы три версты, проложенная нами сюда дорога совершенно исчезла. Огромные торосы и вновь образовавшіяся щели преградили намъ путь, такъ что для облегченія принуждены мы были бросить часть груза. Но и сія жертва не принесла намъ большой пользы. Подвинувшись еще версты двѣ, мы совершенно потеряли надежду проникнуть далѣе. По-

лыньи простирались по всѣмъ направленіямъ. Къ западу виднѣлось открытое море, съ носившимися на немъ льдинами. Густые пары затемняли небосклонъ. Къ югу отъ насъ лежала неподвижная ледяная поверхность, составленная изъ большихъ льдинъ, прижатыхъ одна къ другой; но туда не было возможности проѣхать.

Отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ твердымъ льдомъ, со страхомъ ожидали мы наступленія ночи. Только спокойствію моря и ночному морозу обязаны мы были здѣсь спасеніемъ. Слабый NW вѣтеръ понесъ льдину, гдѣ мы находились, къ востоку, и приблизилъ ее къ твердому льду. Шестами притянули мы небольшія льдины, вокругъ насъ плававшія, и составили изъ нихъ родъ моста до твердаго льда. Морозъ скрѣпилъ сіи льдины до такой степени, что онѣ могли насъ сдерживать. Работа была кончена 27-го Марта, до восхода солнца; мы поспѣшили покинуть нашу льдину и счастливо переправились на твердый ледъ. Проѣхавъ съ версту по SO направленію, увидѣли мы себя снова окруженныхъ полыньями и щелями, при невозможности продолжать путь. Находясь на льдинѣ огромнѣе другихъ, насъ окружавшихъ (она была до 75 саженъ въ поперечникѣ), и видя всѣ непреложные признаки приближающейся бури, рѣшились мы остаться здѣсь на мѣстѣ и предаться волѣ Провидѣнія.

Скоро показались предвѣстники наступавшей непогоды. Темныя тучи поднялись съ запада, и

густые пары наполнили атмосферу. Внезапно поднялся рѣзкій западный вѣтеръ и вскорѣ превратился въ бурю. Море сильно взволновалось. Огромныя ледяныя горы встрѣчались на волнахъ, съ шумомъ и грохотомъ сшибались и исчезали въ пучинѣ; другія съ невѣроятною силою набѣгали на ледяныя поля, и съ трескомъ крошили ихъ. Видъ взволнованнаго полярнаго моря былъ ужасенъ.

Въ мучительномъ бездѣйствіи смотрѣли мы на борьбу стихій, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы въ такомъ положеніи. Льдина наша носилась по волнамъ, но все еще была цѣла. Внезапно огромный валъ подхватилъ ее и съ невѣроятною силою бросилъ на твердую ледяную массу. Ударъ былъ ужасенъ; оглушительный трескъ раздался подъ нами, и мы чувствовали, какъ раздробленный ледъ начало разносить по волнамъ. Минута гибели нашей наступала. Но въ это роковое мгновеніе спасло насъ врожденное человѣку чувство самосохраненія. Невольно бросились мы въ сани, погнали собакъ, сами не зная куда, быстро полетѣли по раздробленному льду и счастливо достигли льдины, на которую были брошены. То былъ неподвижный ледяной островъ, обставленный большими торосами. Мы были спасены, и радостно возблагодарили Провидѣніе.

Ревъ вѣтра и ярость волнъ не позволяли намъ здѣсь оставаться на долго. Отдохнувъ нѣсколько, направили мы путь къ берегу; къ вечеру до-

*

стигли нашего перваго склада провіанта, нагрузили, сколько можно болѣе, нарты, и тотчасъ поѣхали, въ надеждѣ до наступленія ночи перебраться на берегъ, что намъ удалось, и мы расположились на ночлегъ не далеко отъ устья рѣки Веркона, у подошвы довольно большой скалы, защищавшей насъ отъ вѣтра и давшей возможность развести огонь. Мы поспѣшили обсушиться, согрѣться горячимъ чаемъ и подкрѣпиться пищею.

Марта 28-го буря затихла; умѣренный ONO вѣтеръ разогналъ облака. По утру термометръ показывалъ $9^1/_2{}^0$, а вечеромъ 13^0 холода. Весь день занимались мы перевозкою провіанта изъ нашего перваго склада на берегъ. Можно было надѣяться, что спокойное состояніе атмосферы и усиливавшійся холодъ, покрывъ льдомъ полыньи, позволятъ намъ проникнуть и къ другому складу съ провіантомъ, далѣе на сѣверъ лежавшему, и оттуда перевезти остальные запасы. Зная, какъ мало можно было надѣяться на вспомоществованіе Чукчей, относительно съѣстныхъ припасовъ, мнѣ преимущественно хотѣлось обезопасить себя съ сей стороны.

Марта 29-го далъ я отдыхъ утомленнымъ собакамъ. Погода была ясная; термометръ показывалъ отъ 18^0 до 19^0 мороза. По полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ я положеніе оконечности восточнаго берега р. Веркона подъ 69^0 $51' 23''$ широты и 173^0 $34'$ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 18^0 $56'$ во-

сточи. Отсюда на SW 83° пеленгованъ мысъ Кибера, а на SW 87½° средина Шалаурова острова.

Холодъ къ 30-му Марта усилился до 21°, и я полагалъ, что можно будетъ достигнуть нашего склада съ провіантомъ; почему и отправилъ туда г-на Козьмина, съ тремя нартами. Но черезъ шесть часовъ возвратился онъ назадъ, съ горестнымъ извѣстіемъ, что полыньи расширились, по крайней мѣрѣ, на 15 верстъ и совершенно отняли возможность проникнуть далѣе. Потеря нашихъ запасовъ могла имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія.

Во время отсутствія г-на Козьмина, занимался я описью восточнаго берега рѣки Веркона. Онъ обставленъ цѣпью кругловершинныхъ горъ, на коихъ поднимаются столбовидныя скалы (кекуры), подобныя тѣмъ, какія видѣли мы у Баранова Камня. Горы сіи выступаютъ въ море длиннымъ, низменнымъ мысомъ, и его можно почесть восточною оконечностью устья рѣки. Онъ названъ мною *Кекурнымъ мысомъ*, находится на разстояніи 30 верстъ отъ мыса Кибера подъ 69° 50′ 53″ широты и 174° 34′ долготы. Все пространство между сими двумя мысами занято плоскими, низменными островами, образованными рукавами рѣки; главное русло ея идетъ по восточному берегу, и имѣетъ до полу-версты ширины.

Апрѣля 1-го, при 12° холода, сильный OSO вѣтеръ поднялъ густую мятель и заставилъ насъ цѣлый день оставаться на мѣстѣ. На слѣдующее утро отправились мы къ востоку, въ надеждѣ

соединиться съ г-мъ Матюшкинымъ, которому поручена была опись сего берега. Видя непреодолимое препятствіе нашимъ поискамъ на сѣверѣ, намѣревался я раздѣлить труды съ г-мъ Матюшкинымъ. На самомъ примѣтномъ холмѣ, у устья рѣки Веркона, поставили мы, на случай прибытія въ сіи мѣста нашихъ товарищей, знакъ съ запискою, что терпимъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и нуждаемся въ скорой помощи. Потеря провіанта привела насъ въ столь затруднительное положеніе, что единственная надежда наша была теперь на соединеніе съ отрядомъ Матюшкина.

Пропуская собственно-описаніе осмотрѣннаго берега, ибо намѣренъ помѣстить его ниже, здѣсь вкратцѣ упомяну я о дальнѣйшихъ происшествіяхъ поѣздки.

Въ 23-хъ верстахъ отъ Кекурнаго мыса остановились мы ночевать, на плоскомъ низменномъ берегу. Въ нѣкоторомъ разстояніи на NO видны были остатки балагана, построеннаго изъ наноснаго лѣса, вѣроятно, Русскими путешественниками. Бревна были здѣсь воткнуты вертикально въ снѣгъ, и образовывали полукружіе, выгнутое къ сѣверу для большей защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ. По всѣмъ признакамъ, мѣста сіи уже давно не были никѣмъ посѣщаемы.

Ночью, на 4-е Апрѣля, сильный западный вѣтеръ нагналъ много снѣгу; по утру термометръ показывалъ 9°, а вечеромъ только 4° холода. Вѣтеръ сей, продолжавшійся на слѣдующій день,

былъ намъ попутный. Множество оленьихъ слѣдовъ побуждали собакъ къ скорому бѣгу, и менѣе нежели въ пять часовъ проѣхали мы около 40 верстъ, по низменной, едва отъ поверхности моря отличавшейся тундрѣ.

Долгое отсутствіе г-на Матюшкина безпокоило меня, тѣмъ болѣе, что наши запасы были уже на исходѣ. Желая продолжать опись берега, рѣшился я еще разъ попытаться проникнуть къ сѣверу и отправилъ г-на Козьмина, на одной нартѣ, съ порученіемъ отыскать нашъ складъ съ провіантомъ, или посмотрѣть, не удастся ли ему убить медвѣдя для корма собакамъ, въ чемъ мы всего болѣе нуждались. Черезъ 10 часовъ отсутствія, возвратился онъ безъ успѣха. Около 20 верстъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи, можно еще было ѣхать, хотя ледъ былъ очень неровенъ и мѣстами занесенъ глубокимъ снѣгомъ; но далѣе широкія полыньи совершенно преграждали путь. Съ вершины высокаго тороса г-нъ Козьминъ увидѣлъ, что отъ WSW до N, все море было усѣяно полыньями; онѣ уменьшались нѣсколько отъ N къ NO, но оттуда стѣною возвышались огромные торосы. Отъ NO къ O не видно было полыней, за то вдали горизонтъ былъ покрытъ темносинимъ цвѣтомъ, признакомъ открытаго моря. Ни медвѣдей, ни слѣдовъ ихъ, г-нъ Козьминъ не встрѣтилъ; но замѣтилъ нѣсколько песцовыхъ слѣдовъ; всѣ они направлялись къ NO. Извѣстіе г-на Козьмина удостовѣрило насъ, что мы были совершенно отрѣзаны

отъ нашего склада съ запасами, конечно, при ломкѣ льда потонувшаго. Ближайшій складъ провіанта при устьѣ Большой Баранихи находился отъ насъ въ разстояніи 360-ти верстъ; корма для собакъ оставалось у насъ, по большей мѣрѣ, только на три дни, и потому я принужденъ былъ возвратиться отсюда. Мы отправились въ обратный путь, предвидя печальную будущность, что наши собаки падутъ отъ голода на дорогѣ, а мы принуждены будемъ кончить путешествіе наше пѣшкомъ, если не встрѣтимся съ вторымъ отдѣленіемъ экспедиціи и не получимъ отъ него помощи.

Въ уныломъ расположеніи духа проѣхали мы 10-ть верстъ отъ ночлега нашего, въ западномъ направленіи, когда внезапно обрадованы были встрѣчею съ г-мъ Матюшкинымъ. Радостно привѣтствовали мы товарищей, избавлявшихъ насъ изъ самаго затруднительнаго положенія. Отрядъ нашъ былъ въ совершенномъ порядкѣ и достаточно снабженъ съѣстными припасами. Выбирая по возможности удобнѣйшіе пути, г-нъ Матюшкинъ не видалъ знака, поставленнаго нами при устьѣ рѣки Веркона, и не предполагая, что мы терпимъ недостатокъ въ провіантѣ, подвигался небольшими переѣздами, занимаясь описью берега. Онъ имѣлъ случай неоднократно сближаться съ Чукчами. Сначала принимали они его съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, но потомъ совершенно дружески. Между прочимъ, на Шелагскомъ мысу наши нашли небольшое Чукотское селеніе. Камакай (старшина) его посѣщалъ г-на Матюш-

кина, и черезъ толмача, съ которымъ прежде былъ уже знакомъ, много разсказывалъ о своей странѣ. Онъ также утверждалъ, что къ сѣверу лежитъ большая земля, обитаемая дикими племенами, единственною пищею коимъ служитъ снѣгъ!

Еще разсказывалъ Камакай, что на тундрѣ, къ востоку отъ устья Веркона, находятся остатки хижины, построенной, по словамъ отца его, Русскими, спасшимися съ разбитаго у сихъ береговъ большаго корабля. Много лѣтъ тому, кочующіе Чукчи открыли сію хижину, и нашли въ ней нѣсколько человѣческихъ оставовъ и череповъ, обглоданныхъ, вѣроятно, волками, а также немного провіанта и табаку, и большіе бѣлые паруса, которыми была обтянута вся хижина. Недалеко оттуда лежали наковальня и другія желѣзныя вещи. Разсказъ сей заставилъ г-на Матюшкина посѣтить тундру. Дѣйствительно нашелъ онъ на означенномъ мѣстѣ остатки хижины, по прочности и роду построенія, казавшейся произведеніемъ не Чукчей, или какихъ либо проѣзжающихъ путешественниковъ; по видимому, она назначалась для постояннаго житья. Хотя г-нъ Матюшкинъ не нашелъ никакихъ болѣе признаковъ, но всѣ обстоятельства, мѣсто и самое время (въ 1764-мъ или 1765-мъ годахъ), когда, по словамъ Камакая, случилось разсказываемое имъ происшествіе, заставляютъ полагать, что здѣсь именно встрѣтилъ смерть свою смѣлый

Шалауровъ *, единственный мореплаватель, посѣщавшій въ означенный періодъ времени сію часть Ледовитаго моря. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что Шалауровъ, обогнувъ вторично Шелагскій мысъ, потерпѣлъ кораблекрушеніе у пустынныхъ береговъ, гдѣ ужасная кончина прекратила жизнь его, полную неутомимой дѣятельности и рѣдкой предпріимчивости. Имя сего мореплавателя извѣстно во всей Сибири, такъ, что воспоминаніе о судьбѣ его, и повидимому, непреложные признаки мѣста его ужасной кончины тронули даже нашихъ грубыхъ проводниковъ...

Докторъ Киберъ, сопутствовавшій г-ну Матюшкину, познакомился въ Островномъ со многими старшинами приморскихъ Чукчей. Они также разсказывали ему о существованіи Сѣверной земли и утверждали, что *сами видѣли ее*, въ ясные лѣтніе дни, съ мѣста, называемаго *Яканъ*. По описанію ихъ предполагали мы, что Яканъ лежитъ далѣе на востокъ, и потому рѣшился я туда отправиться.

На почлегѣ занялись мы раздѣленіемъ припасовъ; часть ихъ зарыли въ ледъ, и 6-ть порожнихъ нартъ отправили обратно въ Нижне-Колымскъ. У насъ осталось семь нартъ, четыре для меня и три для г-на Матюшкина. Апрѣля 7-го было тепло, при слабомъ SSW вѣтрѣ; термометръ по утру стоялъ на 0°, а въ полдень на 2° тепла.

* См. часть I, глава I, стр. 84 — 92.

Съ нѣкотораго времени, по причинѣ теплой погоды, оставались мы днемъ на мѣстахъ, а ѣхали ночью, при свѣтѣ зари, потому что тогда обыкновенно морозило и собакамъ было легче тащить парты. Ночью съ 7-го на 8-е Апрѣля было такъ тепло, что мы не могли отправиться въ путь и оставались на мѣстѣ, именно томъ самомъ, гдѣ ночевали 5-го Апрѣля. Во время нашего невольнаго бездѣйствія, занимались мы разными астрономическими наблюденіями. Намъ удалось взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, по коимъ опредѣлили мы долготу въ 176° 09′ 45″, а широту, по полуденной высотѣ солнца, въ 69° 48′ 12″. Отсюда начали мы вести новое счисленіе.

На слѣдующій день, къ вечеру, сдѣлалось холоднѣе; мы продолжали путь по берегу. Отъѣхавъ 12-ть верстъ, въ SO направленіи, остановились мы у небольшой скалы, составлявшей, такъ сказать, границу между низменною тундрою и холмистымъ берегомъ, начинающимся въ 15 верстахъ къ востоку отъ Кекурнаго мыса. Окрестности устьевъ рѣки *Аугуона*, впадающей въ море 23-мя Итальянскими милями восточнѣе Веркона, совершенно низменны, и судя по множеству оленьихъ слѣдовъ, должны изобиловать мхомъ.

Апрѣля 8-го погода была ясная; по утру и вечеромъ было не болѣе 3° холода, а въ полдень 2° тепла. Проѣхавъ 7-мь верстъ по берегу, возвышенному на 60 футовъ, мы достигли доволь-

но далеко вдавшейся въ море скалы; за нею начинался плоскій и низменный берегъ, покрытый пескомъ и мелкими каменьями. По симъ и другимъ признакамъ, согласнымъ съ описаніемъ Чукотскихъ старшинъ, долженъ я былъ принять сіе мѣсто за мысъ Яканъ. Положеніе скалы опредѣлилось въ 69° 41′ 32″ широты и 176° 32′ долготы. Долго наблюдали мы горизонтъ, въ надеждѣ открыть на сѣверъ землю, которую по разсказамъ Чукчей можно было отсюда видѣть. Не открывъ ни малѣйшихъ признаковъ ея, мы поѣхали далѣе, и въ 4½ верстахъ, достигли устья маленькой рѣчки *Яканъ Уваянъ*. Не далеко оттуда нашли мы основу большой байдары въ 21 футъ длиною, что совершенно убѣдило насъ въ томъ, что скала, нами опредѣленная, была именно *Яканъ*, ибо не только Чукотскіе старшины въ Островномъ, но и другіе Чукчи, встрѣченные нами на Сѣверномъ мысѣ, описывая мѣстоположеніе Якана, упоминали о байдарѣ, разсказывая при томъ, что они обтягиваютъ ее *латаками* (выдѣланными моржовыми кожами), и когда положеніе льда позволяетъ, промышляютъ на ней моржей, во множествѣ здѣсь водящихся. Замѣчательно, что къ западу отъ Якана и Шелагскаго мыса, до самой Индигирки, моржи рѣдко являются, а здѣсь, напротивъ, и на всемъ пространствѣ до Чукотскаго носа, моржи и киты весьма часто встрѣчаются.

Проѣхавъ отъ Яканъ-Уваяна 16 верстъ на во-

стокъ, мы принуждены были, по причинѣ теплоты, остановиться,

Вечеромъ отправились мы далѣе, и проѣхавъ 10 верстъ, встрѣтили рядъ скалъ, простирающихся на 21 версту; за ними пещаный берегъ, покрытый небольшими холмами. Въ 35-ти верстахъ отъ ночлега нашли мы множество наноснаго лѣса, преимущественно сосноваго и еловаго, а отчасти и лиственичнаго. Давно уже терпѣли мы такой недостатокъ въ топливѣ, что разъ въ день только разводили огонь. Счастливая находка наша дала намъ снова возможность запастись дровами и въ особенности была она важна для г-на Матюшкина, который, въ свою очередь, хотѣлъ предпринять путешествіе по льду въ море, для отысканія предполагаемой на сѣверѣ земли.

Апрѣля 9-го небо покрылось темными тучами; сильный западный вѣтеръ поднялъ мятелъ; холодъ значительно усилился; утромъ было 6°, въ полдень 9°, вечеромъ 11° мороза. Г. Матюшкинъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, и поѣхалъ на 3-хъ нартахъ, съ провіантомъ на 15 дней, къ сѣверу въ море, а я съ г-мъ Козьминымъ и докторомъ Киберомъ, на 4-хъ нартахъ, съ запасомъ на 13 дней, продолжалъ опись берега. Чуванскаго Князька Соболева, хорошо знавшаго Чукотскій языкъ и сопровождавшаго прежде г-на Матюшкина, взялъ я съ собою, а ему отдалъ служившаго мнѣ толмачемъ казака Купріянова.

Только къ вечеру успѣли мы окончить всѣ рас-

поряженія, необходимыя при раздѣленіи экспедиціи. Г-нъ Матюшкинъ поѣхалъ на сѣверъ, въ море, а я съ моими спутниками по берегу, на востокъ. Густой туманъ покрывалъ окрестности, и до того ограничивалъ нашъ горизонтъ, что мы не могли точно наблюдать изгибовъ берега.

Проѣхавъ 48-мь верстъ, миновали мы устье небольшой рѣчки *Кусгунъ*, и въ 13 верстахъ оттуда остановились на ночлегъ, уже въ 5-ть часовъ утра 10 Апрѣля. На всемъ протяженіи берегъ казался плоскимъ и постепенно понижавшимся небольшими уступами къ морю. Во многихъ мѣстахъ видѣли мы сложенный кучами наносный лѣсъ и недавніе слѣды саней, запряженныхъ оленями, что подало намъ надежду встрѣтиться и ближе ознакомиться съ прибрежными жителями.

До разсвѣта восточный вѣтеръ былъ едва чувствителенъ, но потомъ скрѣпчалъ, и съ сильною мятелью продолжался цѣлый день. По утру термометръ показывалъ 16°, а вечеромъ 13° холода.

Отъ ночлега нашего берегъ круто поворачивалъ къ SO. Въ семъ направленіи проѣхали мы 23 версты, и замѣтили на востокѣ скалу, далеко вдавшуюся въ море. Она соединялась съ берегомъ длиннымъ низменнымъ перешейкомъ, и въ разстояніи 14-ти верстъ казалась отдѣльнымъ островомъ. На перешейкѣ находилось нѣсколько Чукотскихъ хижинъ.

Не было сомнѣнія, что мы достигли мѣста, которое капитанъ Кукъ, въ 1777 году, назвалъ *Сѣвернымъ мысомъ*. Два холма, соединенные съ З. на В. перешейкомъ, море на Ю. и всѣ другіе мѣстные признаки согласовались вполнѣ съ разсказомъ Кука, а опредѣленное въ послѣдствіи положеніе мѣста совершенно удостовѣрило насъ, что мы достигли Сѣвернаго мыса *. Онъ впрочемъ весьма сходенъ въ образованіи съ Шелагскимъ мысомъ, и состоитъ собственно изъ шиферной скалы, вышиною въ 105 футовъ, пологимъ скатомъ примыкающей къ другой точно такой же скалѣ; вся сія масса соединяется съ берегомъ низменнымъ перешейкомъ. Море по ту сторону мыса, видѣнное съ корабля Кукомъ, почелъ онъ, какъ извѣстно, заливомъ, или устьемъ большой рѣки.

Усмотрѣвъ Чукотское селеніе, мы удержали быстрый бѣгъ нашихъ собакъ, и въ разстояніи полуторы версты отъ берега остановились, боясь внезапнымъ приближеніемъ нашимъ испугать жителей. Но несмотря на нашу предосторожность, неожиданное появленіе наше возродило въ Чукчахъ недовѣрчивость. Они бѣгали изъ хижины въ хижину и суетились по берегу, а наконецъ столпились вмѣстѣ и, казалось, о чемъ-то разсуждали. Двое изъ нихъ отдѣлились отъ толпы и приблизились къ намъ, медленными шагами;

* Одинъ старый Чукча, житель этого края, увѣрялъ доктора Кибера, что много лѣтъ тому назадъ, приходили туда два большихъ корабля. Вѣроятно, это были суда Кука.

не показывая однакожъ ни малѣйшаго страха. Я послалъ моего толмача увѣдомить ихъ о цѣли нашей поѣздки, и увѣрить въ нашемъ дружелюбномъ расположеніи. Посланники съ обѣихъ сторонъ встрѣтились торжественно, поклонились и молча сѣли на ледъ. Толмачъ, не говоря ни слова, набилъ Чукчамъ гамзы и не прежде, какъ выкуривъ по трубкѣ, началъ длинную рѣчь, объясняя причины нашего пріѣзда. Кончивъ ее, кажется, произвелъ онъ хорошее впечатлѣніе въ своихъ слушателяхъ, потому что они встали, и вмѣстѣ съ нимъ приблизились къ намъ.

Одинъ изъ нихъ назывался *Этель*, и выдавая себя за старшину поколѣнія, онъ передалъ мнѣ въ подарокъ двухъ недавно убитыхъ тюленей, и объявилъ, что совершенно увѣренъ въ дружелюбіи нашемъ, а съ своей стороны готовъ, по силамъ, помогать намъ. Въ разговорѣ узнали мы, что онъ родня Камакаю, съ которымъ познакомились мы на Шелагскомъ мысѣ, и такое объясненіе водворило между нами пріязненныя отношенія. Я одарилъ Этеля табакомъ и другими мелочами, которыя, казалось, ему очень понравились. При прощаніи, онъ настоятельно просилъ меня посѣтить его жилище, что и исполнилъ я на слѣдующій день. Меня приняли подъ наметомъ, гдѣ Этель былъ окруженъ всѣми своими сокровищами. Стѣны жилища его были обставлены копьями, луками, стрѣлами и другими потребностями охоты и рыбной ловли, а также кожаными латами и красиво отдѣланными санками. Кучами

лежали тутъ же песцовыя шкуры, китовые усы, широкіе моржовые ремни, и т. п. Среди разговора, между прочимъ, старшина сказалъ мнѣ: «Выбирай, что тебѣ угодно изъ моихъ вещей, а «мнѣ въ замѣнъ дай ружье и пороху. Я ходилъ «бы съ нимъ на охоту, потому, что стрѣляю го«раздо мѣтче многихъ нагорныхъ Чукчей, у кото«рыхъ однажды видѣлъ ружье.»

Безпрестанно возобновлялъ онъ свою просьбу, и наконецъ я обѣщалъ исполнить его желаніе, съ условіемъ, что онъ дастъ мнѣ 13-ть тюленей на кормъ собакамъ, перевезетъ на своихъ саняхъ дрова, лежавшія въ 20-ти верстахъ отъ селенія, и кромѣ того проводитъ насъ до острова Колючина, гдѣ, какъ мы узнали, живетъ у него сестра. Вѣроятно, онъ ожидалъ гораздо большаго требованія, потому что съ радостью и безъ затрудненія тотчасъ согласился, удивляясь моему великодушію. Немедленно приказалъ онъ приготовить тюленей и перевезти дрова. Отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на другой день. Имѣя въ своей власти главу племени, я рѣшился, для облегченія собакъ, три четверти нашего груза оставить, до возвращенія, въ хижинѣ Этеля. Когда собирался я обратно въ лагерь, сдѣлать необходимыя для отъѣзда распоряженія, Этель подошелъ ко мнѣ и попросилъ позволенія взять съ собой батасъ, * назначенный имъ въ подарокъ его сестрѣ. Хотя я понималъ, что не братская любовь,

* *Батасомъ* называется большой ножъ, прикрѣпленный къ длинной палкѣ.

а желаніе имѣть при себѣ обычное Чукчамъ оружіе, было главною причиною просьбы, но, опасаясь возбудить недовѣрчивость Этеля, позволилъ ему, и мы разстались друзьями.

На другой день, рано по утру, пришелъ къ намъ Этель, въ полномъ дорожномъ платьѣ; за спиною у него висѣла котомка съ табакомъ и другими Европейскими сокровищами, которыя хотѣлъ онъ промѣнять на Колючинѣ. Шапка его была унизана бисеромъ, сережками и другими украшеніями, а на самомъ верху ея помѣщалась голова ворона; по увѣренію Этеля, она долженствовала доставить намъ счастливый путь и повсюду ласковый пріемъ. Мы отправились, сопровождаемые всѣми жителями селенія, видимо безпокоившимися о судьбѣ своего начальника. Они прощались съ нами, безпрестанно повторяя, чтобы Этель какъ можно скорѣе возвратился.

Послѣ 11-ти часовъ ѣзды, приблизились мы, поздно вечеромъ, къ двумъ уединеннымъ Чукотскимъ хижинамъ, гдѣ, по совѣту нашего новаго спутника, положено было переночевать. Лай приближающихся собакъ разбудилъ и перепугалъ спящихъ жителей. Въ страхѣ схватили они Шаманскій бубенъ и подняли оглушительный шумъ. Знакомецъ ихъ Этель, съ своею вороньею головою на шапкѣ, успокоилъ ихъ и уговорилъ принять насъ. Все населеніе сихъ двухъ хижинъ состояло изъ четырехъ мужчинъ и пяти женщинъ. Они казались весьма бѣдны, и съ трудомъ рѣшились дать намъ одного тюленя.

Мѣсто это, называемое *Такокагынъ*, отстоитъ отъ мыса *Иръ-Кайпіи* на 90-то верстъ. На всемъ пространствѣ берегъ низменъ. Въ 40-ка верстахъ отъ мыса изливается въ море, хотя не широкая, но весьма быстрая и рыбная рѣка *Екехта*. Кромѣ того, въ губу впадаютъ здѣсь ручьи *Емуаемъ*, *Тенкургуйнъ* и *Кентель*. Наноснаго лѣса попадалось намъ мало, а кустарника вовсе не было видно. Вообще здѣсь наносный лѣсъ встрѣчается рѣдко, отъ того, что его собираютъ Чукчи, приходящіе сюда на тюленью и моржовую охоту, и отъ того, что впадающія здѣсь рѣки текутъ по безлѣснымъ странамъ. Хотя ледъ, почти безпрерывно покрывающій сію часть моря, препятствуетъ наносному лѣсу приближаться къ берегамъ, но попадающіяся здѣсь еловыя и сосновыя бревна заставляютъ предполагать, что онѣ Американскаго происхожденія, ибо всѣ рѣки на востокъ отъ Индигирки текутъ по странамъ, гдѣ сіи древесныя породы не произрастаютъ. Лена сплавляетъ иногда съ верховьевъ своихъ сосны и ели, но не много, такъ, что между устьями Лены и Индигирки, въ большихъ грудахъ лиственичнаго и осиноваго лѣса, изрѣдка только находятся сосновыя и еловыя дерева. Что лѣсъ наносится сюда съ Американскихъ береговъ, тому служитъ доказательствомъ свидѣтельство Чукчей, находившихъ обрубленные сосновые стволы (вѣроятно, каменными топорами).

На слѣдующій день, 14-го Апрѣля, продолжали мы путь по пустынному песчаному берегу,

и въ 12-ти верстахъ отъ ночлега переѣхали черезъ устье рѣки *Омгуема*, которое здѣсь до $2^1/_2$ верстъ ширины. Этель разсказалъ намъ, что нѣкогда во множествѣ приходили сюда олени, и Чукчи съ Колючина острова за ними охотились; но что съ нѣкотораго времени приходъ ихъ прекратился. Низменность простирается еще на 14 верстъ къ востоку, но отсюда берегъ поднимается и образуетъ, хотя не высокій, но крутой уступъ. Земля, постепенно возвышаясь, примыкаетъ къ подошвѣ горной цѣпи; она тянется параллельно съ берегомъ, въ разстояніи 20—35 верстъ. Мѣсто, гдѣ оканчивается низменность, лежитъ, по сдѣланному наблюденію, подъ 68° 9′ 51″ широты и 182° 6′ счислимой долготы.

Въ сей день проѣхали мы 84 версты, и достигли мыса *Ванкарема*, находящагося на западной сторонѣ устья рѣки сего названія, гдѣ положено было переночевать, въ небольшомъ Чукотскомъ селеніи, изъ четырехъ хижинъ состоявшемъ. Когда прибыли мы туда, всѣ жители уже спали. Утомленныя собаки не лаяли, и мы остановились въ серединѣ селенія, никѣмъ незамѣченные. Этель, прежде нежели пошелъ разбудить жителей, отыскалъ мѣсто, гдѣ, по его словамъ, погребенъ былъ одинъ изъ его предковъ; тамъ проговорилъ онъ надъ могилою, съ торжественною набожностью, молитву и пожертвовалъ тѣни умершаго нѣсколько табачныхъ листьевъ. Потомъ уже вошелъ онъ въ одну изъ хижинъ, и, вѣроятно, описалъ насъ своимъ зе-

илякамъ съ самой выгодной стороны. Старшина селенія принялъ насъ весьма радушно и предложилъ нѣсколько тюленей на кормъ собакъ. Мы щедро одарили его и провели здѣсь ночь весьма спокойно.

Замѣчательно, что мысы *Шелагскій*, *Ир-Кайпія* и *Ванкаремъ*, совершенно одинаковаго образованія; всѣ они состоятъ изъ высокихъ скалъ *, соединенныхъ съ берегомъ длинными узкими перешейками, и различаются только тѣмъ, что размѣры скалъ и перешейковъ тѣмъ болѣе уменьшаются, чѣмъ далѣе сіи мысы лежатъ на востокъ.

Апрѣля 15-го, съ разсвѣтомъ, продолжали мы путь. Небо было ясно; горизонтъ на сѣверѣ покрывался темною синевою; по утру термометръ показывалъ 11°, а вечеромъ 12° мороза. Спустившись съ перешейка усмотрѣли мы на востокѣ, верстахъ въ 5-ти отъ мыса, маленькій островокъ, версты на двѣ въ окружности. Отсюда берегъ замѣтно возвышается, и въ 25-ти верстахъ по ту сторону мыса являются уже высокіе, гранитные и порфировые утесы. На SO 80°, въ отдаленіи 10-ти верстъ, находился скалистый мысъ *Оньманъ*; на немъ возвышается значительная гора. Не подалеку, но отдѣльно отъ мыса, рядъ столбовидныхъ утесовъ, вышиною въ 140 футовъ, похожихъ на развалины огромнаго зданія. Тутъ, на высокомъ берегу, находились также два

* Скалы сіи состоятъ изъ мелкозернистаго гранита, ~~[illegible]~~ смѣшан-наго съ зеленоватымъ шпатомъ, темнозеленою роговою бледною и слюдою.

Чукотскіе шалаша, защищенные только съ южной стороны, и совершенно открытые суровому сѣверному вѣтру. Чукча нечувствителенъ къ холоду и не нуждается въ произведеніяхъ прозябаемаго царства. Ледовитое море замѣняетъ ему лѣсъ, пашню и лугъ, а тюлени и моржи удовлетворяютъ всѣмъ его потребностямъ.

Обогнувъ мысъ Оньманъ, мы увидѣли на горизонтѣ (SO 80°), въ разстояніи 33 верстъ, островъ *Колючинъ*, показавшійся намъ кругловершинною горою. Туда направили мы путь, и по хорошей дорогѣ ѣхали весьма скоро. Берегъ твердой земли отъ мыса Оньмана круто загибается на югъ и составляетъ западную сторону *Колючинской губы*; восточную, за густымъ туманомъ, мы едва видѣли.

Островъ *Колючинъ*, названный Кукомъ Burney's Island, по направленію берега на $3\frac{1}{2}$ версты въ длину. Сѣверный берегъ его обставленъ крутыми скалами изъ красноватаго гранита; онѣ спускаются въ море обрывами; южный, напротивъ, низменъ. Здѣсь находится Чукотское селеніе, состоящее изъ 11-ти хижинъ. Мы хотѣли посѣтить его. За четверть версты остановились мы, и расположились лагеремъ на льду. Чукчи замѣтили насъ, и все народонаселеніе мѣстечка пришло въ движеніе. Женщины и дѣти скрылись на близълежащей горѣ, а мужчины, вооруженные копьями, батогами и стрѣлами, выстроились въ рядъ передъ хижинами, ожидая нападенія. Тогда только увидѣли мы, какъ полезенъ былъ

намъ Этель, съ своею вороньею головою на шапкѣ. Безъ оружія пошелъ онъ, одинъ, къ Чукчамъ, и вскорѣ совершенно ихъ успокоилъ. Они положили оружіе и дружески приблизились къ намъ. Предложеніе мое мѣнять на табакъ и бисеръ китовое мясо, на кормъ собакамъ, было принято съ радостью, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году жители острова убили до 50-ти китовъ, вообще часто здѣсь попадающихся. Кромѣ того, въ Колючинской губѣ, особенно когда разламывается ледъ, моржевыя охоты бываютъ весьма удачны.

Извѣстіе о прибытіи нашемъ скоро достигло Чукчей, живущихъ по берегамъ губы, и въ надеждѣ получить отъ насъ табаку, они съѣзжались со всѣхъ сторонъ, на саняхъ, нагруженныхъ китовымъ мясомъ, моржовыми ремнями и дровами. Въ короткое время, до 70 человѣкъ собралось около нашего стана такъ, что онъ походилъ на рынокъ. Каждый изъ вновь пріѣзжавшихъ Чукчей, прежде начатія торга, требовалъ себѣ въ подарокъ табаку. Богатые пріѣзжали въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя и пятью собаками въ рядъ, а подлѣ саней ихъ обыкновенно бѣжалъ, погоняя собакъ, Чукча, простолюдинъ изъ бѣднѣйшаго сословія. Почти всѣ гости наши выдавали себя за старшинъ и требовали подарковъ болѣе другихъ, такъ, что нашъ небольшой запасъ табаку весьма скоро истощился.

Между нашими гостями находился одинъ старшина Носовыхъ Чукчей (живущихъ у Беринго-

ва пролива). Онъ отличался отъ всѣхъ другихъ страннымъ и необыкновенно-украшеннымъ нарядомъ. Сверхъ мохнатой кухлянки своей, носилъ онъ на шеѣ два образа и четыре креста, а на груди его, между двумя дощечками въ видѣ футляра, висѣли два письменныя свидѣтельства: одно о принятіи имъ и его тремя сыновьями, Св. Крещенія, а другое о пожалованіи ему Государемъ Императоромъ камлеи изъ краснаго сукна, за присылку чернобурой лисицы. Изъ ревности къ вѣрѣ, онъ безпрестанно крестился и хвастался умѣньемъ ѣсть сухари и сахаръ и пить чай, въ чемъ другіе земляки его оказывали совершенное невѣжество. Этотъ хвастунъ былъ намъ несносенъ, потому что, пользуясь правомъ единовѣрца, безстыдно требовалъ онъ отъ насъ безпрестанныхъ подарковъ, не оказывая намъ съ своей стороны никакой услуги. Впрочемъ, мы вообще были довольны поведеніемъ Чукчей, хотя, не смотря на всѣ предосторожности, у насъ пропало нѣсколько бездѣлицъ. Кажется, страсть къ воровству также сродна симъ Гиперборейцамъ, какъ островитянамъ Южнаго моря. Даже Этель, не довѣряя своимъ Колючинскимъ землякамъ, всѣ свои пожитки отдалъ на сохраненіе намъ.

Отдаленное путешествіе, усилія при переходахъ среди торосовъ и переправахъ черезъ полыньи, привели нашихъ собакъ въ самое жалкое положеніе, такъ, что я почелъ необходимымъ дать имъ въ Колючинѣ два дня отдыха. Не имѣя болѣе табаку, мы не имѣли возможности доста-

точно запастись кормомъ для собакъ, что, при совершенномъ изнеможеніи ихъ, принудило меня перемѣнить прежнее намѣреніе описывать берега до самаго Берингова пролива, а возвратиться скорѣе въ Нижне-Колымскъ, отъ котораго находились мы въ разстояніи 1060 верстъ. Приближеніе теплаго времени года еще болѣе заставляло насъ спѣшить. Хотя весьма неохотно, я рѣшился отказаться отъ моего плана окончить опись сѣверныхъ Азіатскихъ береговъ, но съ другой стороны утѣшался мыслію, что тѣмъ не составится важной потери для Географіи, ибо берега Берингова пролива и Ледовитаго моря до острова Колючина уже были осмотрѣны и подробно описаны экспедиціею капитана Биллингса. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, положено было намъ возвратиться. До послѣдней минуты нашего здѣсь пребыванія, пріѣзжали на островъ новые посѣтители изъ окрестныхъ Чукотскихъ селеній, и крайне надоѣдали намъ безпрестанными просьбами и требованіями подарковъ. Наконецъ, 17-го Апрѣля, вечеромъ, оставили мы Колючинъ, сопровождаемые толпою Чукчей, надѣявшихся при прощаніи выпросить у насъ еще какіе нибудь подарки.

По полуденной высотѣ опредѣлили мы широту южной оконечности острова Колючина подъ 67° 26′ 36″, въ счислимой долготѣ 184° 24′. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣтствующимъ азимутамъ солнца, было на 23° 26′ восточн. Надъ наклоненіемъ ея не могли мы дѣлать

наблюденій; нашъ инклинаторъ повредился въ дорогѣ.

При сильномъ и рѣзкомъ OSO вѣтрѣ, достигли мы, 20-го Апрѣля, селенія Ир-Кайпіи, и были встрѣчены всѣми жителями. Всячески старались они выразить намъ свою радость о счастливомъ возвращеніи Этеля, а, можетъ быть, и объ успѣхахъ мѣны его на Колючинѣ. Запасы мои были въ совершенной цѣлости, и жители, изъ благодарности, подарили намъ еще нѣсколько тюленей. Приготовленіе и нагрузка отняли у насъ два дни. Намъ удалось здѣсь наблюдать двумя секстанами полуденныя высоты солнца, по коимъ опредѣлилась широта селенія Ир-Кайпіи 68° 55′ 16″, при долготѣ 179° 57′ *. По соотвѣтствующимъ азимутамъ, склоненіе магнитной стрѣлки было 21° 40′ В. Апрѣля 23-го оставили мы селеніе Ир-Кайпіо и поѣхали на западъ по берегу, причемъ можно было намъ вторично наблюдать и провѣрять, какъ разстоянія, такъ и положеніе описанныхъ нами мѣстъ.

Прежде описанія возвратнаго нашего пути, не лишнимъ, кажется, будетъ сказать нѣсколько словъ о Чукчахъ, народѣ столь замѣчательномъ и столь мало извѣстномъ, хотя, по краткости времени, свѣдѣнія, нами собранныя, не могли быть весьма ни обширны, ни подробны.

Чукчи обитаютъ на сѣверо-восточной оконеч-

* Капитанъ Кукъ, по корабельному счисленію, опредѣлилъ положеніе Сѣвернаго мыса, или Ир-Кайпіи, подъ 68° 56′ широты и 180° 49′ долготы.

ности Азіи, отъ *Чаунской губы* до *Берингова пролива* съ одной стороны, и отъ рѣки *Анадыра* и верховьевъ *Сухаго Анюя* до *Ледовитаго моря*, съ другой. Сосѣдніе съ ними народы, на югъ *Коряки*, на западъ *Чуванцы* и *Анюйскіе Юкагиры*.

Названія двухъ рѣкъ *Большая* и *Малая Чукочья*, впадающихъ съ западной стороны въ устья Колымы, заставляютъ предполагать, что Чукчи занимали нѣкогда гораздо большее пространство земли, и что Ленскіе казаки, покоривъ берега рѣки Колымы, вытѣснили ихъ отсюда. Такое предположеніе еще болѣе подтверждаютъ преданія, сохранившіяся между жителями Колымскаго округа, о частыхъ, опустошительныхъ набѣгахъ Чукчей на первобытныя Русскія поселенія по лѣвому берегу рѣки. Говорятъ, что тогда получили свои названія *Погромное* и *Убіенное* урочища. На берегахъ средней части рѣки Колымы обитали нѣкогда *Омоки*, о которыхъ было уже выше говорено. По преданію, сей многочисленный и сильный народъ въ короткое время почти совершенно истребился повѣтріями, голодомъ и другими бѣдствіями. Остававшіеся въ живыхъ бѣжали изъ своей родины, и ее заняли Руские, Якуты и другіе народы. Омоки укрылись на сѣверъ и тамъ погибли, отчасти на торосахъ и льдахъ моря, отчасти въ бояхъ съ Индигирскими Тунгусами, въ то время еще воинственными и многочисленными. Вотъ все, что могъ я узнать о судьбѣ Омокскаго, нѣкогда столь замѣчательнаго поколѣнія. Единственнымъ на-

мятникомъ существованія его остается названіе мѣстечка: *Омокское Юртовище*, лежащаго на берегахъ Индигирки.

Одинаковая съ ними судьба постигла *Шелаговъ*, обитавшихъ на приморской тундрѣ, лежащей къ востоку отъ Колымы. Они были вытѣснены отсюда Чукчами. Отъ Шелаговъ получилъ свое названіе *Шелагскій мысъ*. Чукчи называютъ сей народъ *Ча-уаджанъ*, или *Чавача*, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣку и губу *Чаунскими*, или *Чаванскими*.

Отъ одного корня съ Шелагами происходятъ Тунгусы, и вполнѣ могутъ почесться кочевымъ народомъ, ибо хотя и непринуждаемые необходимостью, часто перемѣняютъ они свои жилища. Въ непостоянномъ образѣ жизни, ни къ чему ихъ непривязывающемъ, должно, кажется, искать причины беззаботности и веселости характера, чѣмъ такъ отличаются Тунгусы отъ Чукчей; и Чукчи переходятъ также съ мѣста на мѣсто, но у нихъ гораздо болѣе осѣдлости, нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Чукчи собираютъ запасы, и только скудность пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ, могутъ принудить ихъ перемѣнить жилье. Наклонность Чукчей къ осѣдлой жизни проявляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно несвойственныхъ кочующимъ народамъ. Самая одежда Чукчей, широкая, неуклюжая кухлянка и длинные мѣховые шаровары, приспособлена къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій *санаяхъ* (родъ кафтана, или старинного

фрака), совершенно соотвѣтствуютъ безпрестанной движимости Тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличающихся проворствомъ, легкостью и всегдашнею веселостью, такъ, что мы обыкновенно называли ихъ *Французами тундры*.

Оленные Чукчи, называющіе себя *Танныгкъ*, занимаютъ гористую часть страны, и составляя значительнѣйшее народонаселеніе, могутъ почесться владѣтелями Чукотской земли.

На берегахъ Анадырскаго залива обитаетъ народъ, называемый Чукчами *Онкилонъ*, т. е. *морскіе*, отъ котораго они совершенно отличаются тѣлосложеніемъ, одеждою и языкомъ. Капитанъ Биллингсъ, въ описаніи своего путешествія по Чукотской землѣ, показываетъ сходство языка сего народа съ языкомъ Кадьякскихъ Алеутовъ, которые одного происхожденія съ Гренландцами.

По преданію, народъ Онкилонъ, 200 лѣтъ тому, занималъ весь Азіятскій берегъ, отъ Шелагскаго мыса до Берингова пролива. Преданіе подтверждается тѣмъ, что на всемъ протяженіи здѣсь видны слѣды хижинъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ какихъ обитаютъ горные Чукчи. Судя по остаткамъ, хижины сіи были нѣсколько углублены въ землю, и покрывались китовыми ребрами и землею. Сильная вражда между Онкилонскимъ старшиною Крехаемъ и главою Оленныхъ Чукчей Ерримомъ превратилась въ междоусобіе. Крехай былъ разбитъ и бѣжалъ съ своимъ народомъ. Съ тѣхъ поръ берегъ опустѣлъ.

Жители деревни Ир-Кайпіи, гдѣ, по преданію, Крехай нѣсколько времени скрывался, расказывали мнѣ объ немъ слѣдующее: онъ убилъ Чукотскаго старшину Еррима и былъ преслѣдуемъ сыномъ его, долгое время скитался, и наконецъ скрылся на мысѣ Ир-Кайпіи, гдѣ доселѣ видна природная стѣна, за которою онъ поселился. Но молодой Чукча Ерримъ, жаждая мщенія за смерть отца своего, нашелъ средство ворваться туда и умертвить сына Крехая. Хотя, по понятіямъ здѣшнихъ жителей, кровавая месть была тѣмъ удовлетворена, но, вѣроятно, Крехай все еще имѣлъ причину страшиться преслѣдованій своего непримиримаго врага. Потому, ночью спустился онъ по ремню со скалы, въ приготовленную для побѣга лодку, и думая обмануть своихъ непріятелей, поплылъ сперва на востокъ, но потомъ повернулъ на западъ и достигъ Шаларова острова, гдѣ укрѣпился въ землянкѣ, развалины которой мы видѣли. Туда собрались, мало по малу, всѣ его родные, и вскорѣ, на 15-ти байдарахъ, убѣжали въ незнакомую землю, въ ясные солнечные дни видимую съ мыса Якана. На слѣдующую зиму скрылся еще одинъ Чукча, родня Крехая, съ своими домочадцами и оленями; подозрѣваютъ, что и онъ также удалился въ ту заморскую землю.

Здѣсь будетъ кстати привести еще одно преданіе, относящееся къ предполагаемой землѣ; его разсказывали намъ жители острова Колючина. Одинъ старикъ говорилъ, что при жизни

его дѣда, шесть Чукчей и одна женщина на байдарѣ слишкомъ далеко отплыли отъ берега и потеряли его изъ вида. Они долго носились по волнамъ и наконецъ были брошены на неизвѣстную землю, жители которой даже и Чукчамъ показались дикими и звѣрскими. Мужчины были всѣ умерщвлены; съ женщиною, напротивъ, обходились хорошо и возили ее по всей землѣ, какъ нѣчто рѣдкое и замѣчательное. Такимъ образомъ перешла она наконецъ къ *Кергаулямъ*, народу, обитающему въ Америкѣ на берегахъ Берингова пролива, и оттуда возвратилась на родину. Она много разсказывала своимъ землякамъ о приключеніяхъ на неизвѣстной большой землѣ, лежащей къ сѣверу отъ Колючина острова и простирающейся отъ Америки далеко на западъ. «Земля эта,» говорила она, «раздѣлена между многими поколѣніями; живущіе на западъ весьма сходны съ Чукчами, а напротивъ, обитающіе на востокъ, столь звѣрски и дики, что едва похожи на людей.» Это преданіе до того искажено самыми невѣроятными прибавленіями, что не заслуживало бы замѣчанія, если бы не было въ немъ сходства съ исторіею Крехая.

Въ прежнія времена, Чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и на-

горныя страны, и поселились на берегахъ моря. Сіи земноводныя животныя являются чаще въ краяхъ, далѣе на востокъ лежащихъ, потому и береговое народонаселеніе, по мѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, является многочисленнѣе.

Такимъ образомъ Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на *осѣдлыхъ*, или *береговыхъ*, и на *оленныхъ*, или *кочевыхъ*. Оба племени живутъ въ хорошемъ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые Чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржовые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья.

Осѣдлые Чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видомъ уподобляются большимъ неправильнымъ конусамъ. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно пряма. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверстіе, завѣшанное оленьею шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ крутое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается другая, маленькая, четыре-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служитъ она и кухней, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мохъ, облитый жиромъ. Вообще Чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ре-

бра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Главное занятіе береговыхъ жителей, особенно на Ир-Кайпіи, составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ прорубь, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: Чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно вылѣзаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію Чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкій однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Сей родъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ Чукки совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливается водою, до тѣхъ поръ, пока не покроется весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя се, съ жадностію глотаетъ; но въ

желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что рѣдко не удается сіе средство.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ, отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ Чукчей, хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, и жиръ иногда служитъ еще вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища Чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренности и кишокъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ Чукчи особенное орудіе, употребляя его вмѣсто пешней для ломки льда и рытья замерзшей земли, но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ мѣновой торговли съ оленными Чукчами, передающими ихъ Русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота Чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди неприступныхъ торосовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ Чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей родъ сѣтей, изъ длин-

ныхъ и узкихъ ремней, съ камнями, или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ Чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще Чукчи не страстные охотники, и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ копье и особенно батасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія Чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые Чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не попарно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично, и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе Колымскихъ и Камчатскихъ. Замѣчательно, что въ 1821-мъ году Чукчи также лишились многихъ собакъ отъ повѣтрія, свирѣпствовавшаго по берегамъ Колымы, Индигирки, Яны и Лены.

По собственнымъ нашимъ наблюденіямъ и собраннымъ отзывамъ другихъ оказывается, что у кочующихъ и у осѣдлыхъ Чукчей существуетъ рабство. Богатѣйшіе изъ Чукчей владѣютъ цѣ-

лыми семействами, уже съ древнихъ временъ находящимися у нихъ въ зависимости, неемѣющими удаляться никуда, неимѣющими собственности и совершенно подчинеными произволу своего господина, употребляющаго ихъ на самыя тяжелыя работы; въ вознагражденіе, онъ одѣваетъ и кормитъ ихъ. О началѣ такой зависимости, ни переводчикъ нашъ, ни другіе Чукчи не могли ничего сказать, а полагали, что «такъ было и должно быть». Вѣроятно, рабы Чукчей суть потомки прежнихъ военно-плѣнныхъ.

Пища Чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ, или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ Чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной ~~сокъ~~ бульонъ смѣшиваютъ они со снѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый Чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться должно быть дорого, всѣ кушанья подаются совершенно холодныя, а въ заключеніе съѣдается даже большой кусокъ смерзшагося снѣга. Мнѣ часто случалось видѣть, что при 30° и болѣе мороза,

Чукчи брали отъ времени до времени пригоршни снѣга, и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

Въ заключеніе долженъ я упомянуть о странномъ явленіи, замѣченномъ нами между сими грубыми дѣтьми природы, а именно о томъ, что педерастія между Чукчами весьма обыкновенна и нимало не скрывается. Они никакъ не могли понять нашего отвращенія, и полагали, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и каждый воленъ слѣдовать своему вкусу. Непонятно, какимъ образомъ сія противуестественная страсть могла вкорениться въ народѣ, у котораго въ женщинахъ нѣтъ недостатка и бракъ не затрудняется калымомъ, какъ у Якутовъ и Юкагировъ, а, напротивъ, безъ всякихъ препятствій заключается и расторгается.

Апрѣля 23-го оставили мы мысъ Ир-Кайпіи, направили путь на западъ и достигли на слѣдующій день мѣста, откуда г-нъ Матюшкинъ предпринялъ путешествіе по льду, для отысканія предполагаемой сѣверной земли. Здѣсь нашли мы большой деревянный крестъ, на которомъ была прибита записка г-на Матюшкина, увѣдомлявшая насъ, что огромныя полыньи со всѣхъ сторонъ пресѣкали ему дорогу по морю, такъ, что послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, онъ принужденъ былъ обратиться назадъ, удалившись отъ берега не болѣе, какъ на 16 верстъ.

Апрѣля 25-го переночевали мы подлѣ Шаларова хижины, у рѣки Веркона, на NO 80° отъ

Керурнаго мыса. Строеніе это стоитъ уже 60-ть лѣтъ, и несмотря на то, стѣны его совершенно хорошо сохранились, а только крыша обвалилась и вся внутренность засыпалась землею и снѣгомъ. Здѣсь нашли мы, кромѣ нѣсколькихъ череповъ и кошельковъ отъ косъ, деревянный, обросшій мохомъ, патронташъ. Въ послѣдствіи Камакай Шелагскаго мыса разсказывалъ намъ, что когда ему было еще 10-ть лѣтъ, въ хижинѣ этой нашли нѣсколько труповъ, и говорили, что оставшіеся въ живыхъ пять человѣкъ пошли отсюда пѣшкомъ на Колыму.

Мая 1-го рано по утру, достигли мы Шелагскаго мыса, и тотчасъ разбудили Камакая, надѣясь достать отъ него съѣстныхъ припасовъ для себя и корма собакамъ. Но надежда наша была тщетная. Камакай рѣшительно объявилъ, что рыбная ловля и охота его были неудачны, и онъ ничѣмъ не можетъ снабдить насъ, присовокупляя, что отказалъ уже въ томъ г-ну Матюшкину, который, проѣзжая здѣсь, оставилъ на мое имя письмо, заключавшее нѣкоторыя подробности о неудачной попыткѣ его достигнуть сѣверной земли.

Мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Провіантъ и кормъ собакъ совершенно у насъ истощились, и запастись ими на пустынномъ берегу не было возможности. Даже Чукчи, кочующіе обыкновенно съ своими оленями на островѣ Айонѣ, или Сабадеѣ, отъ которыхъ можно бы получить нѣсколько припасовъ, удалились во внутренность земли. Утомленныя труд-

ными и большими переѣздами, собаки изранили себѣ притомъ ноги, такъ, что оставляли за собою кровавый слѣдъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были до такой степени измучены, что мы принуждены были положить ихъ на парты. Въ такихъ обстоятелствьахъ продолжать путь оставалось только, слѣдуя принятому здѣсь правилу, т. е. гнать собакъ и недавать имъ ни малѣйшаго отдыха, до того мѣста, гдѣ есть надежда добыть корму. Такъ дотащились мы 3-го Мая до стана при устьѣ Большой Баранихи, гдѣ нашли нѣсколько провіанта и достаточное количество корма собакамъ. Мы пробыли здѣсь два дня; собаки нѣсколько отдохнули, и 5-го Мая отправились мы снова въ путь.

Во все это время холодъ былъ умѣренный, не болѣе $3\frac{1}{2}°$, но 3-го Мая внезапно усилился до $18°$. Впрочемъ, несмотря на сильный морозъ, воздухъ былъ чистъ и небо безоблачно, что позволило намъ сдѣлать нѣсколько удачныхъ наблюденій.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Колымѣ, воздухъ становился замѣтно теплѣе. Снѣгъ съ отлогихъ береговъ здѣсь уже стаялъ. Рѣка была еще покрыта толстымъ льдомъ, но отъ распустившагося снѣга вода стояла на поверхности его, и до крайности затрудняла ѣзду. Только крѣпкимъ полозьямъ изъ китовыхъ ребръ, купленнымъ въ Ир-Кайпіи и на Колючинѣ, обязаны мы были счастливымъ окончаніемъ путешествія.

Наконецъ, 10-го Мая, достигли мы Нижне-Колымска, послѣ 78-ми дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего около 2,300 верстъ. Г. Матюшкинъ прибылъ сюда шестью днями прежде насъ. На возвратномъ пути съ подробностью описалъ онъ берега Чаунской губы, сдѣлалъ много астрономическихъ наблюденій, для опредѣленія положеній мѣстъ; но съ Чукчами, кромѣ извѣстнаго знакомца нашего, Камакая Шелагскаго мыса, не встрѣчался.

Возвращеніемъ въ Нижне-Колымскъ кончился рядъ попытокъ нашихъ для открытія земли, предполагаемой на сѣверномъ Ледовитомъ морѣ. Хотя не имѣемъ мы права, ни опровергать ея существованія, ни подтверждать его, но наши, неоднократно и въ разныхъ направленіяхъ предпринятыя поѣздки на сѣверъ по льду, кажется, достаточно доказываютъ, что въ удободостигаемомъ отъ Азіятскаго берега разстояніи нѣтъ на Ледовитомъ морѣ никакой земли. Если, несмотря на наши усилія, остановленныя только непреодолимыми естественными преградами, на сѣверѣ дѣйствительно существуетъ земля, то открытіе ея зависитъ единственно отъ случая и благопріятнаго расположенія обстоятельствъ. Главныя условія удачи составляютъ безбурная, морозная зима и позднее наступленіе весны. При такихъ условіяхъ путешествіе должно быть предпринято отъ Якана, гдѣ, по преданіямъ жителей, неизвѣстная страна наиболѣе сближается съ берегомъ Азіятскаго материка.

Согласно съ полученными отъ Правительства предписаніями, наша экспедиція въ Нижне-Колымскѣ должна была кончить свои дѣйствія и изслѣдованія, и при первой возможности возвратиться въ С. Петербургъ. Разныя обстоятельства заставили меня еще промедлить здѣсь; но г-нъ Матюшкинъ съ докторомъ Киберомъ отправились отсюда въ началѣ Іюля. Они поднялись по Колымѣ до Верхне-Колымска, и потомъ по Омекону до Иркутска, гдѣ хотѣли посвятить лѣто естествоиспытанію сей, все еще малоизвѣстной страны. Августа 1-го получилъ я предписаніе обождать въ Нижне-Колымскѣ прибытія чиновника Якутскаго Областнаго Правленія, и съ нимъ вмѣстѣ кончить мои счеты съ жителями Колымскаго округа. Время до прибытія чиновника, хотя и старался я сокращать его, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ моихъ записокъ, описей и картъ, было для меня самое скучное, и показалось мнѣ гораздо тягостнѣе трудныхъ путешествій по льду.

Наконецъ пріѣхалъ ожидаемый чиновникъ, и мой разсчетъ съ жителями скоро былъ конченъ. Ноября 1-го оставилъ я съ г-мъ Козьминымъ Нижне-Колымскъ, послѣ трехъ-лѣтняго въ немъ пребыванія. Скоро достигли Средне-Колымска, гдѣ соединился съ нами г-нъ Тарабукинъ. Мы наняли лошадей у нашего стараго знакомаго, купца Бережнаго, и вмѣстѣ поѣхали въ Якутскъ, 19-го Ноября, 1823 года, при 32° мороза.

═

ГЛАВА IX.

—

Возвратный путь изъ Средне-Колымска въ Санктпетербургъ, въ 1823 и 1824 гг.

—

Отправясь изъ Средне-Колымска въ Якутскъ на наемныхъ лошадяхъ, и не имѣя надобности слѣдовать почтовымъ трактомъ, идущимъ отъ Алазейскихъ горъ черезъ Зашиверскъ, Талабагъ и Верхоянскъ, мы поѣхали по дорогѣ, выбираемой обыкновенно купеческими караванами. Она пролегаетъ къ сѣверу отъ Зашиверска, вдоль рѣки Селенихи, по пустынѣ, изрѣдка обитаемой Якутами. Такимъ образомъ прорѣзывали мы страну въ другомъ направленіи, а не по прежнему нашему пути отъ Якутска въ Нижне-Колымскъ. Но по совершенному однообразію всей сѣверо-восточной Сибири, описаніе нашего возвратнаго пути было бы только повтореніемъ прежняго, потому ограничусь я здѣсь немногими предметами, на которые не имѣлъ прежде случая обратить вниманія.

Купеческіе караваны предпочитаютъ взятую нами дорогу обыкновенному почтовому тракту, потому что равнины, орошаемыя Селенгою, доставляютъ лошадямъ тучную пищу. На песчаныхъ берегахъ сей рѣки растетъ изобильно трава изъ рода хвощей (equisetum); она едва достигаетъ дюйма высоты и лѣтомъ у нея горьковатый вкусъ, почему тогда лошади и не ѣдятъ ея. Но послѣ первыхъ морозовъ, она получаетъ сладковатый вкусъ и дѣлается лучшею и любимою пищею лошадей, которыя въ короткое время отъ нея тучнѣютъ. Сіе полезное растеніе извѣстно здѣсь подъ именемъ *Чибоги*, и его вліяніе на физическій организмъ лошадей столь сильно, что даже потъ ихъ получаетъ зеленоватый цвѣтъ. Хотя единственно морозъ дѣлаетъ Чибогу способною для употребленія въ пищу, но за то слишкомъ сильная стужа вредитъ ей, ибо тогда дѣлается она хрупкою и разсыпается на части, когда лошадь копытомъ сгребаетъ съ нея верхній слой снѣга.

Наши лошади видимо поправлялись отъ такого хорошаго корма, и потому для ночлеговъ всегда выбирали мы тѣ мѣста, гдѣ можно было предполагать изобиліе Чибоги. Между прочимъ, 9-го Декабря переночевали мы, при 33° мороза, около большаго огня подъ открытымъ небомъ, на лужайкѣ, ничѣмъ незащищенной отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра. Здѣсь имѣлъ я случай замѣтить на сопровождавшемъ меня Якутѣ, до какой степени можетъ человѣкъ привыкнуть къ холоду и

непогодѣ. Въ дорогѣ Якуты не запасаются, ни палатками, ни одѣялами, даже не берутъ съ собою какой нибудь теплой одежды, безъ которой мы, при нѣсколько сильномъ морозѣ, не смѣемъ выйдти изъ комнаты. Самыя отдаленныя зимнія путешествія совершаютъ они въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ костюмѣ, и проводятъ ночи почти всегда подъ открытымъ небомъ; попона лошади служитъ имъ постелью, а деревянное сѣдло подушкою. На ночь Якутъ скидаетъ свой *санаяхъ* и покрываетъ имъ плечи и спину, а передняя часть тѣла его, обращенная къ огню, остается почти безъ покрышки. Пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько времени, и чувствуя, что начинаетъ согрѣваться, Якутъ затыкаетъ себѣ небольшими клочками шкуры носъ и уши, и сія единственная предосторожность совершенно обезпечиваетъ его отъ замерзанія. Впрочемъ, даже и здѣсь въ Сибири называютъ Якутовъ *желѣзными людьми*, и такое названіе имъ вполнѣ прилично. Вѣроятно, нѣтъ другаго народа, который всякаго рода тѣлесныя страданія, особенно стужу и голодъ, переносилъ бы въ такой ужасной степени и съ такимъ хладнокровіемъ, какъ Якуты. Нѣсколько разъ могъ я наблюдать сонъ моего проводника, при 30-ти и болѣе градусахъ холода. Часто ночной огонь едва тлѣлъ; санаяхъ его сваливался съ плечъ и все тѣло спящаго было покрыто толстымъ слоемъ инея; но ничто и нисколько не препятствовало сну его и въ послѣдствіи не вредило моему Якуту. Сверхъ того, Яку-

ты одарены чрезвычайнымъ, даже неимовѣрнымъ зрѣніемъ. Одинъ Якутъ среднихъ лѣтъ увѣрялъ начальника Устьянской экспедиціи, лейтенанта Анжу, что ему случалось видѣть, какъ одна *большая голубоватая звѣзда* (Юпитеръ) глотала другія меньшія звѣзды и послѣ ихъ выплевывала. Такимъ образомъ этотъ Сибирякъ простыми глазами могъ наблюдать затмѣніе спутниковъ Юпитера! Также нельзя не упомянуть объ удивительной памяти Якутскаго народа, особенно относительно мѣстности. Въ путешествіяхъ по необозримымъ, однообразнымъ пустынямъ, каждая лужа, каждый камень и кустъ, каждое едва замѣтное возвышеніе поверхности, не обращающія на себя вниманія Европейца, врѣзываются въ память Якута, и много лѣтъ спустя служатъ ему единственными и вѣрными путеводителями черезъ степи и тундры.

Здѣсь имѣлъ еще я случай наблюдать замѣчательное явленіе природы, такъ называемые *тарыни*, весьма затруднявшія намъ путь, и если не образованіемъ, то наружнымъ видомъ, походящія на глетчеры. Пещаный грунтъ здѣшнихъ горныхъ долинъ (особенно на берегахъ Догдо) во время жаркаго лѣта, и обыкновенно послѣ того наступающей сухой осени, совершенно высыхаетъ. Зимою, при сильныхъ морозахъ, изъ внутренности земли выступаетъ вода, разливается во всѣ стороны и замерзаетъ. Ледъ, ею образуемый, получаетъ трещины и щели; изъ нихъ выступаетъ снова вода, и замерзая, образуетъ

второй слой. По мѣрѣ усиленія мороза, вода подымается изъ рыхлаго грунта болѣе и болѣе на поверхность, ледяные слои распространяются, становятся толще и покрываютъ кустарники и даже деревья. Такъ остаются они до весны, когда лучи солнца и теплота начинаютъ дѣйствовать. Тогда ледъ таетъ и въ безчисленныхъ ручьяхъ сливается на низменности, гдѣ вода снова уходитъ въ землю. По дорогѣ въ Охотскъ и на Омеканскихъ горахъ встрѣчаются также ледяныя поля и никогда нетающія, но они лежатъ возвышенно и, вѣроятно, образуются отъ скопленія дождевой и снѣжной воды, а потому совершенно отличаются отъ тарыней на берегахъ Догдо. Ледъ въ тарыняхъ блестящаго бѣлаго цвѣта, и получаемая изъ него вода, судя по вкусу, и потому, что весьма худо разводитъ мыло, должна заключать въ себѣ много известковыхъ частицъ.

Переходъ черезъ тарыни очень затруднителенъ и опасенъ; если онѣ крѣпко замерзли, то ледяная поверхность ихъ такъ скользка, что даже хорошо подкованныя лошади на каждомъ шагу падаютъ и нерѣдко убиваются. Особенно опасны переходы черезъ тѣ тарыни, лежащія на свѣсахъ, или на краю овраговъ. Бѣда каравану, когда сильные, внезапные и довольно обыкновенные въ Сибири порывы вѣтра застаютъ его на такой дорогѣ! Люди и лошади низвергаются тогда въ пропасть. Безопаснѣе, но не легче, переходы черезъ тарыни, покрытыя вновь выступившею, но еще незамерзшею водою. Караванъ дол-

женъ проходить здѣсь черезъ глубокія лужи; причемъ главнѣйше надобно остерегаться, чтобы не замочить, и потомъ не отморозить себѣ рукъ и ногъ. Но Якуты все переносятъ. Въ подобныхъ случаяхъ, пройдя черезъ воду и промочивъ на сквозь свои *торбасы*, они довольствуются тѣмъ только, что вступаютъ въ рыхлый снѣгъ, который впиваетъ въ себя воду и на торбасахъ образуетъ толстую ледяную кору, легко отдѣляющуюся. Потомъ на ночлегѣ торбасъ окончательно высушивается.

Декабря 22-го достигли мы *Верхоянска*, называемаго Якутами *Боронукъ*, гдѣ простился съ нами Бережной. Онъ доставилъ насъ изъ Средне-Колымска сюда: (около 1224 верстъ) на однѣхъ лошадяхъ въ 32 дни, и такое путешествіе можетъ дать понятіе о крѣпости здѣшнихъ лошадей.

Городокъ Верхоянскъ состоитъ собственно только изъ пяти деревянныхъ домовъ, и деревянной же, не давно выстроенной и еще не освященной, церкви. Небольшое мѣстечко это лежитъ на западномъ берегу рѣки Яны, текущей здѣсь излучинами и ежегодно болѣе и болѣе подмывающей берега, почему Верхоянскъ со временемъ, вѣроятно, будетъ перенесенъ на противолежащую сторону. Войдя въ отведенную для меня квартиру, у здѣшняго мѣщанина Дорохова, я былъ пріятно изумленъ, ибо меня окружали предметы, сдѣлавшіеся чуждыми моимъ глазамъ: высокая, просторная, чистая горница была хорошо освѣ-

щена большими стеклянными окнами и убрана хорошею мебелью. Каминъ сдѣланъ былъ изъ изразцовыхъ кирпичей; въ углу помѣщался кіотъ, съ богатыми образами, а подлѣ у стѣны стоялъ шкафъ съ сочиненіями нашихъ лучшихъ писателей. Въ продолженіе всего путешествія, кромѣ собственныхъ моихъ книгъ, я видѣлъ только святцы, и то изрѣдка. Нельзя описать, какое пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ сихъ признаковъ нравственнаго образованія въ столь отдаленномъ, неизвѣстномъ уголкѣ земли. Хозяинъ и здѣшній окружный исправникъ Михайловъ угостили меня Европейскимъ обѣдомъ, и послѣ сухой, часто затхлой рыбы, онъ показался мнѣ истинною роскошью. Между прочимъ, разсказывали мои хозяева, что Устьянская экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, проѣхала здѣсь на возвратномъ пути въ Якутскъ, въ первыхъ числахъ Ноября.

Верхоянскъ, лежащій по нашимъ наблюденіямъ подъ 67′ 33′ широты, мѣстопребываніе исправника Янскаго, Индигирскаго и Жиганскаго округовъ, которые объемомъ равняются Франціи, но народонаселеніемъ уступаетъ многимъ деревнямъ. Не смотря на то, исправникъ, объѣзжая ежегодно свою обширную пустыню, всегда находитъ довольно дѣла для себя, своего секретаря и писаря, потому, что гдѣ живутъ хоть два семейства, тамъ непремѣнно уже зараждаются здѣсь ссоры и тяжбы, а ихъ должно изслѣдовать и разрѣшить.

Окрестности Верхоянска населены Якутами. Главный ихъ промыселъ скотоводство, чему много способствуетъ гористое положеніе страны и умѣренный климатъ долинъ. Зимою снѣгъ выпадаетъ здѣсь гораздо въ меньшемъ количествѣ, нежели въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Сибири, и стада остаются въ теченіе всего года на лугахъ, всегда находя себѣ достаточную пищу, что весьма важно, ибо жаркое лѣто, изсушая землю, не дозволяетъ дѣлать значительныхъ запасовъ сѣна. Озера попадаются здѣсь рѣже, нежели въ Колымскомъ округѣ, но недостатокъ ихъ вознаграждается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ богаты маленькими, въ два дюйма длиною, рыбками, водящимися въ чрезмѣрномъ множествѣ, такъ, что Якуты черпаютъ ихъ ведрами. Рыбка эта замораживается и сохраняется на зиму, а для ѣды ее растираютъ и варятъ съ толченою корою молодыхъ лиственницъ. Второе мѣсто между промыслами здѣшнихъ Якутовъ занимаетъ охота. Куропатки и зайцы водятся здѣсь въ неимовѣрномъ количествѣ. Лѣса изобилуютъ сверхъ того звѣрями, какъ то: сохатыми, оленями, черными медвѣдями, волками, кабаргами, лисицами, бѣлками, горностаями отличной доброты, и т. д. Черныя лисицы попадаются здѣсь рѣдко; соболей вовсе нѣтъ. Надобно полагать, что кабарга попадается здѣсь во множествѣ, ибо фунтъ мускуса въ Верхоянскѣ продается по 10 и 15 рублей.

Здѣшніе Якуты, отъ частыхъ сношеній съ сво-

ими соплеменниками, около Якутска живущими, утратили первобытную чистоту нравовъ. Страсть къ спорамъ, тяжбамъ и картамъ, обманы и воровство вкоренились въ здѣшнемъ народѣ до неимовѣрной степени. Взаимная недовѣрчивость и страхъ покражи принуждаютъ здѣшнихъ Якутовъ жить въ одной юртѣ со всѣмъ своимъ домашнимъ скотомъ. Можно представить послѣ сего чистоту и воздухъ въ подобномъ жилищѣ. Колымскіе Якуты, особенно въ мѣстахъ, лежащихъ вдали отъ большой дороги, гдѣ не проходятъ караваны съ водкою, живутъ гораздо опрятнѣе; домы ихъ чище и одежда лучше здѣшнихъ.

Во время пребыванія моего въ Верхоянскѣ, свирѣпствовало тамъ и въ окрестностяхъ особаго рода простудное повѣтріе, обнаруживавшееся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣляніемъ въ ушахъ. Болѣзнь появилась отъ того, что послѣ необыкновенно густаго тумана, наполнявшаго атмосферу въ теченіе цѣлой недѣли, внезапно наступили сильные морозы. Отъ 23-го до 26-го Декабря термометръ Реомюра показывалъ 36°, 40°, 42° и даже $42^1/_2$° холода. Всѣ жители, болѣе или менѣе, были нездоровы, и я также страдалъ нестерпимымъ стѣсненіемъ въ груди, отъ котораго избавился только при помощи медика въ Якутскѣ. Казакъ, посланный туда впередъ, съ бумагами, сдѣлался жертвою сей болѣзни. По общему здѣсь мнѣнію, какъ сія, такъ и другія эпидеміи, гибельны только кореннымъ и постояннымъ жителямъ Сибири, а для

проѣзжающихъ и короткое время живущихъ здѣсь, не опасны.

Встрѣтивъ праздникъ Рождества Христова въ Верхоянскѣ, 27-го Декабря отправились мы въ дальнѣйшій путь.

Стужа не умѣрялась; ртуть въ термометрѣ постоянно стояла на 40^0 ниже точки замерзанія. При такомъ холодѣ, всякая поѣздка, даже и въ саняхъ, затруднительна, а верхомъ на лошади несносна. Безъ собственнаго опыта, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о тѣхъ мученіяхъ, съ какими сопряжено подобное путешествіе. Закутавшись въ толстыя, но промерзшія мѣховыя платья, около пуда вѣсомъ, дышать можно только украдкою изъ-за медвѣжьяго воротника, покрытаго густымъ инеемъ; мѣховая шапка закрываетъ все лицо, ибо внѣшній воздухъ столь рѣзокъ, что каждый вздохъ производитъ несносно болѣзненное чувство въ горлѣ и легкихъ. Сверхъ того путешественникъ, въ продолженіе десяти часовъ (обыкновеннаго переѣзда отъ одного ночлега, или привала, къ другому), прикованъ къ лошади, съ трудомъ пробирающейся по глубокому снѣгу, въ которомъ человѣкъ утонулъ бы, не говоря уже, что въ тяжелой шубѣ всякое движеніе почти невозможно. Лошади терпятъ столько же, сколько и всадники, отъ холода, равно на нихъ дѣйствующаго. Около ноздрей образуются у нихъ ледяныя закраины и сосульки, препятствующія дыханію. Онѣ извѣщаютъ о томъ болѣзненнымъ ржаніемъ и судорожнымъ

трясеніемъ головы. Ѣздокъ долженъ поспѣшить подать въ такомъ случаѣ помощь своей лошади, а безъ того она можетъ задохнуться. На безснѣжныхъ ледяныхъ пустыняхъ, при слишкомъ сильной стужѣ, копыты лошадей нерѣдко трескаются. Караванъ всегда бываетъ окруженъ густымъ синимъ облакомъ, производимымъ собственными его испареніями. При сильнѣйшихъ холодахъ, даже снѣгъ, болѣе и болѣе сжимаясь, отдѣляетъ отъ себя теплотворъ. Водяныя частицы паровъ мгновенно превращаются въ милліоны ледяныхъ блестокъ, наполняютъ всю атмосферу и производятъ безпрерывный шорохъ, нѣсколько похожій на звукъ, происходящій отъ раздиранія бархата, или толстой шелковой матеріи. Даже олень, вѣчный житель отдаленнѣйшаго Сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ защиты отъ ужаснаго холода. На тундрахъ олени становятся въ тѣсныя кучи, стараясь согрѣть другъ друга своими испареніями. Только зимній воронъ медленнымъ, слабымъ полетомъ разсѣкаетъ ледяной воздухъ, оставляя за собою тонкую, какъ нить, струйку пара, и не одни одушевленные, но даже и неодушевленные предметы, подвержены бываютъ ужасному вліянію стужи. Вѣковыя деревья трескаются съ оглушительнымъ шумомъ, который раздается въ степяхъ, какъ выстрѣлы среди моря; тундры и скалистыя долины щелятся, образуя глубокія рытвины; скрытая въ нѣдрахъ земли вода, дымясь, разливается по поверхности и мгновенно превращается въ ледъ, а въ горахъ огромныя скалы

отрываются и съ грохотомъ катятся въ долины. Даже на самый воздухъ простирается вліяніе сильныхъ морозовъ. Столь часто и справедливо восхваляемая, величественная красота темно-голубаго полярнаго неба пропадаетъ въ атмосферѣ, сгущенной стужею; звѣзды теряютъ свой обыкновенный блескъ, и сіяніе ихъ становится тусклымъ. Таинственная, поэтическая прелесть лунной ночи исчезаетъ тамъ, гдѣ мертвая природа скрыта подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и задавленное однообразіемъ воображеніе тщетно ищетъ предмета своей дѣятельности въ странѣ, гдѣ все неподвижно, и гдѣ послѣднія усилія животнаго организма человѣческаго клонятся только къ тому, какъ спастись отъ замерзанія.

Намъ предстоялъ еще трудный переходъ черезъ Верхоянскія горы. Мы достигли подошвы ихъ 4-го Января. Рѣзкій вѣтеръ вырывался изъ ущельевъ ихъ съ неимовѣрною силою и грозилъ гибелью отважному путнику. Мы рѣшились провести ночь и ожидать перемѣны въ построенной здѣсь поварнѣ. Тотчасъ послѣ заката солнца, густой, ледяной туманъ, вытѣсненный вѣтромъ съ горъ и изъ овраговъ, разлился по долинѣ и обхватилъ весь видимый горизонтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась ужасная буря. Вѣтеръ набѣгалъ порывами на лѣсъ, ломая и опрокидывая вѣковыя деревья, и только малая вышина нашей утлой хижины спасала ее отъ разрушенія. За то намъ угрожала ежеминутная опасность быть раздавленными какимъ либо изъ окружавшихъ насъ

деревьевъ. Такъ провели мы ночь. Къ утру буря затихла; атмосфера очистилась и температура сдѣлалась умѣреннѣе; термометръ показывалъ только 19° холода, и такая погода казалась намъ уже весьма сносною послѣ бывшихъ до того морозовъ. Мы поспѣшили воспользоваться столь благопріятною перемѣною и совершили переходъ черезъ горы довольно скоро и безъ особенныхъ затрудненій.

Января 7-го спустились мы счастливо съ горнаго хребта въ большой сосновый лѣсъ. Видъ огромныхъ, вѣчно зеленыхъ деревьевъ, произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе, напоминая намъ другія болѣе благословенныя страны отечества. Проѣхавъ еще нѣсколько такихъ лѣсовъ, 10-го Января прибылъ я счастливо въ Якутскъ. Здѣсь встрѣтилъ меня сотоварищъ и другъ, лейтенантъ Анжу, возвратившійся изъ его труднаго и опаснаго путешествія.

Въ продолженіе почти четырехъ-лѣтняго отсутствія моего, Якутскъ значительно перемѣнился и улучшился. Между другими улучшеніями было и то, что безполезный, старый деревянный острогъ разломали, и изъ уцѣлѣвшихъ въ немъ годныхъ бревенъ построили домъ для клуба, куда въ положенные дни собираются почетнѣйшіе жители города. Здѣсь нашелъ я хорошо освѣщенную залу, буфетъ съ разными кушаньями и напитками, биллъярдъ, комнату для карточной

игры, и проч. По праздникамъ здѣсь обѣдаютъ, танцуютъ, а иногда залъ превращаютъ въ театръ и разыгрываются разныя пьесы. Въ наше время давали тутъ оперу: *Мѣльникъ.* Актерами были молодые казаки и играли весьма порядочно. Предки ихъ строили острогъ, который, превратясь нынѣ въ храмъ Таліи, вмѣсто ужаса, разливаетъ общее удовольствіе. Всѣми такими улучшеніями обязанъ былъ Якутскъ своему тогдашнему городничему г-ну Мордвинову.

Здѣсь собственно кончилась наша поѣздка. Всѣ наши спутники, одинъ за другимъ, оставляли городъ, спѣша на родину. Только мы съ г-мъ Анжу должны были прожить въ Якутскѣ еще цѣлый мѣсяцъ для совершеннаго окончанія счетовъ, и не прежде 8-го Февраля могли отправиться въ дальнѣйшій путь. Февраля 25-го прибыли мы въ Иркутскъ, гдѣ ожидалъ насъ докторъ Киберъ. Здѣсь испросили мы позволеніе г-на Генералъ-Губернатора Александра Степановича Лавинскаго посѣтить горячіе ключи, находящіеся по ту сторону Байкала, и доставившіе намъ нѣкоторое облегченіе отъ мучительнаго ревматизма, неизбѣжнаго слѣдствія путешествій по полярнымъ странамъ. Докторъ Киберъ, въ описаніи возвратнаго пути его изъ Средне-Колымска, помѣстилъ свои наблюденія и собранныя имъ свѣдѣнія о Турсинскихъ горячихъ ключахъ и мнѣ остается только замѣтить, что пользованіе тамошними водами замедлило нашъ возвратъ въ Санктпетербургъ, ку-

да мы пріѣхали уже 15-го Августа 1824 года. Мичманъ Матюшкинъ и штурманъ Козьминъ опередили насъ тремя мѣсяцами.

КОНЕЦЪ.

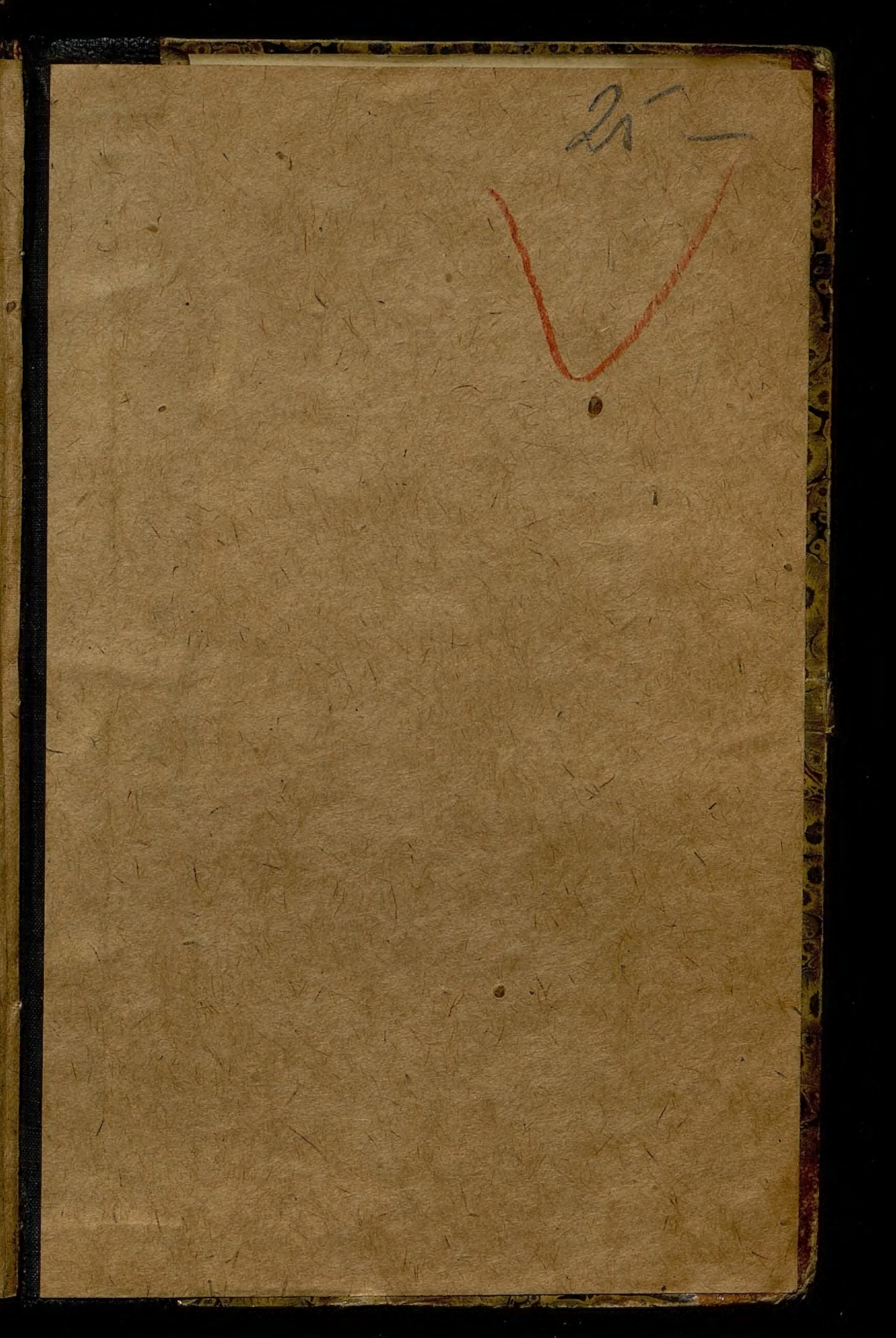
ОГЛАВЛЕНІЕ

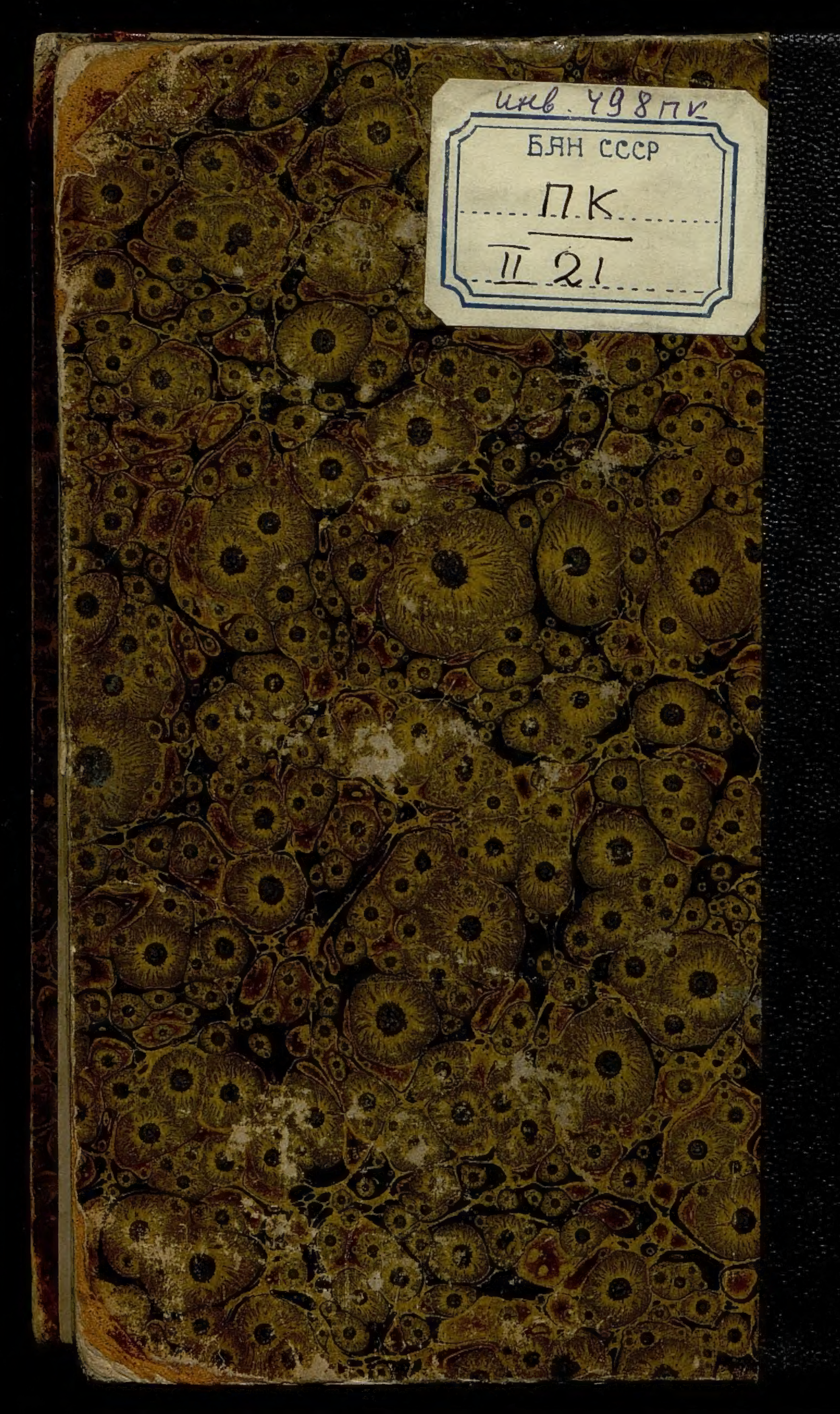
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ Г. ВРАНГЕЛЯ ПРИЛОЖЕНЫ:

1. Меркаторская карта сѣверовосточной части Сибири.
2. Меркаторская карта части сѣвернаго берега Сибири.
3. Меркаторская карта Медвѣжьихъ острововъ.
4. Меркаторская карта рѣкъ Большаго и Малаго Анюя.

инв. 498 пк
БАН СССР
ПК
II 21